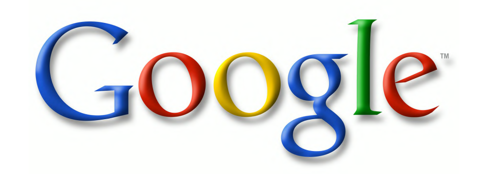

HDI
HL 1RDU 1

RUS
913
EFI

A 7
Efimenko, P.
Pridanoe...

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Petr Savvich Efimenko

П. Ефименко.

С.-Петербургъ.
№ 535. Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин., на Дворц. площ.
1872.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Различныя названія приданаго.—Лица, дающія и получающія приданое.—Составъ, стоимость и накопленіе его.—Уговорки и рядныя записи.—Передача приданаго имущества.—Процессы изъ-за приданаго между зятемъ и родными жены, вскорѣ послѣ передачи его.—Оспариваніе приданаго родными жены.—Право жены и мужа на приданое.—Растрата женина имущества мужемъ.—Посягательство на приданое при жизни жены, но по смерти мужа, со стороны родственниковъ послѣдняго.—Участь приданаго по смерти жены.—Обычаи, относящіеся до земельнаго приданаго.—Общія замѣчанія.

Для обозначенія всякого вообще приданаго крестьяне Архангельской губерніи употребляютъ слово *придано*, иногда *приданый животъ*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *и большо придано не сдѣлаетъ мужа*, или *приданымъ животомъ да наказаннымъ умомъ недолго поживешь*. Слово это изстари употреблялось и въ мѣстныхъ Двинскихъ актахъ [1]). Приданое, состоящее изъ женской одежды и убранства, называется *платно* или *платенно придано*, напримѣръ, въ поговоркѣ *не выноситъ платна безъ пятна;* невѣста должна быть *платна*, говорятъ крестьяне, т. е. имѣть порядочное приданое, состоящее изъ платья и другихъ нарядовъ. Въ Псковской судной грамотѣ слово *платной*, *платно* употребляется въ значеніи всякой вообще матеріи и одежды [2]).

---

[1]) Акты юрид., изд. Археогр. Комм. 1838 г. стр. 144. Новгор. данныя XIV—XV в.

[2]) Изслѣд. Псковск. судн. гр. *Энгельмана*, стр. 26 и 43.

Платное приданое называютъ также *скрутой*; дѣвушка, имѣющая хорошое приданое въ одеждѣ и украшеніяхъ, называется *скрутна* или *скручена*. Скрута въ Шенкурскомъ уѣздѣ означаетъ собственно женскіе наряды или, какъ говорятъ въ другихъ уѣздахъ, *женскій снарядъ*[1]). Въ сосѣдней Вологодской губерніи словомъ *скрута* обозначаютъ какъ приданое, такъ и головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанія [2]), то же, что въ здѣшнихъ рядныхъ записяхъ XVII ст. *головная скрута*. Слово *крута* встрѣчается и въ Двинскихъ актахъ XIV ст. [3]), и въ Псковской судной грамотѣ, въ значеніи женскихъ металлическихъ украшеній [4]), вѣроятно, преимущественно головныхъ. Какъ уже выше говорено, выраженіе *крутить* невѣсту значитъ заготовлять ей приданое, иначе *обряжать* невѣсту (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); *скрутить* — приготовить приданое, а *скрутиться*—одѣться, нарядиться [5]). По мнѣнію г. Аѳанасьева, слово *крутить* перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести [6]). Можно поэтому полагать, что слово *крута* или *скрута* первоначально означало женскій головной уборъ, при которомъ волосы извѣстнымъ образомъ заплетались (*крутились*).

Есть еще названіе приданаго—*коробья*; это названіе можно услышать отъ старухъ Холмогорскаго уѣзда, напримѣръ, въ выраженіи: *коробья копить*, т. е. запасать приданое. Слово *коробья* значитъ, собственно говоря, небольшой сундукъ или ящикъ, въ который мать невѣсты складываетъ заблаговременно припасаемыя для дочери мелкія вещи изъ приданаго: рубахи, *портна* (полотно), платки, косынки, чулки и т. п. Коробьи, по крайней мѣрѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, дѣлались прежде изъ осиноваго или липоваго луба, съ поперечными рѣшеточками извнѣ, но безъ желѣза; онѣ имѣютъ квадратную форму; въ большихъ коробьяхъ каждая сторона не болѣе одного аршина, а въ

---

1) Труды Арх. Статист. Комит. за 1865 г., кн. 1, стр. 64.
2) Опытъ обл. великорусск. словаря, изд. Ак. Н.
3) Акты юрид. Духовн. Новгородцевъ и Двинянъ № 1, ст. 430.
4) Изслѣд. Пск. судн. гр. стр. 91. Промышленность древней Руси *Аристова*, стр. 122, 162.
5) Сборникъ юрид. обыч. Арх. губ. кн. 1, стр. 252.
6) Поэт. воззрѣнія Славянъ на природу, III, 526.

малыхъ въ половину менѣе; вообще онѣ такъ малы, что въ нихъ нельзя складывать даже сарафановъ и верхней одежды. Нынѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ коробей въ продажѣ нѣтъ; онѣ сохранились только у старухъ; вообще же приданое держится только въ сундукахъ; о держаніи его въ сундукахъ есть даже поговорка: *приданое въ сундукѣ, а уродъ на рукѣ.* Около г. Холмогоръ нынѣ даже стыдятся давать коробью съ невѣстой. Скоро память о коробьѣ останется только въ пѣсняхъ да въ свадебныхъ причитаніяхъ [1]). Впрочемъ въ отдаленныхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Шенкурскомъ, коробья и теперь еще пользуется почетомъ.

Сохранилось еще старинное названіе приданаго—*надѣлокъ.* Крестьяне, впрочемъ, находятъ разницу между собственно приданымъ и надѣлкомъ. Крестьянинъ, доставившій мнѣ самыя обстоятельныя объясненія на всѣ вопросы по обычному праву, такъ выразился на счетъ надѣлка: „Надѣлокъ—не приданое; приданое—это та одежда и украшенія, которыя заготовляютъ отецъ и мать невѣстѣ; въ надѣлокъ же идутъ деньги, корова или телица, а съ ней нѣсколько саженей сѣна, четверти двѣ-три *жита* (ячмень), а прежде шли поля, пожни; если мать даетъ свое старинное платье и другіе наряды, полученные ею въ свою очередь въ приданое, то это тоже будетъ надѣлокъ. Когда нѣтъ сыновей, то родители дѣлятъ имущество между дочерьми: разсчитаютъ, что̀ слѣдуетъ первой, второй и т. д. и выдаютъ его по мѣрѣ выдачи замужъ; такая часть каждой также называется надѣлкомъ. Отъ того-то крестьяне часто говорятъ: сверхъ *приданаго* за такою-то дано еще въ *надѣлокъ* то-то“. Справедливость подобнаго объясненія подтверждается и разнаго рода крестьянскими актами, которые читатель встрѣтитъ въ этой статьѣ. *Надѣлокъ*, или иначе, *надѣлъ* значитъ, во первыхъ, всякое приданое, за исключеніемъ скруты или одежды и нарядовъ, запасаемыхъ родителями невѣсты; во вторыхъ, выдѣлъ или часть имущества, назначеннаго дѣтямъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола еще при жизни родителей, кои предоставляютъ имъ право получить эту часть

---

[1]) Въ родѣ слѣдующаго, обращеннаго дружкой къ невѣстѣ, во время смотрѣнья: «Послушай-ка, красная дѣвица: гордость, спѣсь оставляй-ка здѣсь; низкіе поклоны въ коробью клади, ногой придави, да къ намъ привези“.

или при жизни, или послѣ смерти своей; въ третьихъ, иногда такъ называется извѣстная сумма денегъ, выдаваемая сыну или дочери вмѣсто выдѣла имущества; въ четвертыхъ, доля имущества, хотя бы и платного, выдѣляемая сестрѣ братьями по смерти отца, въ замѣнъ приходящейся ей части общаго имущества. Въ древнихъ Двинскихъ актахъ XIV—XV ст. надѣлокъ имѣетъ то же значеніе; напримѣръ, въ одномъ духовномъ завѣщаніи, завѣщатель говоритъ: „А что есмь посулилъ *надѣлка* зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ“ [1]). Въ другомъ завѣщаніи надѣлкомъ названа извѣстная сумма денегъ, оставляемая мужемъ женѣ вмѣсто части имущества: „А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидетъ замужъ, ино ей *надѣлка* десять рублей, а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть“ [2]). Въ актахъ, относящихся къ другимъ областямъ Россіи, слово *надѣлокъ* или *надѣлъ* употреблено въ смыслѣ части имущества, выдѣляемаго отцомъ сыну, или денежнаго вознагражденія въ замѣнъ такого имущества [3]). Котошихинъ же употребляетъ слово *надѣлокъ* въ значеніи приданаго вообще; онъ говоритъ: „Иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ зъ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, *съ надѣлкомъ*, за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, или времянемъ бываетъ выдаютъ чрезъ неволю; а свадбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чину людемъ женитися а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабалные“ [4]). Здѣсь слову *надѣлокъ* придается болѣе широкій смыслъ; оно означаетъ не выдѣлъ извѣстной

---

[1]) Акты юрид. № 409, стр. 433.
[2]) Тамъ же № 409, стр. 430.
[3]) Тамъ же, стр. 420 и 421.
[4]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл. 1859 г., стр. 131.

части родственнику или родственницѣ, а просто приданое, даваемое въ видѣ дара постороннему лицу. Притомъ тутъ подъ надѣлкомъ разумѣется главнымъ образомъ платное приданое.

Къ числу названій приданаго принадлежитъ и слово *награда* или *награжденіе*. Мнѣ попадалось оно въ актахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „выдалъ я дочь свою въ замужество, съ которой дано было въ награжденіе, во владѣніе зятю, сѣвчей и сѣнокосной земли *столько-то*" или „вышла при жизни отца не безъ награжденія"; или „выдалъ сестру свою въ замужество съ приличною наградой" и т. п. Награжденіемъ называется главнымъ образомъ приданое, состоящее въ деньгахъ, скотѣ и т. п. (кромѣ скруты), а прежде называлось и состоявшее въ землѣ. То же названіе придается и денежному или имущественному вознагражденію, которое дается сыну, уходящему въ солдаты или идущему въ зятья-пріемыши. Такимъ образомъ, награжденіе и надѣлокъ означаютъ одно и то же. Во внутреннихъ губерніяхъ также отличаютъ приданое отъ награжденія. Приданымъ въ узкомъ смыслѣ считаются сундуки съ одеждой невѣсты. Къ приданому принадлежитъ и то, что̀ у Римлянъ называлось peculium adventitium (пріобрѣтенное трудомъ самой невѣсты). Награжденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутъ и приданымъ, составляютъ деньги, скотъ, а изрѣдка и изба, идущіе съ невѣстой. Это все дочь можетъ получить только при выдаваньи ея замужъ отцомъ, потому что когда умираетъ отецъ, то обыкновенно оставляетъ награжденіе сыновьямъ, а дочерямъ никогда; онъ въ такомъ случаѣ прикажетъ сыновьямъ, чтобы они снарядили ее, когда прійдетъ время ея замужества, соразмѣрно своему состоянію. Только родительское благословеніе, то есть, икону предварительно даетъ самъ отецъ [1]). Въ Архангельской губерніи родительскимъ благословеніемъ называется всякое награжденіе или надѣлокъ, которыми *благословляетъ* отецъ своихъ дѣтей при жизни, въ томъ числѣ и приданое дочери, состоящее въ благословенномъ образѣ, скотѣ (а прежде и въ землѣ) и т. п.

Свадебныя пѣсни Шенкурскаго уѣзда, на ряду съ приданымъ, употребляютъ слово *даньe*, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ:

---

[1]) Pravni obicaji u Slovena, соч. *В. Богишича*, стр. 125.

Тѣ не дай Богъ женитися
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческую дочерью
Много денегъ и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ
Што я стану говорить тебѣ:
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Не тяглы́ [1]), не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не горазды.
Тѣ не дай Боже женитися
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочерь:
Со поповской славной дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тебѣ,
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы́ и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже женитися
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочерь:
Со крестьянскою-то дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья;
Что крестьянскія-то дочери,

---

1) Тяглый значитъ — сильный, работящій.

Всѣ тяглы и работливы,
Ткать и прясть онѣ горазды,
Шолкомъ шить мастерицы [1]).

Проживающіе въ Холмогорахъ Шенкурскіе крестьяне не могли мнѣ объяснить значеніе слова *данье*; но оно навѣрное значитъ то же, что̀ и приданое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слово *да́нница*, существующее у крестьянъ Холмогорскаго уѣзда и означающее тоже приданое; напримѣръ, здѣсь можно услышать выраженія: *у нея да́нница хорошая* или *невѣста съ большой да́нницей*. Вотъ сколько различныхъ названій употребляетъ здѣшній народъ для выраженія понятія о приданомъ. Это разнообразіе названій служитъ доказательствомъ того, что приданое въ крестьянскомъ быту отдаленнаго сѣвера всегда занимало видное мѣсто.

Къ приданому можно относить и всѣ дары, получаемые невѣстой отъ ея родныхъ и отъ родственниковъ жениха, какъ-то: *приносы*, *плакальныя деньги*, тѣ деньги, которыя она получаетъ на *бѣлила*, потому что всѣ эти дары составляютъ собственность невѣсты. Но о нихъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Приданое дается родителями невѣсты и всѣми тѣми членами семьи, которые воспользовались извѣстною частью изъ имущества родителей выходящей замужъ дѣвушки или имуществомъ перваго мужа, если это будетъ вдова, именно: братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ, свекромъ, деверемъ и др.; иногда невѣста сама себя *крутитъ*, то есть, заготовляетъ себѣ приданое. Примѣры сказанному читатель встрѣтитъ въ нѣсколькихъ ниже приводимыхъ актахъ и извлеченіяхъ изъ актовъ относительно принятія родственниками обязанности снабдить приданымъ невѣсту. Крестьянинъ Иванъ Лоховъ, выдѣлившій своему родному брату Якову, который переходилъ въ зятья-пріемыши, часть имущества, уговаривался съ послѣднимъ: „да еще жь имѣется у насъ сестра Мавра, то мнѣ Ивану поить-кормить до полнаго возраста, а случится по закону пожелаетъ въ замужество, то на оную платье и свадьба срядить мнѣ, Якову, собой,—токмо мнѣ, Ивану, пригото-

[1]) Москвитянинъ 1853 г. іюль кн. I. Свадьба Арханг. губ., стр. 35.

вить хлѣбъ и харчъ“[1]). Въ отступномъ письмѣ 1810 г. января 4-го, данномъ крестьяниномъ Силой Вершининымъ и его женой родному брату Герасиму, который воспользовался всѣмъ имѣніемъ перваго на счетъ дочери Силы Вершинина, сказано: „А буде дочери нашей Вассы Богъ продлитъ вѣку и возрастетъ въ полный возрастъ, то ему, Герасиму, на ей платья завести тѣлогрѣю тафтяную и шубейку тафтяную, а на чебакъ дать деньгами десять рублей. А буде на ней будутъ *поиманцы* (женихи), тожъ и свадьбу срядить, какъ и въ добрыхъ людяхъ водится, а больше въ надѣлокъ ничего не требовать“ [2]). Крестьянская вдова Куростровскаго селенія Авдотья Леонтьева, завѣщавъ сыну своему Андрею домъ, службы и разное недвижимое имущество, на счетъ дочерей своихъ распорядилась: „дочерямъ моимъ дѣвицамъ Агафьѣ, Евдокіи и Александрѣ проживать въ домѣ обще съ сыномъ Андреемъ безпрепятственно и по возможности наряжать и заводить платье, а ежели поидутъ въ замужество, то сдѣлать и свадьбы и наградить каждой по иконѣ, отъ меня имъ предназначенной“ [3]). 1810 г. апрѣля 1-го крестьянская вдова Авдотья Иванова, передавъ свое движимое и недвижимое имущество дочери своей Матренѣ и зятю Якову, ея мужу, завѣщала между прочимъ: „а меньшую дочь Татьяну благословляю, что она не въ совершенномъ возрастѣ, то большой дочери Матренѣ и зятю Якову, чтобы оную меньшую дочь до совершеннаго возраста или до смерти призирать, поить и кормить, обувать и одѣвать во всемъ снабдевать и ни въ чемъ не изгонять; а если Богъ вѣку продлитъ и пойдетъ въ замужество, свадьбу срядить, какъ принадлежитъ, да въ награду дать, кромѣ платья, завоженнаго на ней, еще въ надѣлку деньгами сто-пятьдесятъ рублей, а если Богъ смерть пошлетъ, похоронить честно и по душѣ ей дать сорокоустіе, да сверхъ сего отдать же по монастырямъ тридцать рублей“ [4]). Въ челобитной конца XVII столѣтія, поданной крестьяниномъ Ма-

[1]) Полюбовное сговорное письмо 1811 г. февраля 2-го дня, изъ крѣпостн. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда.

[2]) Изъ крѣп. кн. Холм. уѣздн. суда 1810 г.

[3]) Духовн. завѣщаніе 1870 г. іюня 14-го, получ. отъ кр. Быстрокурскаго сел. О. Нечаева.

[4]) Крѣп. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда 1811 г. № 1.

тигорскаго селенія Фролкомъ Нифантовымъ архіепископу Холмогорскому Аѳанасію, между прочимъ, написано: „По пріемному письму, каково мнѣ дала жена моя Анница, по совѣту съ дочерью своею Марьею, какъ я сирота на ней Анницѣ женился и во дворъ къ ней шелъ, и послѣ того падчерица моя дѣвица Марья, какъ стала въ полномъ разумѣ, дала она дѣвица мнѣ сиротѣ другое письмо за своею рукою, что поступилась она дѣвица деревенскимъ жеребьемъ пашенными землями и сѣнными покосы совсѣмъ безъ вывѣта, поступилась она мнѣ сиротѣ вотчину и матери своей, а моей женишке, а сродичамъ ея и иному никому въ той деревни дѣла нѣтъ и не вступатца... а противъ того поступного письма далъ я сирота ей дѣвицѣ на себя письмо, что поить и кормить ея дѣвицу до возрасту ея, и замужъ выдать съ надѣлкою, въ приданомъ далъ кабалу въ дватцати рубляхъ, а буде она дѣвица умретъ и мнѣ ея дѣвицу поминать и подачи ея править“ [1]).

Собственно приданое, или скрута, дается тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыхъ выдаютъ замужъ, напримѣръ: дочерямъ, внучкамъ, племянницамъ, двоюроднымъ сестрамъ, снохамъ, золовкамъ и проч. Надѣлокъ же вручается иногда тѣмъ же лицамъ женскаго пола, а иногда ихъ мужьямъ. Когда же берется въ домъ зять-пріемышъ, тогда все имѣніе передается обыкновенно въ полное его распоряженіе. Задумывая принять къ себѣ зятя, крестьяне мало заботятся о приданомъ, а главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы хозяйство было исправно. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ впрочемъ, дающій надѣлокъ передаетъ его прямо отцу жениха, при заключеніи съ будущимъ сватомъ брачнаго договора. Женщина, приносящая съ собою хорошее приданое, называется *приданницей*; а въ прежнее время, когда былъ обычай давать въ приданое поземельные участки или, по здѣшнему, *деревни*, тогда невѣстамъ, которыя выходили замужъ съ землей, давали названіе *приданницъ-деревенщицъ* или *участницъ*. Невѣста съ плохимъ приданымъ называется *безприда́нна* или *безприда́нница*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *бери безприданну, но таланну*, или *безприданница-безотвѣтница*. Въ настоящее время *приданницами* называютъ еще дѣвочекъ-родственницъ или воспи-

---

[1]) Изъ бумагъ крест. сел. Матигоръ Аникіева.

танницъ невѣсты, или дочерей отъ перваго замужества, которыхъ берутъ съ собою, какъ бы въ приданое, выходящія замужъ. Быть можетъ, въ старину приданницами назывались „приданыя дѣвки“, то есть, дочери холоповъ, которыя давались въ приданое съ дочерями бояръ (во внутренней Россіи: *дѣвка къ ларцу*).

Въ приданое у болѣе бѣдныхъ крестьянъ поступаетъ всегда, сверхъ *благословящаго* образа (т. е. благословенной иконы), *мѣсто*, то есть, постель, все то, что̀ бываетъ во время свадьбы зашито въ *банникъ*, то есть, весь столовый приборъ, также бѣлье и матеріалъ для него: платье, дѣвичьи украшенія и нѣкоторыя принадлежности хозяйства: *красенная збруя* или *красна́* (ткальный станокъ), серпъ, грабли, *пріузъ*, *кичиги* (части молотильнаго цѣпа), санки и проч. У болѣе состоятельныхъ, кромѣ того, даютъ домашнюю утварь, какъ-то: самоваръ, чайную посуду, также кое-что изъ мебели: комодъ, зеркало и прочее; гораздо рѣже деньги, что-нибудь изъ домашняго скота, хлѣбъ и прочее.

Иконъ съ невѣстой обыкновенно дается двѣ: одна *за невѣстой*, другая *за постелью*; первая лучшая, съ серебренымъ окладомъ, а у богатыхъ, сверхъ того, украшенныя жемчугомъ, а вторая попроще; первая, большею частью во имя Пресвятой Богородицы, а если грамотный и толковый отецъ, то и во имя ангела дочери. Первымъ образомъ отецъ невѣстинъ благословляетъ молодыхъ передъ отправкой ихъ къ вѣнцу, потомъ передаетъ его тысяцкому, который открыто, на правой рукѣ, везетъ икону въ церковь и ставитъ на налой, а затѣмъ торжественно отвозитъ въ домъ жениха. Второй образъ везется сватьей съ постелью, безъ торжества, прямо въ домъ жениха и ставится въ той горницѣ или клѣти, гдѣ будутъ укладывать молодыхъ спать. *Мѣсто*, или постель, заводится передъ самою свадьбой; дочь цѣнятъ по жениху; поэтому, если женихъ посостоятельнѣе, стараются дать лучшее *мѣсто*, равно какъ и завести лучшую одежду; у состоятельныхъ невѣстъ подушекъ бываетъ двѣ, три или четыре. Самыя бѣдныя иногда не имѣютъ постели; о такихъ говоритъ пословица: *невѣста безъ мѣста, женихъ безъ портокъ*; но и онѣ берутъ чужое мѣсто въ займы, на время свадьбы.

Банникомъ называется свадебная *коврига* или *мякушка* (ржаной

печеный хлѣбъ), зашиваемая въ скатерть, передъ дѣвичникомъ въ присутствіи родителей, а также все то, что̀ кладется съ нею: два калача крупичатыхъ, столовая чашка, миска, тарелка, солоница съ солью и двѣ ложки для молодого и молодой. Въ Пинежскомъ уѣздѣ ложки бываютъ большею частью деревянныя, непремѣнно новыя, не держанныя; впрочемъ случается, что батюшка-родитель или благословенный батюшка, если богаты, жалуютъ вмѣсто деревянныхъ ложекъ серебреныя. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ у зажиточныхъ крестьянъ серебреныя ложки кладутся не только для молодого и молодой, но и для всѣхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ будущаго зятя. Это новое обыкновеніе. Банникомъ всѣ эти вещи называются потому, что ихъ зашиваютъ послѣ того, какъ невѣста съ дѣвушками сходитъ въ баню и начнетъ отдыхать послѣ бани, а расшиваютъ на другой день по бракосочетаніи, послѣ того какъ молодые побываютъ въ банѣ.

Холстъ не составляетъ здѣсь, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, необходимой принадлежности приданаго, потому что Холмогорскіе крестьяне сами почти не разводятъ льна; богатые, впрочемъ, кладутъ куска два или три портна (аршинъ 25) въ сундукъ, собственно для дочери, а не для ея мужа. Крестьянинъ, женясь, самъ или его мать покупаетъ кудель и приказываетъ женѣ шить ему рубахи и портки. Женскихъ рубахъ у дѣвушекъ средняго состоянія бываетъ по 10 и болѣе, а у богатыхъ по 30 и даже по 50, такъ что дѣвушка, вышедъ замужъ, можетъ не заводить ихъ лѣтъ двадцать, если нѣтъ дѣтей. Изъ платья въ особенности запасаются будничными сарафанами, ткаными изъ пестряди съ красною бумагой, которыхъ бываетъ у иныхъ до 10 и болѣе, такъ что этихъ самодѣльныхъ сарафановъ хватаетъ лѣтъ на десять; кромѣ того, бываютъ платья— у бѣдныхъ ситцевыя, а у богатыхъ шерстяныя и шелковыя. Здѣшнія окологородныя крестьянки, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ родныхъ въ Петербургскихъ артеляхъ, приняли городскую одежду, такъ что у нихъ въ приданое идутъ драповыя пальто, салопы на лисьемъ мѣху, шали, муфты и проч. Изъ принадлежностей туалета даются серьги, браслеты, жемчугъ (нѣсколько прядокъ жемчуга). Старинная одежда: шубейки, гранитуровыя шубки, штофники и проч. здѣсь вышла изъ моды и если дается

въ приданое, то болѣе на память, а не для носки. Всѣ такія вещи нуждающіеся крестьяне стараются сбывать въ южную часть уѣзда, и въ особенности, въ Шенкурскій уѣздъ, гдѣ эти предметы еще въ употребленіи. Въ другихъ уѣздахъ губерніи дѣвушки во время свадьбы, на гуляньяхъ и на вечеринкахъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: шелковыхъ штофныхъ шубейкѣ или полушубкѣ и юбкѣ, что̀ составляетъ такъ называемую *пару*, и въ повязкѣ, головномъ уборѣ, имѣющемъ видъ высокаго коническаго кокошника, украшеннаго жемчугомъ. Около г. Холмогоръ и этотъ нарядъ выходитъ изъ употребленія, и только весьма немногія дѣвушки выходятъ въ немъ на гулянья. Во время же свадебной заплачки и здѣсь невѣсты обязаны быть въ повязкѣ и парѣ, такъ что у которой нѣтъ ея, та занимаетъ ее на сторонѣ. Этотъ нарядъ, то есть, пару и повязку, каждая выходящая замужъ дѣвушка передаетъ, послѣ свадьбы, своей слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ, и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ, въ видѣ приданого. Иногда, если у самой младшей сестры не окажется головнаго убора, то вмѣсто него даютъ въ приданое извѣстное количество денегъ. Въ старину, какъ видно изъ актовъ и преданій, былъ подобный же обычай, то есть, если не имѣлось женскаго головнаго убора, *чебака* (чебакъ—шапка о двухъ ушахъ, куницею или соболемъ обложенная), въ такомъ случаѣ давали вмѣсто него деньги или землю. То же дѣлалось и въ случаѣ неимѣнія другихъ украшеній. Вотъ что̀ было дано года два тому назадъ въ приданое за одною дѣвушкой въ Шенкурскомъ уѣздѣ: одна красная штофная шуба (здѣсь въ Холмогорскомъ уѣздѣ не носятъ), одна шуба полушелковая (здѣсь не носятъ), одинъ сарафанъ шелковый клѣтками (здѣсь не носятъ), одна юбка шелковая штофная одноцвѣтная (у насъ не носятъ); одна бѣлая съ наборомъ юбка, одна холстинковая бумажная юбка, одна красная овчарная юбка, одинъ полушубокъ шелковый травчатый голубой (здѣсь не носятъ), одинъ двоеликій, немного поношенный полушубокъ (здѣсь рѣдко встрѣчаются), два кумачныхъ полушубка (здѣсь не носятъ) шесть холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ, два хорошіе полотняные воротка (здѣсь не носятъ), двѣ хорошія рубашки, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная, восемь хол-

щевыхъ рубашекъ полновыхъ, одинъ гарусный передникъ, одинъ разшивной хорошій сборникъ, одинъ шелковый голубой удирокъ, одинъ гарусный платокъ порядочной величины и доброты, три утиральника, изъ коихъ одинъ камчатный пропускной съ узоромъ, другой шитый въ пялахъ и третій браной съ наборцами кругомъ одна браная съ наборомъ салфетка, кусокъ кумачу на полушубокъ, одни красныя перстятки изъ дорогой шерсти, одни красныя перстятки домашней работы, однѣ серебреныя безъ пробы серьги одно серебреное пробное кольцо, одинъ крашеный съ замкомъ ящикъ, одна съ замкомъ коробья и одна бѣлая каменная тарелка [1]). Въ Мезенскомъ уѣздѣ одна дѣвушка получила при выходѣ замужъ: штофникъ, коротѣньку, шубейку, кумачникъ, китайникъ, сарафанъ простаго ситцу, серебреную цѣпь, матерчатую рубашку малиноваго ситцу и краснаго кумачу, 3 рубашки домашней пестряди, 2 бѣлыхъ рубашки тонкаго холста, 2 повойника, 2 алыхъ платка, 2 малиновыхъ платка, передникъ, красную шаль съ кругомъ, серебряную запонку, 2 передника, 2 шубы, одѣвальницу, ковшикъ и 2 ящика [2]). Въ с. Усть-Цыльмѣ, Мезенскаго уѣзда, гдѣ невѣстъ покупаютъ за деньги, приданое все-таки дается съ ними; оно состоитъ въ одеждѣ, которой должно хватить на три года, иногда даютъ корову, либо овцу.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ безъ бѣлой овчинной шубы невѣста-не невѣста; если нѣтъ такой шубы, говорятъ: „у невѣсты не въ чемъ и скотъ на прорубь сгонить; хоть въ шубейки гони“. Въ Пинежскомъ же уѣздѣ у невѣстъ со средствами приданое состоитъ въ подушкѣ, покрытой нероскошнымъ ситцемъ, шубѣ изъ домашнихъ овчинъ, покрытой дешевымъ синимъ сукномъ, кумачникѣ, нѣсколькихъ дорогихъ (кубовой краски) льняныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ ситцевыхъ, у немногихъ и въ шерстяныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ шелковыхъ алыхъ платкахъ, одной или двухъ шерстяныхъ шаляхъ, и у самыхъ богатыхъ, сверхъ того, въ шелковой лопотинѣ (платье) и таковыхъ же одной или двухъ шаляхъ и столькихъ же

---

[1]) Рѣшеніе Великоникскаго волостн. суда 1868 г. 27-го мая.
[2]) Рѣшеніе Мелогородскаго волостн. суда 1868 г. 14-го января.

рубашкахъ, преимущественно изъ домашняго холста (а по верховью р. Пинеги въ рубахахъ съ вышитыми красною бумагою накладками) и во всей рабочей одеждѣ и обуви [1]).

Красенная збруя или *кросно* здѣсь имѣется почти у каждаго крестьянина, а потому часто дается въ приданое; иногда даютъ только *ставá*, то есть, одну часть станка. Хорошій отецъ даетъ дочери точеные пріузъ и кичигу (части молотильнаго цѣпа), чтобы будущей женѣ удобнѣе, сручнѣе было молотить.

„У насъ“, говорили мнѣ крестьяне Холмогорскаго уѣзда,—„мало чтò бы изъ скота или денегъ давали; это бываетъ только у богатыхъ, и даютъ обыкновенно безъ предварительнаго уговора, а изъ чести, когда женихъ, при осмотрѣ его житья-бытья, оказалъ у себя деньги. Также корова, лошадь, овцы или хлѣбъ бываютъ больше у *остамицы* (единственная дочь-сирота), которая, разумѣется, собираетъ все, чтò у ней есть. *Залѣтнихъ* невѣстъ, иначе *посидѣлокъ* (годовъ 30-ти), тоже не берутъ безъ приданаго, состоящаго въ хлѣбѣ, деньгахъ и скотѣ. У подгородныхъ Холмогорскихъ крестьянъ каждый почти хозяинъ имѣетъ свою корову, или нѣсколько, а потому брать въ приданое корову считается несовсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ“. Къ рѣдкимъ исключительнымъ случаямъ относится то, что отецъ обязывается дать зятю корову для временнаго пользованія, или обязывается годъ, два обработывать земляной участокъ своего зятя, иногда же вмѣсто денегъ предоставляетъ ему право взыскивать долги съ своихъ должниковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ и деревняхъ Холмогорскаго уѣзда, изъ которыхъ крестьяне отправляются на заработки въ С.-Петербургъ, бываетъ такъ, что несостоятельный зять уговаривается, при сватовствѣ, съ будущимъ тестемъ, если послѣдній богатъ, чтобы тотъ вкупилъ его въ Петербургѣ въ артель. Такъ въ д. Мариловой былъ кровельщикъ, который женился въ д. Малой Тиврѣ и взялъ дочь у богатаго артельщика, и тесть, по условію, увезъ его въ Петербургъ и самъ внесъ за него вкупъ въ артель. Иногда крестьянина, пріѣхавшаго изъ Петербурга на родину для женитьбы и не имѣющаго собственнаго дома (если онъ отправился на заработки въ малолѣтствѣ), тесть приглашаетъ пожить

---

[1]) Сообщено крестьяниномъ Кулешовымъ.

до заговѣнья, пока онъ не уѣдетъ снова въ Петербургъ. Но того не бываетъ (какъ это часто случается у чиновниковъ), чтобы зятья выговаривали себѣ квартиру на продолжительное время у тестьевъ. Домовъ также не даютъ въ приданое, и только въ одномъ рѣшеніи волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, мы встрѣтили случай, что дана была въ приданое часть дома (*озадокъ* двора). Мы не говоримъ здѣсь о зятяхъ-пріемышахъ, которые получаютъ въ свое распоряженіе дома тестьевъ со всѣмъ хозяйствомъ. Одежды зятьямъ (какъ это бываетъ у чиновниковъ) тоже не даютъ въ приданое, развѣ тогда, когда останется пасынокъ отъ перваго мужа, который отдается на попеченіе зятю.

У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда входитъ въ обычай давать въ приданое зятю землю, съ тѣмъ чтобы *не отбирать ея вѣчно.* Въ Холмогорскомъ уѣздѣ иногда отдаютъ въ надѣлокъ затьямъ *чищеницы*, до истеченія 40-лѣтняго срока пользованія чищеницой. Ниже мы встрѣтимъ случай, какъ свекоръ отдалъ зятю, будущему мужу своей снохи, даже тяглую землю, или какъ выражаются крестьяне, *податную душу*, для уплаты податей за душу своего покойнаго сына, перваго мужа своей снохи. Все это остатки прежняго обычая, господствовавшаго здѣсь въ полной силѣ, давать землю въ приданое за невѣстами. Дѣйствительно, до 1831 г., пока у крестьянъ нашей губерніи существовало подворно-участковое наслѣдственное владѣніе землею, съ правомъ отчужденія ея, случаи отдачи въ приданое земли были не рѣдки. Землю или деревню получали тогда въ приданое не однѣ только осталицы, но и другія дочери, при наслѣдникахъ мужескаго пола, по благословенію родителей. Есть еще въ живыхъ много крестьянокъ, которыя выходили замужъ съ землей, отошедшею потомъ въ общій раздѣлъ. Впрочемъ, какъ видно изъ *дѣльныхъ крѣпостей* прошедшаго времени, дѣвушки, при раздѣлѣ съ членами семьи мужескаго пола, по смерти отца получали за свою часть земли денежное и вещественное вознагражденіе отъ послѣднихъ. Къ этому обычаю о дачѣ въ приданое земли мы возвратимся еще въ послѣдствіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ оригинальномъ приданомъ мелкихъ чиновниковъ въ здѣшней губерніи.

„Часто случается, что чиновники въ Архангельскѣ“, пишетъ одинъ

наблюдатель мѣстныхъ нравовъ, „женятся и берутъ за женою довольно странное приданое; странность не въ самомъ приданомъ, а въ предсвадебномъ условіи: иные условливаются о парѣ новаго платья, другіе о пищѣ или квартирѣ въ продолженіе опредѣленнаго по уговору времени" [1]). То же самое бываетъ и въ уѣздныхъ городахъ. Одинъ знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ въ Холмогорахъ женился на дочери удѣльнаго крестьянина и вырядилъ для себя у тестя пару платья да позволеніе жить въ домѣ тестя и кормиться на его счетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Семинаристы, вступающіе въ бракъ съ поповнами, тоже условливаются съ тестемъ, если у нихъ своя одежда обносилась, чтобы тотъ завелъ новую къ вѣнцу.

Въ древности обитатели Двинской земли давали въ приданое села, деревни, рабовъ, деньги и разнаго рода вещи, какъ это видно изъ Двинскихъ актовъ XIV, XV и XVI столѣтій. Такъ, въ одной данной написано: „Се купи ключникъ владычень Еуѳимей у Марьи у Ивановы жены Іевлича у Фефилатовѣ дочерѣ, а у Борисовѣ внукѣ, полсела земли, вотчину ея, въ Лялинѣ курьи, половину всю безъ вывѣта, дворъ и дворищо, и орамые земли, и пожни, и притеребы, и за Курьею великой пожни половина и въ перевѣсищахъ половина, и Устьлялинѣ курьи тоня, и подъ Великою пожнею ѣзъ да и подворомъ ѣзъ, а то съ Лялинци по половинамъ; а далъ на томъ ключникъ Еуѳимей Марьи три рубли да портищо пыжовъ; а пополонка соболь... а далъ ключникъ владычень Еуѳимей *ту землю дочери своей Оленѣ, за семи*" [2]). Во второй данной: „Се дасть Иванъ Михайловичь и жона его Ѳедотья, Микити Ѳедоровичу и дочерѣ своей Овдокѣи, *село земли* Онашиньское на Кургонеми, да двое *портъ*, *шубу* да *чюпрюнъ*, да *приданую дѣвку* Феню" [3]). Въ духовной: „А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣлка десять рублей; а что принесла *порты* и *круту* и *челядь*, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой и

[1]) Арх. Губ. Вѣд. 1863 г. № 11.
[2]) Акты юрид., № 19, стр. 39.
[3]) Тамъ же, № 110, V, стр. 144.

села мои и челядь моя наполъ; или будетъ дчи, ино выдасть ю братъ Өедоръ по силѣ" [1]). Еще въ духовной: „А что есмь посулилъ надѣлка зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села бъ заклади, на два году, до кунъ" [2]).

Стоимость приданаго въ Холмогорскомъ уѣздѣ бываетъ весьма различна. По опредѣленію крестьянъ, у самыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ приданаго бываетъ рублей на пять, на десять: сколько на себѣ платья, да еще нѣсколько рубахъ и прочаго; у средняго состоянія на 30—50 руб., а у богатыхъ простирается и до 300 руб.; бываетъ и гораздо болѣе, но какъ рѣдкое исключеніе. Такъ, въ 1870 году крестьянинъ Ульяновъ изъ Ровдиной горы далъ за дочерью 1000 руб. сер. Въ приводимыхъ ниже рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ различныхъ мѣстностей губерніи мы находимъ стоимость приданаго, по оцѣнкѣ истцовъ, въ 25, 30, 50, 77, 125, 197 и 200 руб. сер.

На вопросъ мой: было ли въ прежнее время приданое цѣннѣе нынѣшняго, или нѣтъ, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ: „Прежде давали дорогое приданое, такъ что было чтȯ и заложить, и продать въ случаѣ крайности; прежняя одежда и украшенія далеко превосходили стоимостью нынѣшнія: штофники рублей въ 40 асс., кумачники въ 5 руб., на нихъ серебреныя пуговицы и золотыя вахромки (бахрома) рублей на 10 асс.; прежде жемчугъ былъ въ большомъ употребленіи; богатыя повязки (головной уборъ), унизанныя жемчугомъ, цѣнились рублей въ 100—300 асс.; у моей бабки былъ кокошникъ жемчужный и стоилъ рублей 100 асс., а кошельки (серьги жемчужныя) тоже стоили не менѣе 100 руб. асс. Теперь только и цѣнности, что салопы на лисьемъ мѣху. Да и прочность то какая была: досельную одежду носила прабабушка, бабка, мать, да и дочери передавала; у меня есть кокошникъ: бабка худо помнитъ, когда онъ заведенъ, да полушубокъ годовъ 90 какъ дѣланъ; штофники трои вѣки носились; правда, надѣвались только на игрища; нынѣ ни за что ни кака дѣвка или жонка не надѣнетъ; а

---

1) Тамъ же, № 409, I, стр. 430.
2) Тамъ же, № 409, IV, стр. 433.

ротъ въ Емецкѣ всѣ въ полушубкахъ на игрищахъ.... Прежде приданое старались всѣми силами сберегать, чтобъ было что дочерямъ оставить въ приданое, да и теперь стараются не растрачивать; только ужь нынѣшнее платье не передашь; все не прочно; коли у дѣвушки порвется платье, то и не заводятъ задолго до свадьбы". Въ другихъ мѣстахъ губерніи, какъ мы уже видѣли, и снова увидимъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, еще удержалась старинная дорогая и прочная одежда.

Для опредѣленія стоимости приданаго въ XVII столѣтіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ *дѣльныхъ крѣпостей*, приведенныхъ В. Крестининымъ въ его нынѣ довольно рѣдкой книгѣ: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа", изданной въ С.-Петербургѣ въ 1785 году. Изъ дѣльной крѣпости 1647 г. февраля 3-го дня, составленной крестьянами Галушиными, Ровдогорскаго селенія, въ нынѣшнемъ Холмогорскомъ уѣздѣ, видно, что племянница получила отъ своихъ *дядьевъ*, за деревенскій участокъ отца въ приданое: 1) три рубля денегъ на однорядку, 2) шушунъ сукна краснаго съ *нарядомъ* (прикладка) цѣна 4 рубля, 3) за шапку полтора рубля денегъ, 4) кружево жемчужное (на шапку) цѣна 1 руб., 5) одинъ золотникъ жемчугу съ четвертью, цѣна 20 алтынъ, 6) кошельки (серьги, сплетенныя изъ жемчуга) цѣна 2 руб., 7) серьги серебреныя подъ золотомъ, съ цѣпью серебреною (для креста, носимаго на грудяхъ) цѣна 8 гривенъ, 8) другую шапку киндячную голубую (то-есть, бумажной выбойки, крашеную, безъ пестрыхъ цвѣтовъ) цѣна 10 алтынъ, 9) крашенинникъ съ нарядомъ, цѣна 20 алтынъ, 10) сапоги телятинные красные съ шелкомъ, да другіе пришвы, цѣна обоимъ полтина, 11) коробью съ бѣльемъ, цѣна 5 руб., и всего того приданаго было на 19 руб. 10 алтынъ. Крестининъ, сообщивши эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „все сіе доказываетъ богатую на Двинѣ невѣсту, ибо другія невѣсты тогдашняго времени приносили приданаго въ домы своихъ мужьевъ не болѣе или ниже двухъ рублей, какъ то видно по дѣльной крѣпости 1600 г. октября 27-го дня Игнатья и Селивана Дубасовыхъ, Куростровцевъ, которые со своею племянницей Парасковьею Андреевой дочерью на три жеребья движимое и недвижимое имѣніе дѣлили; почему сія участница наслѣднаго имѣнія въ

приданое вѣно на полтретья рубли получила“ (стр. 21). Но далѣе самъ же Крестининъ опять приводитъ въ примѣръ довольно состоятельную невѣсту. По дѣльной крѣпости крестьянъ Фатѣевыхъ, изъ Верхней Паленги, 1625 г. ноября 9-го, племянница получила за свой участокъ отъ четырехъ своихъ сонаслѣдниковъ дядей деньгами 12 руб. „Сверхъ того, сія достаточная по тогдашнему времени невѣста, выданная изъ богатаго крестьянскаго дома, отнесла въ приданое двои серьги и три перстня серебряные, цѣною въ три рубля“ (стр. 23). По четыремъ же приводимымъ мною ниже дѣльнимъ XVII столѣтія видно, что приданое давалось на сумму отъ 4 до 8 рублей; а въ одной дѣльной XVIII стол. приданое обозначено въ 50 рублей.

Хотя и существуетъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ поговорка о накопленіи приданого: *дочку въ колыбельку, придано въ коробейку*, но она здѣсь буквально не примѣняется, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи [1]). Говорятъ, что такъ было въ старину, а теперь заготовляютъ приданое съ малолѣтства дочерей только самые богатые да тѣ, которые имѣютъ единственныхъ дочерей, разумѣется, если они не думаютъ принять къ себѣ на домъ зятя. У крестьянъ же средняго состоянія не дѣлается такъ, потому что, какъ объясняютъ крестьяне, если есть нѣсколько дочерей, то нѣтъ силъ и времени накоплять приданое съ младенчества ихъ. Начинаютъ запасать приданое исподволь, годовъ съ 14 или 15, когда дочери уже сами начинаютъ учиться ткать, а ускоряется заготовленіе его, когда дочь уже считается невѣстой, съ 16 лѣтъ, такъ чтобы въ два, три года приготовить все болѣе нужное; остальное закупается тогда, когда дочь уже засватана.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отецъ къ приданому, состоящему изъ бѣлья и пр., *не касается*, то-есть, не заботится о немъ; это дѣло матери; она заблаговременно *заправляетъ* бѣлье, сарафаны, платки, полотенца, перья и пухъ для подушекъ и пр.; шьютъ же приданое, кромѣ дорогихъ вещей, и ткутъ сами дѣвушки-невѣсты; въ осо-

---

[1]) Записки Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этногр. т. II. Очеркъ народн. юридич. обычаевъ и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 690; также Pravni običaji u Slavena *V. Bogišića*, стр. 124.

бенности онѣ заботятся о тканыхъ будничныхъ сарафанахъ, такъ какъ при выборѣ невѣстъ обращается большое вниманіе на то, каково выткань сарафанъ. Отецъ заводитъ обыкновенно болѣе дорогія вещи изъ одежды: пальто, гарусные платки, платье, башмаки, равно и другія болѣе цѣнныя вещи. Хотя первоначальное приданое часто заготовляется на женскія деньги, то-есть, на *масляныя* и другія деньги матери и на тѣ, которыя получаетъ дочь на сторонѣ, напримѣръ, во время страды, если дома нѣтъ работы, но бываетъ также, что отецъ покупаетъ на первый разъ на семейныя деньги льну, мать же и дочь передѣлаютъ купленное на полотно, часть полотна обращаютъ на бѣлье, а лишнее продаютъ и на полученныя деньги покупаютъ снова кудели, чтобы вновь выгадать себѣ кое-что. Слѣдовательно, значительная часть приданаго пріобрѣтается на средства отца. „Вокругъ скотоводства ходить—обязанность жены, а потому мужья при продажѣ скота даютъ часть денегъ на приданое. Если лѣтомъ, въ страдное время, дочь работаетъ на полѣ, то отецъ за это заводитъ ей что-либо въ приданое; а Петенбура (то-есть, живущіе въ столицѣ) посылаютъ изъ Петербурга все необходимое въ приданое, напримѣръ, разнаго рода матеріи, кромѣ бѣлья, которое заводится дома. Вотъ такъ каждый годъ и подбавляется приданое“. О приданомъ все-таки болѣе заботится мать, нежели отецъ; отцу часто не нравятся лишніе, по его мнѣнію, расходы на наряды дочери, такъ что нѣкоторые болѣе скупые отцы препятствуютъ женамъ заботиться о самомъ нужномъ въ приданомъ, говоря: „я тогда все куплю, когда женихъ пріѣдетъ“; въ такомъ случаѣ мать старается запасти для дочери что-нибудь тайно отъ отца. Дѣвушки безчотныя, или если отецъ человѣкъ распутный или крайне бѣдный, или если онѣ живутъ въ чужихъ людяхъ, *крутятся* на свои деньги, собирая и продавая ягоды, нанимаясь на страду въ работы, занимаясь тканьемъ пряжи; но вся эта *крутня*—на 5, 10 и рѣдко на 20 руб.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ матери крутятъ дочерей не всѣхъ разомъ, а только одну старшую, которая считается невѣстой; она всегда ходитъ въ нарядной одеждѣ, а остальныя носятъ обноски ея. Когда выдадутъ первую, тогда начинаютъ крутить другую. Если же старшая дочь не считается невѣстой по чему-либо, напри-

мѣръ, по болѣзни, то въ такомъ случаѣ крутятъ вторую, помимо первой. Это накопленіе приданаго, какъ уже прежде было сказано, производится исподволь, но передъ свадьбой ускоряется приготовленіе его. Тогда, въ періодъ времени между осмотромъ житья-бытья жениха и рукобитьемъ, пріятельницы невѣсты ежедневно собираются въ домъ послѣдней и помогаютъ дошивать приданое—наволочки, занавѣски къ кровати, кое-что изъ платья; однимъ словомъ, шьютъ все закупное. Наканунѣ дѣвичника, когда невѣста съ подругами идетъ въ баню, мать *рядитъ коробью*, то-есть, окончательно складываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, полотна и все, что̀, по возможности, заготовлено въ приданое [1]). Самое полусундучье, въ которое складывается вся одежда, кромѣ *ношатой*, покупается въ Архангельскѣ, когда дочь уже невѣста.

Всюду почти въ губерніи бываютъ предварительные уговоры *(уговорки)* о приданомъ; только тамъ, гдѣ невѣстами особенно дорожатъ, напримѣръ, въ селеніи Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, о приданомъ не уговариваются. *Приданаго*, говорятъ тамошніе женихи *пожалуй, ни нитки; былъ бы хохолъ да титки.* И въ другихъ мѣстахъ губерніи о бѣдныхъ невѣстахъ, безприданницахъ, говорятъ: *Была бы кость да тѣло, а платье самъ дѣлай*, то-есть, была бы женщина порядочная, а платье наживемъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ есть еще поговорка о безприданницахъ: *Суженой пріѣдетъ и зипунъ* (или *шушунъ*) *привезетъ.*

Въ деревняхъ близь Холмогоръ договариваются почти всегда только о женской одеждѣ, въ особенности со скупыми родителями, и если много дочерей у нихъ; требуютъ, напримѣръ, драповое пальто, шелковый или другой какой салопъ, спрашиваютъ: отдадутъ ли жемчугъ, шубу, которую еще мать носила, не можно ли обмѣнить ношатаго платья; замѣчаютъ родителямъ, что у невѣсты *этого* нѣтъ, *этого* нѣтъ. Дѣвицы гостятъ и гуляютъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ въ лѣтніе праздники и на игрищахъ, а потому и видно, съ чѣмъ невѣста, да и молва идетъ, гдѣ и что̀ заводятъ. „У насъ на этотъ счетъ народъ дальновидный", говорятъ сами крестьяне. Въ особенности этого не могутъ не знать сватьи или сваты,

---

[1]) Москвитянинъ 1853 г. ч. I, стр. 40. Свадьба Арх. губ.

черезъ коихъ собственно и идетъ здѣсь уговоръ о приданомъ. Уговоръ о приданомъ совершается у насъ не во время рукобитья, какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, а при сватовствѣ. Какъ главныя лица, черезъ посредство которыхъ дѣлается уговоръ о приданомъ, сватъ или сватья служатъ всегда свидѣтелями при рѣшеніяхъ волостными судами спорныхъ дѣлъ о приданомъ между зятемъ или его отцомъ и тестемъ.

О надѣлкѣ—деньгахъ, скотѣ и пр., упомину при уговорѣ у насъ, близъ Холмогоръ, не бываетъ; онъ дается только изъ чести богатыми родителями. Въ особенности богатые женихи не считаютъ приличнымъ уговариваться о надѣлкѣ (бѣдные иногда составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе), и родители признаютъ такой уговоръ за насмѣшку: „Развѣ дѣвка съ безчестьемъ, что деньги требуете", отвѣтятъ родители. Дѣйствительно, если дочь дурнаго поведенія, и ожидаются послѣдствія ея распущенности, тогда состоятельные родители, чтобы прикрыть грѣхъ, сами предлагаютъ хорошее вознагражденіе жениху. Извѣстенъ одинъ случай, бывшій близъ Холмогоръ, что одна дѣвушка изъ богатаго дома сдѣлалась беременною. Ея поступокъ разславили, такъ что скрыть было нельзя, и потому ее предложили въ замужество бѣдному крестьянину, которому обѣщали дать въ приданое сначала 200, а потомъ 300 р. Сватъ потребовалъ, чтобы деньги до вѣнца еще были выложены на столъ. За то послѣ вѣнца мужъ прожилъ всѣ эти деньги. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, гдѣ населеніе побѣднѣе, тамъ и о надѣлкѣ уговариваются, какъ можно судить по приводимымъ далѣе обычаямъ Хаврогорскаго селенія.

Всѣ эти договоры совершаются на словахъ, а не на бумагѣ. Письменныя же условія довольно рѣдки и бываютъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Брачныя записи обыкновенно составляются тогда, когда отецъ невѣсты принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя. Но въ такихъ случаяхъ, условіямъ этимъ чаще всего придаютъ форму духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ тесть отказываетъ зятю все свое имѣніе, съ тѣмъ чтобы послѣдній кормилъ и одѣвалъ перваго, а первый не выгонялъ бы послѣдняго изъ дома. Здѣсь зять-пріемышъ признается наслѣдникомъ, а часто и полнымъ распорядителемъ въ имуществѣ тестя; слѣдовательно, тутъ имуще-

ство теряетъ уже характеръ настоящаго приданаго, какъ оно теперь понимается народомъ, за исключеніемъ разумѣется, платнаго имущества, которое остается собственностью жены. Объ этихъ условіяхъ подробнѣе будетъ сказано въ другомъ отдѣлѣ, когда станемъ говорить о зятьяхъ - пріемышахъ. Ниже же сего только приведемъ для образца три договора съ принятыми. Два изъ нихъ, 1807 и 1869 гг., заключены между будущимъ тестемъ и зятемъ, при чемъ отдается въ надѣлъ зятю въ первомъ половина владѣемой тестемъ земли, а во второмъ почти все движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ нѣкоторой части; третій договоръ заключенъ самою невѣстой съ будущимъ своимъ мужемъ, котораго она приняла въ домъ и на свой земляной участокъ, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ ей на свадьбу и на другіе расходы извѣстную сумму денегъ. Кромѣ этихъ записей, мы имѣемъ и приводимъ ниже, еще тринадцать, но уже не съ зятьями-животниками. Изъ нихъ одна запись относится къ XVI в., пять записей къ XVII ст., двѣ къ XVIII и четыре къ XIX столѣтію.

1.

1807 года ноября 9-го дня. Холмогорской округи, Моржегорской волости, деревни Цѣповской, крестьянинъ Василій Венедиктовъ сынъ Зеленинъ далъ сіе сговорное письмо той же деревни крестьянину Ивану Матвѣеву сыну Выдрину въ томъ, что по любовному сговору отдаю я, Зеленинъ, дочь свою Марфу за его Ивана въ законное супружество, и отдавая ему, Ивану, и дочери своей Марфѣ въ надѣлъ половину владѣнія своего, пашенную и сѣнокосную земли Цѣповскаго, Калгачинскаго и Самойловскаго печищей, тягломъ, по веревной книгѣ веревщика Матвѣя Евменьева, двадцатъ семь сажень три чети, и владѣть ему, Ивану и дочери моей, Марфѣ, тою пашенною и сѣнокосною землею вѣчно, и подать государственную съ той земли платить, также и съ моей полудуши по мірскимъ расположеніямъ ему, Ивану, ровно и всякія мірскія службы отправлять ему же, Ивану; а съ той земли давать ему, Ивану, ко мнѣ, Василью, на пропитаніе отсыпнаго хлѣба по три мѣры ржи и жита пополамъ, на всякой годъ, до смерти моей, а по смерти моей владѣть ему, Ивану, и дочери моей Марфѣ тою землею вѣчно, а другимъ родственникамъ моимъ никому дѣла нѣтъ и не вступаться. А ежели Богъ случитъ дочери моей Марфѣ смерть, то отдать тому, кто въ тотъ мой участокъ вступаться будетъ, къ нему, Ивану Выдрину, пожилыхъ денегъ, по шестидесяти рублей за всякій годъ, въ томъ сіе завѣщательное поступное письмо далъ.

У подлиннаго руки приложены тако: Къ сему сговорному завѣщательному письму крестьянинъ Василій Зеленинъ руку приложилъ. При семъ завѣщательномъ письмѣ свидѣтелей было 6 человѣкъ. 1810 года марта 14-го дня. Сіе сговорное письмо въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ явлено и въ книгу подъ № 6 записано.

2.

1869 года февраля 5-го дня. Мы, нижеподписавшіеся Архангельской губерніи и уѣзда, Вознесенской волости Тойвитовской деревни, государственный крестьнинъ Өеодоръ Михаиловъ Даниловъ и Иванъ Михайловъ Шваковъ заключили между собою условіе въ томъ, что послѣдній изъ насъ предполагаетъ вступить нынѣ же въ законный бракъ съ дѣвицей, дочерью Данилова, Натальей Өеодоровой, и коль скоро этотъ бракъ совершится, Иванъ Шваковъ вступаетъ во владѣніе домомъ, принадлежащимъ Данилову, стоющимъ 60 р., на правахъ полнаго хозяина, впрочемъ съ участіемъ самаго Данилова; кромѣ того (я, Даниловъ, передаю въ видѣ приданого, за дочерью, во владѣніе, навсегда: 3 коровы, 1 быка и 1 нетель, стоющіе 80 р., и лошадь 60 р.; этой скотиной Шваковъ пользуется навсегда, но продавать ихъ можетъ только съ одобренія и согласія моего, Данилова, какъ равно и я, Даниловъ, не имѣю уже права безъ согласія Швакова приступить къ продажѣ чего-либо изъ имущества или скота. При жизни моей, Данилова, Шваковъ имѣетъ право распоряжаться всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, какъ бы оно было его собственное, но взамѣнъ этого, онъ долженъ почитать меня, Данилова, какъ отца, неотказывать мнѣ ни подъ какимъ видомъ въ пищи, одеждѣ, и однимъ словомъ, до смерти моей содержать меня такъ, какъ прилично сыну отца. Остающаяся при мнѣ, Даниловѣ, малолѣтняя моя дочь Парасковья имѣетъ жительство въ этомъ же домѣ, а при выходѣ въ замужество, я долженъ наградить ее по своему состоянію приданымъ, изъ той части своего имѣнія, которое остается за мной и не будетъ передано Швакову. По смерти моей домъ и все хозяйство будетъ принадлежать въ вѣчную собственность дочери моей Натальѣ и ему, Швакову, какъ прямымъ и единственнымъ наслѣдникамъ, и никому другому, кромѣ ихъ, моимъ наслѣдствомъ не пользоваться и не вступать. Условіе это по совершеніи брака будетъ обязательно для обоихъ насъ, Данилова и Швакова; и измѣнить его можемъ только съ общаго согласія; за нарушеніе его тѣмъ или другимъ судиться по закону, въ чемъ и подписуемся:

Послѣ подписей лицъ, заключившихъ это условіе, слѣдуютъ подписи свидѣтелей [1]).

---

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Вознесенскаго волостнаго правленія.

3.

1816 года іюня дня, Архангельской губерніи Холмогорской округи, Челмохацкой волости, деревни Григорьевской, крестьянская дѣвка Парасковья Матвѣева дочь Коротких дала сіе договорное письмо той же волости и деревни, крестьянину Степану Алексѣеву сыну Блинову, въ томъ, что по раздѣлу между племянницами и зятемъ Степаномъ Поповымъ оставшагося отъ отца и братьевъ деревенскаго участка, по нахожденію объ ономъ въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ дѣла, по рѣшенію онаго, досталось мнѣ, Парасковьѣ, изъ земляного участка, горней орамой земли и сѣнныхъ покосовъ и распашныхъ новинъ и запущенныхъ припашей четвертая часть, тягломъ, по веревной книгѣ, 22 сажени, а изъ хоромнаго строенія на мельницѣ изба, дворъ, баня и кузница; нынѣ я, Парасковья, доставшійся по раздѣлу земляной участокъ обработывать и оплачивать подать и всякую общественную съ того участка повинность не въ состояніи и отдать изъ платежа никому не могла, почему нынѣ взяла намѣреніе взять въ законное супружество означеннаго крестьянина Степана Блинова на оный участокъ и домовое строеніе, и при отдачѣ сего договорнаго письма взяла я, Парасковья, у него, Степана Блинова, для расплаты прежде недоплоченныхъ обществу государственныхъ податей и разнымъ крестьянамъ долговъ, также и на свадьбу, всего 250 руб.; съ тѣмъ, ежели по житіи мною въ замужествѣ, Божіимъ изволеніемъ, я, Парасковья, помру и дѣтей не останется, и во оную землю какіе нибудь родственники вступаться будутъ, то заплатить ему Блинову, за обработываніе землянаго участка и за распахиваніе запущенныхъ новинъ, по 175 рублей за каждый годъ, также и взятыя мною при выдачѣ сего письма деньги 250 рублей; въ чемъ я, Парасковья, ему Степану сіе договорное письмо дала и подписуюсь: Подпись за Парасковью Короткихъ Холмогорскихъ Городническихъ дѣлъ канцеляриста Рязанова [1]).

4.

Се язъ Пятой Ивановъ сынъ Ровдогорскые волости хрестіянинъ да я Анна Иванова дочи Головиныхъ дали есмя *дѣловую розпись*, я Пятой шурямъ своимъ Троѳиму да Семену Ивановымъ дѣтемъ Головинымъ Матигорцамъ, а я Анна братямъ своимъ Троѳиму да Семену, въ томъ, что въ нынѣшнемъ во сто тридесятъ шестомъ году ѳевраля въ десятый день я Анна, по благословенію родителей своихъ, вышла замужъ за Пятого Иванова сына Неверовыхъ, за Ровдогорца, а надѣлку язъ Анна взяла у братьи своей у Троѳима да у Семена, за свой третей участокъ, изо всего вопче живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ,

---

[1]) Изъ книги Холмогорскаго уѣзднаго суда 1816 г. № 6.

за кони и за коровы, и за всякой мелкой скотъ, и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все полтора рубля денегъ на шушунъ и на шапку, да серги серебряные позолочены съ каменемъ двойные въ тритцать алтынъ, да рубашекъ женскихъ тонкихъ и пачесныхъ, и костычей тонкихъ и пачесныхъ, и *главные скруты* на полтора рубля, да шапку киндячную въ семь алтынъ и всего я Анна взяла за свой третей участокъ и за всякой животъ, и за деревню, и за все про все на четыре рубля на три алтына и на четыре денги, а въ досталномъ во всемъ животѣ и въ деревни, и въ дворѣ, и въ долгу остались жить они братя мои Трофимъ да Семенъ, а мнѣ зятю ихъ Пятому да сестрѣ ихъ Аннѣ до всего ихъ досталного живота и до скота, и до деревни ихъ до земель горнихъ и луговыхъ и до двора, и до дворища намъ Пятку да мнѣ Аннѣ нынѣ и впредъ дѣла нѣтъ и дѣтемъ нашимъ, и дѣлу намъ на нихъ не пытать и не искать ни которыми дѣлы, да и дѣла намъ до нихъ нѣтъ, а будетъ у ково вылягутъ долги кабалніе на отца нашего Ивана или на нихъ на Трофима да на Семена долги кабалніе или безкабалніе, и тѣ долги отцевы кабалные и свои имъ долги кабалніи и безкабалніе братямъ моимъ Трофиму да Семену платити, мимо насъ зятя Пятого да сестру Анну, своимъ животомъ, своими денгами, и убытка имъ Трофиму да Семену въ тѣхъ отцовыхъ долгахъ и въ своихъ намъ Пятому да сестрѣ своей Анны не учинити ни которыми дѣлы. Записи про межь собя дѣлніе писали двѣ и розняли по себѣ. На то послуси Степанъ Калининъ Куростровецъ да Невѣръ Григорьевъ сынъ Ровдогорецъ да Карпъ Онтипинъ сынъ да Павелъ Аникіевъ сынъ Головиныхъ записи двѣ писалъ Николской діячекъ Шибанко Романовъ лѣта 7136 февраля въ 10 день (1628 года) [1]).

5.

Се язъ Акилина Аврамева дочи Степанова сына Ниѳантова пошла есми отъ матери своей Евдокеи Софроновы дочери да отъ брати своей отъ Фрола да отъ Павла Аврамевыхъ дѣтей замужъ за Ананю Иванова сына: Окулова, а надѣлку я Акилина взяла изъ вопчево живота отца своего статковъ, за дворъ и за всякой житейской животъ, за свой участокъ, шушунъ зеленой суконной цѣна три рубли, голубцы полтора рубли, сапоги полтина, серги двоенцы пятнадцать алтынъ, шапка рубль, другая шапка пять алтынъ, сарафанъ крашенинной пятнадцать алтынъ, сукникъ овечеи двенатцать алтынъ, воротокъ десять алтынъ, сапоги другіе двѣ гривны и всего цѣнои на восмь рублей, опроче бѣля, а я Онаня еи Акилину съ тѣмъ надѣлкомъ взялъ за себя, а случитъ Богъ смерть мнѣ Аки-

---

[1]) Изъ бумагъ кр. Матигорскаго селенія Аникіева.

лины, и отроду дѣти не останутся, и тотъ приданой надѣлокъ на восмь рублевъ отдати Онани матере моеи Евдокеи и братамъ Ѳролу и Павлу, или случитъ Богъ смерть Анани и тотъ приданои надѣлокъ взяти мнѣ Акилины изъ Онаниныхъ статковъ; а въ долгу и слободы и въ осталомъ животи осталися мать моя Евдокея да братя Ѳролъ и Павелъ, а мнѣ Акилины до долговъ дѣла нѣтъ а си *даные* мнѣ Акилины зъ братею со Ѳроломъ и Павломъ *въ дѣлной мѣсто*, и снова не передѣливатца ни которыми дѣлы, *даные* велики написати двѣ слово въ слово: *даная* мнѣ Акилины, а другая братамъ Ѳролу и Павлу; на-то послуси Иванъ Степановъ Жуковъ да Дмитреи Ивановъ Уланова; даные писалъ Ѳедосѣико Ивановъ Тепягинъ лѣта 7146 (1638) генваря въ 14 день [1]).

6.

Се язъ Третякъ Евсеевъ сынъ Шубнаго да язъ Яфимъ да язъ Ксенифонтъ да язъ Ефросенья Яковлевы дѣти Шубнаго Ровдогорцы раздѣлилися есми тояже волости, язъ Третякъ съ племянницею своею, а мы Ефимъ да Ксенифонтъ, да Ефросенья съ сестрою своею съ Огафьею Яковлевою дочерью Шубнаго, и взяла она Огафья за деревню и за дворъ, и за всѣ хоромы, гдѣ что ни есть, и за дворище, и за горные, и за островскіе, и за луговые земли, за орамые и за сѣнные покосы, и за хлѣбъ, и за сѣно, и за скотъ, за коней и за коровъ, и за овецъ, и за судовое: за мѣдное и за желѣзное, и за оловянное, и за древяное, и за всякой житейской запасъ, за все про все, у дяди своего у Третяка да у братьи своеи у Яфима да у Ксенифонта да у сестры своей Ефросеньи, въ приданое живота себѣ полюбовно: кошелки жемчужные, цѣна два рубли, шапка отласная красная въ рубль, да два рубли денегъ на шушунъ, держамая шапка двѣ гривны, серги серебряные десять алтынъ, сапоги красные верхотачные полтина, другіе сапоги держамые двѣ гривны, крашенникъ одинатцать алтынъ, да коробья зъ бѣльемъ и зъ головнымъ, цѣна бѣлью и головному рубль, и всего того приданого живота на семь рублевъ на семнадцать алтынъ на четыре денги, и пошла она Огафья съ тѣмъ своимъ приданымъ животомъ замужъ за Федора Трофимова Гороховыхъ Матигорца Николскаго приходу, и будетъ случитъ Богъ за мужемъ живучи смерть ей Огафьи или мужу ея Федору, а отроду не останетца ни мужескаго полу ни женскаго, и что того будетъ приданого живота въ лицахъ останетца, и то назадъ взять, а которое того приданого живота издержитца, въ лицахъ не будетъ, и за тотъ издержанный животъ денегъ не имать и не спрашивать ни которыми дѣлы ни въ чемъ; а въ издержанномъ животѣ одному сказать прямое слово передъ образомъ Божіимъ,

[1]) Оттуда же.

а другому тому прямому слову вѣрить; а деревни она Огафья горныхъ и луговыхъ и островскихъ земель, орамыхъ и сѣнныхъ покосовъ, и двора, и дворища, и всѣхъ хоромовъ, гдѣ что ни есть и хлѣба, и сѣна, и скота коней и коровъ, и овецъ, и судоваго: мѣдного и желѣзнаго, и оловянного, и древяного, и всякого живота, и всякаго житейскаго запасу, и свободы, и долгу, всего безъ вывѣта *поступилась* полюбовно намъ дяди своему Третяку да братямъ своимъ Яфиму да Ксенифонту да сестры своей Ефросиньи вдернь в ввѣкъ безповоротно, и впредъ ей Огафьи до деревни и до двора, и до дворища, и до скота, и до хлѣба, и сѣна, и до всякаго живота и до всякого житейскаго запасу, до всего безъ вывѣта, дѣла нѣтъ ни которого ни въ чемъ; а намъ дяди да братямъ да сестры потомужъ до нея Огафьи дѣла нѣтъ, и въ долги ее Огафью не притягивать и не убытчить, въ томъ во всемъ и сель намъ дѣлъ любъ и во вѣки и дѣтемъ нашимъ, и послѣ сего намъ дѣлу не передѣливатца и не перировниватце, и дѣлу не счинать; въ томъ и двѣ *дѣлные* написали по противнемъ, да и розняли по себѣ. На то послуси Иванъ Герасимовъ Быковъ да Евсей Дружининъ Шаматовъ Ровдогорцы. Дѣлные писалъ Ровдогорской дьячекъ Оска Петровъ лѣта 7166 году (1658) генваря въ 23 день. На оборотѣ: къ сей дѣлной вмѣсто Третяка да Еѳима по ихъ велѣнію да Еѳросиніи Яковлевы дочери Максимко Денисовъ руку приложилъ. Къ сей дѣлной Ксенифонтко Яковлевъ руку приложилъ [1]).

7.

Се язъ Козма да язъ Василей да язъ Степанъ да язъ Парасья Ермолины дѣти Тряхавина подѣлились есми межь собя полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну на четыре участка, и поделяся я Парасья взяла есми у брати своей у Козмы да у Василья да у Стеѳана надѣлку себѣ за свой участокъ за хлѣбъ и за скотъ, и за всякой животъ, и житейской запасъ, за дворъ и за деревню, за все про все, за домъ и за свободу, полшеста рубля денегъ да шапку киндячную въ пять алтынъ, да сапоги красные въ одиннадцать алтынъ, да крашенинникъ въ полтину, да коробю въ две гривны, да серги серебряные подъ золотомъ въ десять алтынъ, да сукманъ овечеи въ четыре гривны, и съ темъ надѣлкомъ я Парасья пошла есми замужъ, по благословенью матери своей Домны, за Пентелея Яковлева сына Могутова; и будетъ Богъ случитъ смерть мнѣ Парасьи замужемъ живучи напередь, а отродъ не останется, и тотъ

---

[1]) Оттуда же.

мой наделокъ полшеста рубля денегъ и что въ сей дѣлной писано все после моей смерти взять братьямъ моимъ Козмы да Василью да Степану у него Пентелея назадъ все сполна, а что будетъ въ лицахъ моего надѣлку и имъ братьямъ моимъ, то имать назадъ, а чево въ лицахъ нѣтъ за, то по оцѣнки денги взять у него Пентелея, и по ся мѣста мнѣ Парасьи дѣла нетъ въ делу до братьи своей до Козмы и до Василья и до Стеѳана и до статковъ отца своего до своего участка ни до чего дѣла жъ нѣтъ ни дѣтемъ моимъ; а намъ Козмы да Василью да Стеѳану до ней Парасьи дѣла жъ нѣтъ въ дѣлу ни которого ни дѣтемъ нашимъ; въ томъ и дѣлные написали по противнемъ и розняли па себѣ делная: Козмы зъ братею, а другая Парасьи. На то послухъ Стеѳанъ Илинъ сынъ Поповъ Соялской волости; писалъ дѣлные Паленской волости Георгиевскои церковной дьячекъ Гришка Тимоѳѣевъ лѣта 7162 (1654) генваря въ 22 день.

На оборотѣ: къ сей дельной Георгиевской попъ Аѳонасей Итяевъ вмѣсто Козмы Ермолина и дѣтей своихъ духовныхъ Василья и Степана по ихъ вѣлѣнью руку приложилъ Послухъ Стенька Іліінъ руку приложилъ [1]).

8.

Се азъ вдова Ульяна Петрова дочь Григорьевская жена Неудачина, Глинскаго посаду, зговорила если замужъ того жъ Глинскаго посаду за Ѳедора Васильева сына Попова внуку свою, дѣвицу Устину Григорьеву дочь, а приданого съ нею, Устиною, пошло, статки отца ее благословенія: Божія милосердія иконъ — Троица живоначальная съ вѣнцами серебренными, да икона Рождества Христова, икона Іоана Предтечи, Усѣкновеніе честные Главы, икона Петра и Павла, икона Парасковеи Великомученицы да Екатерины, всѣ тѣ иконы на краскахъ пядпичны, два креста серебряные подъ золотомъ съ цѣпью серебряною, кошельки жемчюжные, челка жемчюжная, покосникъ жемчюжный съ кисью, шушунъ песцовой, крестоватикъ подъ киндякомъ краснымъ съ пухомъ бобровымъ, на немъ двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ, другой шушунъ кумашнеи красной, на немъ десять пуговицъ серебряныхъ съ торечкомъ мишурнымъ, цѣна всему тому, опричѣ иконъ, десять рублевъ, шушунъ теплой заячинной подъ крашениною съ пухомъ, колтушки серебряныя, крашенинникъ новый съ пуговицы оловянными, цѣна тому шушуну и колтушкамъ и крашениннику рубль десять алтынъ, цѣвка золотая, цѣна полтина, коробья зъ бѣльемъ, зъ рубашками и сорочками, цѣна два рубли десять алтынъ, сапоги желтые новые, другіе желтые жъ подержаны, третіе красные телятинные подержаны, цѣна тронмъ сапогамъ рубль, блюдо оловянное, ставчикъ мѣдный, цѣна двѣ гривны. Съ нею жъ Устиною шла закладная кабала на дворъ въ тритцати рубляхъ

---

[1]) Изъ бумагъ крест. Ухтостровскаго сел. К. Могутова.

на отчима ее, Степана Бахорева, другая закладная на него же Степана въ пяти рублехъ, и по тѣмъ закладнымъ ему Өедору Васильеву стоять и деньги имать, по обѣимъ закладнымъ, и на выкупъ отдавать, а что денегъ по закладнымъ возметъ и на тѣ деньги на нее Устину платья класть, а судомъ Божіимъ ей Устины случитъ Богъ смерть, а отроду отъ ней никого не останетца, и что живота платья отъ ней останетца въ лицахъ будетъ, и то платье отдать роду моему, а ись того живота осталаго матери моей Маланьи треть, а досталной животъ отдать по отцѣ моемъ и по неи Устинѣ по церквамъ въ сорокоустіе въ поминаніе, а что платья издержано будетъ и за то издержаное платье цѣны на немъ Өедорѣ неспрашивать, а буде дворъ по закладной на выкупъ отдастъ или продастъ, и что за тотъ дворъ денегъ возметъ и болши той цѣны на немъ Өедорѣ никому роду моему не спрашивать, а грѣшнымъ дѣломъ тотъ дворъ згоритъ или разломаютъ, и на немъ Өедорѣ потому жъ не спрашивать цѣны, а что онъ Өедоръ того живота продастъ или заложитъ, и за то ему Өедору цѣна платить, а буде что ему Өедору по закладнымъ кабаламъ въ челобитье что учинится убытковъ и проторей какихъ убытковъ въ спорѣ о дворѣ, и тѣ убытки взять ему Өедору сполна, а во всемъ сказать прямое слово, а тому ево прямому слову вѣрить, въ томъ и двѣ записи написали полюбовно по противнямъ слово въ слово и по себѣ розняли; а на то послуси площадные подячіе Иванъ Рожинъ, Яковъ Писаревъ; писалъ записи на Колмогорахъ площадной подячей Өедка Рожинъ лѣта 7183 г. (1674) Маія въ 31 день.

На подлинной записи на другой сторонѣ подписано тако:

Троицкой попъ Іяковъ вмѣсто дочери своей духовной Ульяны руку приложилъ. Послухъ Ивашко Рожинъ руку приложилъ, Послухъ Якунка Писаревъ руку приложилъ [1]).

9.

1755 года, ноября 27 день. Троицкой Ухтостровской волости Двинскаго уѣзда вдова, Өедора Дмитрева дочь, Амосова Пелепелкина жена, со снохою своею, вдовою, Пелагею Григорьевой дочерью, дали сіе зговорное письмо той же волости крестьянину Ивану Иванову сыну Корельскому въ томъ: въ нынѣшнемъ году, по закону Божію, отдали онаго Ивана Корельскаго за сына его Якова я, Өедора, внуку, а я, Пелагія, дочерь свою Евдокію въ законное супружество, а съ нею отдали своего владѣнія вотчинно свое тягло сѣвчей и сѣнокосной земли, въ тоя же волости, на горы въ пяти полямъ Зовію, а тягломъ по мірской веревной книгѣ, изъ каждаго поля

---

[1]) Изъ описи домовъ и дворовъ Глинскаго посада, составленной въ 1755 году по распоряженію преосвященнаго Варсонофія, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго.

по половинѣ да изъ сѣнныхъ же покосовъ въ Кузнецовой юрмолѣ въ пожнѣ, и въ осотѣ, и на горѣ, въ закраинахъ, вездѣ половина, по мірской веревной книгѣ, въ вѣчное владеніе неотъемлимо, которымъ ему, Ивану Корельскому, и сыну его Якову съ женою своею почать владѣть съ 1756 году Генваря 1-го числа, руно сымать имъ на себя и всякіе подати платить и службы служить, и вольно продать и заложить, а намъ, вдовамъ, въ ту землю не вступаться и убытку не учинить. А съ той же землею къ нему же Ивану Корельскому отдана въ пахоту и во владѣніе другая половина земли до выходу другой сестры Парасковьи въ замужье, а съ тоя земли съ первой Евдокіей половины рядили отъ него Ивана Корельскаго платы, себѣ на пропитаніе хлѣба ячменя по двѣ мѣры на годъ, да дровъ по сажени, и съ Парасковеи на хлѣба ячменя по три мѣры, да дровъ по сажени, во всякой годъ по году добраго, да лучины съ обоихъ половинъ одинъ возъ въ годъ; а притомъ сговорѣ были во свидѣтеляхъ тоя же волости крестьяне Михаило Нагихъ да Петръ Удинъ; договорное письмо писалъ тоя же волости Сійскаго монастыря крестьянинъ Семенъ Батраковъ до крѣпостныхъ дѣлъ [1]).

10.

1760 года іюля 22-го дня Двинскаго уѣзда Троицкой Ухтостровской волости дѣвица Фекла Василіева дочь Шангиныхъ по закону Божію выхожу я изъ отеческаго дому въ законное супружество Куростровской волости за крестьянина Егора Христофора сына Дудина за сына ево Ілею. А при выходѣ своемъ примаю я дѣвица Фекла оставленія покойнаго отца нашего Василія, а нынѣ отъ братьей своихъ родныхъ Семена да Петра да Ивана за отеческіе пожитки движимыя и недвижимыя за все по добровольнему договору, а имянно: образъ святаго великомученика Кирика и матери его Улиты съ вѣнцами и съ цатами и окладъ серебряной подъ золотомъ, да крестъ съ цепочкою, колтушки все серебряно цена тому рубль питдесятъ копѣкъ, подкапокъ куней верхъ расшивной четыре рубля, другой подкапокъ куней верхъ камчатой цена рубль, кошелки и набоpосникъ жемчюжныя, цена обоимъ шестнатцать рублевъ, кунтышь китайной исподъ заечинной хрептовой, пухъ и воротникъ бобровой, цена восми рублевъ, шушунъ каразейной, новой, пугвицы сребряные кружива шелковые цена четыре рубля пятдесятъ копѣкъ, другой каразейникъ подержаной съ кружевами цена два рубли, китайникъ синей, шубнякъ подкитаикой исподъ овчинной цена рубль пядесятъ копѣкъ, на кокошникъ денегъ рубль пятьдесятъ ко-

[1]) Изъ дѣла Холм. уѣздн. суда о возвращеніи крестьянину Корельскому отведенной отъ него земли крестьянину Перепелкину 1798 г. (№ 203).

пѣкъ, рукавицы красныя цена тридцать копѣкъ, трои башмаки цена шестьдесятъ копѣкъ, да чюлки красны да бѣлы цѣна пятдесятъ копѣкъ, наметка бумажна новая цена два рубли, гребень двѣнатцать копѣкъ, коробья зъ бельѐмъ и съ рубашками цена три рубли, блюдо оловянное, солоница и сковородка мѣдные рубль дватцать копѣкъ, и всего вышеписаннаго приданого пожитку на пятдесятъ рублевъ на двадцать на двѣ копѣйки, а болше того вышеписаннаго приданого на нихъ братьяхъ пожитку мнѣ Феклы и мужу моему и наслѣдникамъ нашимъ, на нихъ братьяхъ моихъ, ничего не спрашивать и ни во что впредь къ нимъ не вступатца; а ежели мнѣ Феклы живучи за мужемъ во младыхъ лѣтѣхъ смерть Богъ случитъ, а отроду не останется, и то вышеписанной приданой пожитокъ мною не удержанъ будетъ, то мужу моему отдать возвратно къ братьямъ моимъ Семену и Петру и Ивану безъ всякаго прекословія; въ томъ сію при выходѣ своемъ дѣловую и въ пріемѣ приданого живота при отцѣ своемъ духовномъ священникъ Андрей Ивановъ роспись дали; писалъ дѣловую роспись прошеніемъ дѣвицы Феклы Шангиныхъ тоя жъ волости дьячекъ Иванъ Тюрденевъ. Къ сей дѣльной росписи вмѣсто дѣвицы Феклы Васильевой дочери Шаньгиныхъ прошеніемъ ея Богоявленской Ухтостровской волости крестьянинъ Алексѣй Ивановъ сынъ Поповъ руку приложилъ[1]).

11.

1868 года, ноября 4-го дня. Мы нижеподписавшіеся Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда, Вашкаринской волости, Ровдогорскаго селенія, деревни Тряхновской, Григорей Ивановъ Невѣровъ сговорилъ сноху свою, покойнаго сына своего Ивана вдову, Надежду Дмитреву, и съ одинадцатимѣсячнымъ младенцемъ Николаемъ, въ замужество за крестьянина того же селенія, деревни Мариловской, Филипа Дмитрева Галушина, съ тѣмъ, чтобы слѣдуемый земляной участокъ, пахатную и сѣнокосную, на одну душу покойнаго сына моего Ивана, оддаю во владѣніе ему, Галушину, чтобы онъ, Галушинъ, за душу оплачивалъ подати и повинности и обработывалъ слѣдующимъ порядкомъ, до переписи или до ревизіи и внука моего Николая воспитывать безбѣдно, а при ревизіи подписать въ его, Галушина, семейство своимъ коштомъ: еще отдаю покойнаго сына Ивана платье, имянно: 1-е тулупъ наголной, 2-е армякъ синей, 3-е пальто драпово, 4-е кушакъ красный, 5-е фуражку.—И все сіе писалъ я по согласію съ сыномъ своимъ Прокопьемъ Невѣровымъ; въ чемъ и подписуемся[2]).

---

[1]) Доставилъ помощникъ миссіонера Ѳ. С. Батраковъ.

[2]) Списана съ крестьянской записной счетной книжки.

12.

1869 года января 11-го дня. Мы нижеподписавшіеся крестьянинъ Шенкурскаго уѣзда, Великониколаевской волости, Едемскаго Сельскаго общества Иванъ Федоровъ Едемскій и невѣстка его, крестьянская вдова, Марфа Иванова Едемская, заключили между собой сіе обоюдное условіе въ томъ, что послѣдняя изъ насъ, Марфа Иванова Едемская, изъявила желаніе выйти въ замужество за крестьянина нашего же общества Ивана Варсонофьева Трофимова; почему я, Иванъ Федоровъ Едемскій, предоставляю въ ея Марфы распоряженіе принадлежащее ей имущество, какъ-то: тулупъ бѣлой овчинной и тулупъ крытый синимъ сукномъ и принадлежащія ей юбки и рубахи, сколько таковыхъ окажется, и кромѣ сего даю я Иванъ Едемскій ей Марфѣ въ вознагражденіе нынѣ же ржи 4 четверика и ячменя 4 четверика. Сына же Марфы, Василья, я Иванъ Едемскій оставляю при своемъ домѣ и на своемъ обезпеченіи, съ тѣмъ чтобы она Марфа ничего болѣе изъ имущества отъ меня Ивана Едемскаго не требовала и ни во что не вступалась, въ чемъ подписуемся [1]).

13.

1869 года, января 18-го. Мы нижеподписавшіеся, Шенкурскаго уѣзда, Устьпаденской волости, Устьпуйскаго общества, деревни Тушевской, крестьяне Петръ Матвѣевъ Лобановъ и Семенъ Васильевъ Копѣецкій учинили сію миролюбную подписку въ томъ, что первый, Петръ, отдаетъ въ замужество дочь свою Елену за сына Копѣецкаго Никифора, въ приданое по дочери отдаетъ Копѣецкому землянаго участка на одну ревизскую душу, принадлежащую Лобанову, на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

По случаю согласія нашего, первый изъ насъ, Петръ, отдаетъ за сына втораго въ замужество дочь свою, въ придачу по ней даетъ землянаго участка на одну ревизскую, принадлежащую Лобанову душу, которою пользоваться Копѣецкому вѣчно, начиная съ паровъ сего 1869 года, то есть въ семъ году лѣтомъ только Копѣецкому оную душу начать парить и насѣять на оную озимое, а яровое и сѣнокосъ долженъ съ оной сего лѣта снимать еще Лобановъ; за что обязанъ Копѣецкій пахать Лобанова остальную одну душу, до тѣхъ поръ, пока Лобановъ не отдастъ кому-либо изъ сосѣдей остальную душу, пахать же долженъ Копѣецкій у Лобанова каждое лѣто, какъ слѣдуетъ, и возить, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, на мельницу и сѣно и дрова; но когда Лобановъ отдастъ сосѣдамъ остальную душу, тогда Копѣецкій больше Лобанову служить не долженъ ни въ чемъ; пашню долженъ начать Копѣецкій у Лобанова съ весны 1870 года, сосѣдямъ же онаго

---

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и догов. Великониколаевскаго волостн. правленія.

*

землянаго участка на одну душу отъ Копѣецкаго не отбирать вѣчно, такъ какъ душа собственная своя Лобанова. Все сіе вышеписанное съ обѣихъ сторонъ содержать свято и ненарушимо; въ чемъ и подписуемся. (На подлинномъ заручено):

Къ сему условію вмѣсто неграмотныхъ крестьянъ Петра Матвѣева Лобанова и Семена Васильева Копѣецкаго по личной ихъ просьбѣ крестьянинъ Иванъ Плюснинъ руку приложилъ. Далѣе слѣдуютъ подписи двухъ крестьянъ, находившихся при заключеніи условія, а потомъ членовъ волостнаго правленія и писаря [1]).

14.

1868 года іюня 23-го дня. Я нижеподписавшаяся крестьянская дѣвица Виричевской волости, Пинежскаго уѣзда, Анна Иванова Кулешева условилась, съ согласія своего родителя, поступить въ супружество за крестьянина деревни Ивановской Чернышевской Василья Яковлева Филина, немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то есть не позже мая мѣсяца будущаго 1869 года; въ обезпеченіе точнаго выполненія сего условія со стороны жениха моего, я получила отъ него, на основаніи особаго сего числа заключеннаго мною съ женихомъ и родителями нашими съ обѣихъ сторонъ условія, денегъ 100 рублей, въ чемъ своеручно подписуюсь. Къ сей роспискѣ крестьянская дѣвица Анна Кулешева руку приложила.

15.

Се язъ Іевъ Михаиловъ сынъ Поповъ далъ есми дочери своей Настаси и зятю своему Мине Онтуѳеву сыну наделка треть двора и дворища и треть всего своего владенья: горныхъ земель орамыхъ, и за рекою земель орамыхъ, и поженъ, и въ маломъ островке, и въ Хакобаке, и въ (наворницахъ) Наворницахъ, и во всякомъ угоди въ своемъ владени треть дочери моей Настаси и зятю моему Мине, то имъ и вовѣки. А у сеи данои грамоте седѣли люди Ѳеоилатъ Лаврентьевъ сынъ да Ермола Даниловъ сынъ да Омосъ Харлантьевъ, а писалъ Останя Онуѳреевъ сынъ лѣта 7 тысячъ пятогонадесятъ (1507) [2]).

16.

Се язъ Терентей Васильевъ сынъ Ѳилиныхъ да язъ Ульяна Насонова дочь, а Терентьева жена Васильева, Койдокурскія волости дали есми отписъ Лаврентью Харитонову сыну Осипову въ томъ: приставливали мы,

---

[1]) Изъ кн. сдѣл. и догов. Устьпаденскаго волостнаго правленія.

[2]) Изъ архива Богоявленской-Ухтостровской церкви.

Терентей да Ульяна его Лаврентья въ приданомъ, и мы, Терентей да Ульяна, то приданое у него Лаврентья по приставной памяти шушунъ и всѣ приданое свое взяли всѣ сполна, и впредь намъ Терентью да Ульяны до него Лаврентья въ томъ приданомъ дѣла нѣтъ и не отискивать никоимы дѣлы, а въ снимки и въ оцыщени въ томъ приданомъ отъ матери своей да отъ брата я Ульяна; да вь томъ мы Терентей да Ульяна въ приданомъ и отписъ дали; на то послухъ Иванъ Афонасьевъ сынъ Тарасова Куреской волости; отписъ писалъ Куреской волости церковной дьячекъ Демидко Никитинъ лѣта 7163 (1655) году генваря въ 15 день.

На оборотѣ свитка надпись:

Къ сей отписи вмѣсто Терентья и Ульянеи по ихъ велению Койдокурецъ Ѳомка Калининъ руку приложилъ [1]).

Нельзя не остановиться на формѣ и содержаніи приведенныхъ договоровъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе и неопредѣленность названій этого рода актовъ; имъ придаются названія: записей дѣльныхъ, дѣловыхъ росписей, дѣловыхъ и въ пріемѣ приданаго розписей, данныхъ (въ древнихъ актахъ), договорныхъ или сговорныхъ писемъ, или даже сговороныхъ завѣщательныхъ писемъ (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), или наконецъ просто подписокъ, росписокъ и условій (въ настоящее время), Обращаясь къ лицамъ, участвовавшимъ въ заключеніи приведенныхъ договоровъ, мы видимъ, что въ двухъ случаяхъ договоръ заключаютъ отецъ или мать невѣсты и ея бабка съ отцомъ жениха (№№ 9 и 13); въ двухъ случаяхъ отецъ и въ одномъ бабка невѣсты съ женихомъ (№№ 1, 2, 8); одинъ разъ свекоръ, выдающій свою сноху, съ зятемъ (№ 11), разъ мать и братья невѣсты съ невѣстой и ея мужемъ (№ 5), разъ же дядя и братья невѣсты съ невѣстой и ея мужемъ (№ 6), три раза между братьями невѣсты и сестрой невѣстой съ ея мужемъ (№№ 4, 7, 10) и только въ двухъ случаяхъ сами женихъ съ невѣстой (№№ 3 и 14). Въ крестьянскомъ быту, какъ извѣстно, вступленіе дѣтей въ супружество всегда почти происходитъ по волѣ родителей, и сговоръ о бракѣ и о приданомъ дѣлается между родителями той и другой стороны. Если же въ числѣ приведенныхъ выше брачныхъ договоровъ встрѣтилось только два, писанныхъ отъ имени родителей, то это объ-

---

[1]) Изъ архива Богоявленской-Ухтостровской церкви.

ясняется тѣмъ, что такіе договоры заключаются чаще всего словесно, и устный договоръ между родителями вступающихъ въ бракъ считается достаточно крѣпкимъ; но если одинъ изъ брачущихся не имѣетъ родителей въ живыхъ, или ихъ обоихъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ меньше вѣрятъ на слово и чаще, для прочности уговора, составляется письменный актъ. Отъ имени самой дѣвицы и ея жениха условія заключаются почти только тогда, когда у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если мы имѣемъ одинъ случай, изъ котораго можно бы предполагать, что дѣти сами заключили брачный договоръ при жизни отцевъ, то это произошло вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Большею свободой въ заключеніи рядныхъ записей пользуются невѣсты, не имѣющія отца, при братьяхъ, дядяхъ и матери. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ рядныя записи въ прежнее время принимали видъ раздѣльныхъ записей съ остающимися на лицо членами семьи мужескаго пола. По всей вѣроятности, въ старину выходъ замужъ сестры или племянницы часто служилъ поводомъ для раздѣловъ между членами семьи и невѣсты, при чемъ составляется раздѣльный актъ, изъ котораго дѣлалась выпись о приданомъ, даваемомъ выходящей замужъ. Эта выпись писалась по противнямъ, то есть, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ оставлялся у членовъ прежней семьи невѣсты, а другой вручался невѣстѣ съ женихомъ. Дѣлалось это, какъ можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ самихъ сдѣлокъ, съ тою цѣлью, чтобы потомъ, когда вступившая въ замужество умретъ бездѣтною, прежніе члены семьи умершей могли по выписи получить обратно отъ ея мужа приданое, выданное ими. Здѣсь именно мы видимъ настоящее основаніе и причину исконнаго обыкновенія, существовавшаго во всей Россіи, вѣроятно имѣвшаго мѣсто и на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, предъявлять жениху роспись приданаго его невѣсты [1]).

Мы говорили выше о неопредѣленности названій брачныхъ записей. Такой неопредѣленности въ названіяхъ соотвѣтствуетъ и

---

[1]) Сравни мнѣніе Н. В. Калачова въ матеріалахъ для археологическаго словаря (подъ словомъ рядная) помѣщенныхъ въ Древностяхъ Моск. Археолог. Общ. 1865 г. т. I, стр. 70.

неопредѣленность въ формѣ приведенныхъ договоровъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и сохранили формы, свойственныя записямъ прежняго времени другихъ мѣстностей Россіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сличенія ихъ съ образцами рядныхъ записей, которые помѣщены въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей [1]).

Даже по своему содержанію наши записи значительно разнообразятся между собою, теряя свой первоначальный существенный характеръ. По опредѣленію Н. В. Калачева [2]), рядныя или сговорныя записи, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ, суть условія объ имѣющемся быть бракѣ въ опредѣленное время, и существенные ихъ пункты состоятъ въ опредѣленіи срока, назначеннаго для свадьбы, неустойки или денежной пени, которую должна платить сторона, отступившая отъ условія, въ пользу обиженной, а также обозначеніе приданаго. Между тѣмъ въ нашихъ рядныхъ записяхъ назначеніе срока для бракосочетанія и неустойки, въ случаѣ нарушенія договора, встрѣчается только однажды; слѣдовательно, составляетъ, можно сказать, обстоятельство совершенно побочное. Самое указаніе приданаго, подлежащаго передачѣ, хотя соблюдается всѣми приведенными записями, но не одинаково. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о платномъ приданомъ, и оно перечисляется обстоятельно, съ оцѣнкою каждой вещи; въ другихъ же говорится только о земельномъ надѣлкѣ, слѣдуемомъ зятю, тогда какъ о платномъ приданомъ, которое шло съ дочерью, нѣтъ упомину, хотя и оно существовало. Послѣдняго рода рядныя получаютъ значеніе собственно актовъ о передачѣ недвижимаго имущества.

Разсматривая наши записи со стороны проявленія въ нихъ народныхъ понятій о бракѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи вполнѣ гармонируютъ съ разъясненнымъ раньше взглядомъ крестьянъ на бракъ, какъ на простую хозяйственную сдѣлку.

Дѣйствительно, брачный союзъ обращается здѣсь въ сдѣлку, и

---

1) Акты Юрид., стр. 418—423.

2) Древности 1865 г., т. I, стр. 69.

притомъ—съ безнравственнымъ и незаконнымъ характеромъ, потому что въ ней женихъ и невѣста часто являются не дѣйствующими лицами, а предметами, играющими совершенно пассивную роль, въ особенности послѣдняя: не между ними заключается договоръ, но между ихъ родителями или даже между свойственниками невѣсты и женихомъ. Самое слово *сговорилъ*, уцѣлѣвшее до настоящаго времени въ записяхъ, очень мѣтко выражаетъ грубую мысль о совершенной пассивности женщины, а часто и мужчины-жениха. Еслибъ это слово опредѣляло только отношенія родителей къ дѣтямъ, то оно находило бы себѣ нѣкоторое оправданіе во взглядѣ родителей на дѣтей, какъ на ихъ собственность: они произвели ихъ на свѣтъ, вскормили, и слѣдовательно, по своимъ грубымъ понятіямъ, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться ихъ судьбою. Но существованіе такихъ же отношеній, выражаемыхъ словомъ *сговорилъ*, между свекромъ и невѣсткой (см. договоръ № 11), не можетъ найдти себѣ объясненія въ первобытномъ природномъ взглядѣ на дѣтей, какъ на собственность. Здѣсь выражается вообще жалкое положеніе женщины въ семьѣ, даже въ семьѣ своего мужа, гдѣ она, если лишится послѣдняго, теряетъ всякія права и становится часто ненужною вещью, которую стараются передать въ другія руки. Точно въ такихъ же отношеніяхъ находились невѣстки и въ старину, какъ можно судить по полному сходству условія, помѣщеннаго нами подъ № 11, съ напечатаннымъ въ Актахъ Юридическихъ на стр. 423. Такимъ образомъ, отсюда можно прійдти въ сомнѣніе о томъ, сдѣланъ ли до настоящаго времени замѣтный шагъ въ развитіи семейныхъ отношеній въ крестьянствѣ. Только вліяніе столицы, какъ мы уже разъ замѣтили, дѣйствуетъ здѣсь нѣсколько смягчающимъ образомъ.

Еще большая пассивность женщины выражается въ словахъ отца невѣсты, въ томъ условіи его съ своимъ будущимъ сватомъ, что онъ, выдавая дочь замужъ, даетъ *въ придачу* къ ней земляной участокъ. Читая эти выраженія (см. договоръ подъ № 13), невольно спросишь себя, не вещь ли въ самомъ дѣлѣ тутъ женщина, къ которой дается въ придачу другая вещь? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса, по видимому, имѣетъ противъ себя тѣ факты, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше брачныхъ условій заключены

съ самими невѣстами. Но если изъ трехъ помѣщенныхъ подобнаго рода записей, относящихся къ нашему времени (№№ 3, 12, 14), можно заключить, что невѣсты распоряжаются собою какъ лица самостоятельныя, то это потому только, что въ двухъ случаяхъ права ихъ возстановлены силою судебной власти, а въ третьемъ случаѣ сила родительской власти замаскирована приличною формой сдѣлки. Самый договоръ невѣсты, крестьянской дѣвицы Парасковьи Каротких, съ женихомъ, крестьяниномъ Степаномъ Блиновымъ (№ 3), свидѣтельствуетъ, что невѣста была одинокая, и по рѣшенію Холмогорскаго уѣзднаго суда за нею признано право на самостоятельное владѣніе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ своего отца и братьевъ. Крестьянская вдова Марфа Едемская заключила прямо отъ себя условіе (№ 12) со своимъ свекромъ Иваномъ Едемскимъ на счетъ выхода въ замужество за крестьянина Трофимова и на счетъ выдачи ей имущества, потому что, по рѣшенію Великониколаевскаго волостнаго суда 22-го декабря 1868 года, крестьянинъ Иванъ Едемскій былъ обязанъ „не стѣснять ни лично, ни въ отношеніи имущества своей снохи и не препятствовать ей принять на свою часть имущества животника". Для уясненія обстоятельствъ третьяго договора, заключеннаго крестьянскою дѣвицей Биричевской волости Анной Кулешевой съ женихомъ Васильемъ Филинымъ (№ 14), сообщаемъ свѣдѣнія, полученныя нами отъ писаря Биричевскаго волостнаго правленія Хромцова, на счетъ этой сдѣлки. „Подписка Анны Кулешевой", пишетъ онъ, „съ крестьяниномъ Филинымъ учинена на основаніи *особаго со стороны родителей того и другой условія*, которое въ волостномъ правленіи не явлено, и въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что если съ которой либо стороны послѣдуетъ неустойка, то тотъ долженъ заплатить, сверхъ 100 руб., еще 300. Подписку эту явилъ самъ Филинъ, и она была писана отцомъ Кулешевой своеручно, почему при извѣстности руки того и другого и внесена въ книгу правленія. Между тѣмъ, бракъ Кулешевой съ Филинымъ не состоялся, и она вышла за другого; отецъ же ея не платитъ не только неустойки 300 руб., но и задатка 100. Вслѣдствіе этого между отцами той и другой стороны возникло судебное дѣло, и Кулешевъ привлекаетъ меня къ отвѣту, самъ хлопочетъ по сему дѣлу и признаетъ себя виновнымъ въ полу-

ченія 100 руб. Кулешевъ привлекаетъ меня за записку подписки въ книгу сдѣлокъ и договоровъ безъ личности его дочери; я же, со своей стороны, имѣю оправданіе въ томъ, что руки Кулешева и его дочери довольно знаю, а потому и записалъ подписку въ книгу. Причиной же заключенія брачнаго условія и подписки послужила зажиточность Филина". Все это мы приводимъ для того, чтобы показать, что часто и подъ приличною формой записи скрывается грубое проявленіе отеческой власти.

И у крестьянъ, какъ въ другихъ сословіяхъ, бываетъ, что родители невѣсты и вообще выдающіе ее замужъ обманываютъ своихъ будущихъ зятьевъ на счетъ приданого: посулятъ много, а дадутъ мало. Эго выражено и въ поговоркахъ: *у тестя въ рукахъ не придано; на загодѣ не сѣно* (можетъ погнить), *въ долгу не деньги, а у тестя не придано;* или *богаты невѣсты да до вѣнца*, также *безприданница-безобманница; что́ есть то и есть*. По этому женихи стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Этимъ, конечно, надобно объяснить обычай, по которому, проводивъ невѣсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближную родственницу свою, *запостельную сватью*, съ постелью и платнымъ приданымъ невѣсты въ домъ жениха. Тамъ сватья передаетъ приданое родителямъ невѣсты, за что и получаетъ вязанку калачей или платокъ, или даже платье, смотря по состоянію послѣднихъ. Но въ Холмогорскомъ уѣздѣ сватья не садится на приданое, какъ это бываетъ въ Пинежскомъ (см. мой Сборникъ юрид. обыч. Арханг. губ., кн. 1, стр. 39). Впрочемъ и здѣсь, послѣ вѣнца, сватья приглашаетъ родныхъ жениха осмотрѣть у молодой приданое: „Сундуки у молодой не порозны", говоритъ она, „смотрите!" Родственники дѣйствительно осматриваютъ сундуки, которые бываютъ открыты. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, именно въ с. Хаврогорахъ, женихи посредственнаго состоянія приданое невѣсты, кромѣ платья, приготовленнаго для невѣсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ не отказали въ приданомъ. Деньги и ряженое количество хлѣба въ Хаврогорахъ отдаютъ напередъ, до заключеннаго брака; скотъ—корову или быка, уводятъ также до брака.

Во время сватовства не рѣдко можно услышать поговорку со

стороны родныхъ невѣсты: *не спорьте о приданомъ, послѣ прибавимъ.* Иные и дѣйствительно прибавляютъ послѣ; напримѣръ, *красенную эбрую*, серпъ, грабли, санки и проч. везутъ уже черезъ недѣлю послѣ вѣнца. Такъ бываетъ близъ Холмогоръ; въ Кевролѣ же, Пинежскаго уѣзда, и въ другихъ мѣстахъ остальное приданое привозятъ въ домъ жениха по окончаніи хлѣбинъ [1]). Около Холмогоръ, осторожный тесть вдругъ не даетъ всего платного, чтобы золовки не износили, а послѣ дополняетъ каждый годъ; въ особенности если дочь одна, не даютъ ей обноситься. Иные отцы, въ случаѣ крайней необходимости и просьбы зятьевъ, помогаютъ также сѣномъ, зерновымъ хлѣбомъ на сѣмена и проч. Но бываетъ и такъ, какъ мы сказали, что родители невѣсты обманываютъ своихъ зятьевъ на счетъ приданаго, въ особенности на счетъ надѣлка. Это часто влечетъ за собою непріятности для молодыхъ женъ со стороны новой семьи и вызываетъ процессы изъ-за приданого въ волостныхъ судахъ между зятемъ и родными невѣсты — отцомъ, братомъ и т. д. Приводимъ два рѣшенія волостныхъ судовъ, касающіяся этого предмета.

1.

1868 года 7-го октября, сельскій староста Груздовскаго общества отъ 18-го минувшаго сентября за № 213 донесъ Великониколаевскому правленію, Шенкурскаго уѣзда, что 16-го числа того сентября крестьянская жена вѣдомства его, деревни Гребеневской, Александра Петрова Шишкина объявила ему, что мужъ ея крестьянинъ Прокопій Антоновъ Шишкинъ и свекровь Анисья Васильева Шишкина выгонила ее изъ дому, не даютъ ей ѣсть и отказали вовсе отъ всѣхъ работъ, также и отъ дому. По востребованіи имъ, старостой, въ 18-е число вышесказанныхъ Прокопья и Анисьи Шишкиныхъ, тѣ объяснили, что они жены Прокопья Александры изъ дому вовсе не гонили, а также въ хлѣбѣ и въ прочемъ ей не отказывали, только присовокупили, что при женитьбѣ Прокопія на Александрѣ были приговорены въ приданое часть денегъ и жеребецъ, которыхъ они не получили, а потому теперь, какъ она ушла,

---

[1]) Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., № 28.

то и впустить ее въ свой домъ не согласны, до тѣхъ поръ, пока не получатъ ряженнаго въ приданое.

Вслѣдствіе этого имъ, старостой, были вытребованы отецъ Александры Шишкиной крестьянинъ Петръ Ивановъ и матерь Марья Садофіевы, которые при спросѣ старосты сказали, что деньги, которыя были ряжены ими, Шишкинымъ переданы вполнѣ, и обработать земляной участокъ Петръ Садофіевъ не отказывается, а жеребца отдать вовсе не было говорено, почему и отдать его не согласны. Но вдова Анисья Шишкина, при переговорѣ съ Марьей Садофіевой, обругала послѣднюю всяческими дураческими словами, укоряла блядью и наплевала ей въ лицо; почему староста проситъ сдѣлать между Шишкиными и Садофіевыми должное разбирательство.

Вызванные на 7-е число сего октября въ волостной судъ, крестьянинъ Прокопій Шишкинъ и матерь его, вдова Анисья, объяснила, что они первому жены, а послѣдней невѣстки Александры Петровой изъ дому не выгоняли, ѣсть же ей не воспрещали и ни въ чемъ не отказывали и не стѣсняли; что говоренныя въ приданое деньги ими съ Садофіева получены сполна; что жеребецъ, имѣемый Садофіевымъ, былъ говоренъ въ приданое, но не полученъ до настоящаго времени; Садофіевъ обязался обработать земляной участокъ у Шишкина конскою силою по два года, а въ настоящее лѣто обработывалъ его участокъ крестьянинъ Андрей Рожинъ за цѣну 10 рублей, которые просятъ взыскать съ Садофіева и понудить его къ обработкѣ землянаго участка въ будущемъ году; и что Шишкины согласны нынѣ же взять къ себѣ въ домъ первому жену, а послѣдней невѣстку Александру Петрову.

Крестьянинъ Петръ Садофіевъ, явившись въ волостной судъ, объяснилъ, что жеребецъ въ приданое Шишкину имъ обѣщанъ не былъ, почему и отдать таковаго не согласенъ; ряженыя же Шишкинымъ за обработку земляного участка въ семъ году деньги 10 рублей обязался уплатить, въ нынѣшнемъ 1868 году 5 рублей и въ будущемъ 1869 году остальные 5 рублей, и обязался въ лѣто будущаго 1869 года обработать конскою силою земляной Шишкина участокъ. Жена же Садофіева, Марья, заявила, что въ нанесенныхъ ей оскорбленіяхъ вдовой Анисьей Шишкиной она прощаетъ, и искъ

свой за обиду оставляетъ; а жена Прокопья Шишкина, Александра показала, что она изъ дому своего выгонена мужемъ и свекровью и возвратиться къ нимъ не согласна изъ опасеній обидъ и стѣсненій, по случаю не отдачи отцомъ ея Петромъ обѣщаннаго въ надѣлокъ съ нею жеребца.

Спрошенные по сему дѣлу волостными судьями нижеозначенные крестьяне письменными показаніями показали: 1) Василій Никифоровъ Шишкинъ 30-го минувшаго сентября показалъ, что былъ онъ посланъ отъ Прокопья Шишкина сватовщикомъ къ Петру Садофіеву, для высватанія за Прокопья въ замужество дочери Садофіева Александру, на что̀ Садофіевъ согласился и обѣщалъ въ приданое деньгами 7 рублей и жеребца селѣтка, съ тѣмъ чтобы кормить онаго до 1-го октября сего года и обработать Садофіеву земляной Шишкина участокъ; и 2) Михайло Захаровъ Бобровъ и Иванъ Михѣевъ Шишкинъ показали, что при женитьбѣ Прокопья Шишкина у Петра Садофіева, послѣдній дѣйствительно обѣщалъ Шишкину въ приданое имѣемаго жеребца, обязывался заплатить Шишкину за обработку крестьяниномъ Рожинымъ земляного участка и вспахать конскою силою земляной Шишкина участокъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, признавая, что крестьянинъ Петръ Садофіевъ дѣйствительно обѣщалъ въ приданое Прокопью Шишкину жеребца, опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Петра Садофіева жеребца и предоставить онаго въ пользу зятя его Прокопья Шишкина, взыскать съ Садофіева деньги 10 руб., въ назначенное время, коими также удовлетворить Прокопья Шишкина, понудить Садофіева къ обработкѣ въ будущее лѣто земляного участка конскою силою; а крестьянскую жену Александру Шишкину водворить нынѣ же въ домъ мужа ея Прокопья Шишкина, съ тѣмъ чтобы она была въ повиновеніи мужа и свекрови своихъ, которые, съ своей стороны, ни въ чемъ бы ея не стѣсняли и не изобижали.

2.

1868 года марта 6-го крестьянинъ Устьсюмскаго сельскаго общества деревни Зиновьевской, Григорій Ильинъ Леонтьевъ подалъ прошеніе въ Предтеченскій волостной судъ Шенкурскаго

уѣзда, въ томъ, что по женидьбѣ его на дочери крестьянской вдовы, нынѣ уже умершей, того же общества, Анны Тепляковой Киріакіи, братъ ея Ѳедоръ Васильевъ Тепляковъ предоставлялъ въ приданое со своею сестрой долги покойной своей матери Анны Тепляковой получить съ крестьянъ, а именно: Петра Корнилова 14 р., Луки Хаванова 8 р. и Якова Хаванова 4 р., а всего 26 р., почему и просилъ взыскать таковые и удовлетворить его Леонтьева.

Предтеченскій волостной судъ входилъ въ разбирательство сего дѣла, по которому оказалось, что истецъ утверждаетъ, будто бы тѣ долги поручены ему при женитьбѣ на дочери покойной вдовы, Анны Тепляковой Киріакіи, братомъ ея Ѳедоромъ Тепляковымъ по завѣщанію его матери, а Ѳедоръ Тепляковъ показалъ, что Леонтьевъ взялъ сестру его въ замужество не при живности, а послѣ смерти матери его Анны, и Киріакія выдана имъ Ѳедоромъ съ вознагражденіемъ поступившихъ съ нею денегъ болѣе 100 р., коровы и разнаго имущества на 25 р., и того на 125 р.; долговъ же, состоящихъ за разными крестьянами, какъ обозначено въ прошеніи Леонтьева, никогда не отсуливалъ, а изъ оныхъ вознаградилъ также выданную въ замужество невѣстку свою Гликерью Котову съ малолѣтнею ея дочерью; но по убѣжденію суда, они добровольно между собою согласились: Леонтьеву получать должныя деньги 4 р. съ крестьянина Якова Хаванова въ теченіи четырехъ лѣтъ, а ему Теплякову въ таковыя не вступаться, и затѣмъ болѣе однимъ съ другого ничего не требовать; въ чемъ учинили подписку, которая приложена къ бумагамъ суда, а копія съ оной выдана на руки просителю Леонтьеву. А потому волостной судъ опредѣлилъ: дѣло сіе считать рѣшеннымъ.

Бываетъ и такъ, что сами зятья присвоиваютъ себѣ, подъ видомъ приданаго, такіе предметы, которые имъ не принадлежатъ, или которые даны имъ для кратковременнаго пользованія. Это также даетъ поводъ къ процессамъ въ волостныхъ судахъ. Такъ, недавно одинъ тесть въ селеніи Матигорахъ, Кушевской волости, близь Холмогоръ, далъ на годъ зятю корову. Зять, по прошествіи года, не захотѣлъ возвратить коровы и сталъ утверждать, что корова дана въ приданое за женой навсегда. Дѣло пошло въ во-

лостной судъ, который потребовалъ женнховыхъ сватей, дѣлавшихъ условіе о приданомъ. Сватьи сказали, что не было никакого условія о коровѣ, и зятя заставили возвратить корову. Тогда онъ захватилъ у тещи, которая пришла къ нему въ гости, пальто, принадлежавшее снохѣ. Когда его снова потребовали въ судъ, онъ сталъ утверждать, что пальто теща оставила ему сама, въ замѣнъ обѣщанной, но отнятой назадъ коровы. Снова спросили сватей, и когда тѣ подтвердили свое прежнее показаніе, то его заставили возвратить пальто. Теперь вызываютъ тещу за полученіемъ пальто.

Приводимъ еще рѣшеніе одного волостнаго суда о вступательствѣ въ приданое, принадлежащее крестьянской женѣ, ея родной сестры, вдовы.

3.

1867 года марта 16-го крестьянская вдова Шенкурскаго уѣзда Предтеченскаго общества Фадѣевскаго села Анна Степанова Тетеревлева словесно объявила Предтеченскому волостному суду, что родная сестра ея, крестьянская жена села Чушевскаго Марья Степанова Тетеревлева, не отдаетъ ей Аннѣ заведенныхъ покойнымъ отцомъ ея разныхъ вещей, а именно: сарафанъ парчевой, сборникъ зашивной, шуба гарусная, серьги серебрянныя, сарафанъ ситцевой, двѣ женскихъ рубахи, серебрянный крестъ и мѣдными деньгами 1 руб. асс., почему проситъ вытребовать изъ означенныхъ вещей половину, слѣдующую на ея часть.

Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое вдову Анну и женку Марью Тетеревлевыхъ, входилъ между ними въ разбирательство, по коему оказалось, что вышепомянутыя вещи покойными родителями были отданы въ приданое за младшею сестрою Марьею, и вдова Анна о томъ до настоящаго времени не просила и доказательства на свой искъ никакого не представила. А потому волостной судъ опредѣлилъ: въ искѣ крестьянской вдовѣ Анны Тетеревлевой, какъ бездоказательномъ, отказать, предоставляя право обратиться съ искомъ въ подлежащее судебное мѣсто съ ясными доказательствами, каковое рѣшеніе объявить истицѣ и отвѣтчицѣ сего жь числа, и затѣмъ дѣло сіе въ волостномъ судѣ считать рѣшеннымъ.

Бываютъ и такіе случаи, что лица, давшія приданое за невѣстой, заявляютъ потомъ требованіе о выдачѣ обратно приданаго и даже обращаются къ суду. Я зналъ одного старика, крестьянина Товренской волости, Кушевскаго сельскаго общества, Михайла Ѳедоровича Толмачева, любителя тягаться по судамъ, который завелъ тяжбу съ своимъ зятемъ о приданомъ, данномъ съ внучкой. 26-го января 1851 года Толмачевъ подалъ Холмогорскому земскому исправнику прошеніе, въ которомъ писалъ: „Въ 1848 году отданы мною внучкѣ моей, а нынѣ уже крестьянской женкѣ Буяновскаго общества Иринѣ Яковлевой Леонтьевыхъ, серьги и перла жемчужные и кисейный шейный шарфъ, а въ прошломъ 1850 году отданъ же мною означенной внучкѣ—съѣздить къ вѣнцу, парчевой шугай, съ обложенною около воротника бахромою, съ таковымъ, при отдачѣ этихъ вещей, условіемъ, что по выходѣ ея въ замужество получить мнѣ таковыя вещи обратно; но по неоднократнымъ моимъ требованіямъ вышеозначенныхъ вещей и по сіе время отъ внучки моей Ирины Леонтьевыхъ получить не могу. А потому осмѣливаюсь прибѣгнуть къ стопамъ особы вашего высокоблагородія, всепокорнѣйше и слезно прошу отданныя мною внучкѣ моей вещи обратно съ нея взыскать и вручить мнѣ“. Противъ этого прошенія крестьянинъ Полуэктъ Леонтьевъ и жена его Ирина подали въ земскій судъ объясненіе: „Симъ имѣемъ объяснить: Первый—дѣйствительно, я въ 1850 году взялъ въ замужество внучку крестьянина Толмачева, и хотя при сватовствѣ въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней моей тещи, не былъ, но отъ отца своего крестьянина Петра Леонтьева, какъ сватовавшаго за меня внучку Толмачева, слышалъ, что платье съ невѣстой все будетъ въ приданое материнское, да и сверхъ того, дѣдъ крестьянинъ Михайло Толмачевъ, какъ объяснилъ мой отецъ, говорилъ, что бабка, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами, шарфомъ и бывшимъ на сбереженіи у ней материнскимъ парчевымъ шугаемъ не на временное подержаніе, какъ объясняетъ крестьянинъ Толмачевъ, а какъ приданы, и слѣдовательно, во всегдашнее жены моей владѣніе и распоряженіе онымъ; болѣе же ничего отъ отца въ то время не слышалъ и, согласясь на означенныя выше приданы, изъявилъ согласіе взять въ замужество

внучку крестьянина Михайла Толмачева, нынѣшнюю мою жену. Вторая—имѣю честь пояснить, что жемчужныхъ перлъ у меня вовсе не бывало, а разсыпаны они бабушкой, женой дѣда крестьянина Толмачева; сергами же она, еще при жизни своей, съ согласія дѣдушки, меня благословила и оставила въ поминовеніе души ея, во исполненіе каковаго завѣщанія я поминала на свой счетъ, нанимая шестинедѣльную псалтирь, и подавала денежную милостыню. Что же касается до шугая и кисейнаго шарфа, то оные завожены отцомъ моимъ и несены имъ матери моей, при выходѣ ея въ замужество, такъ сказать, *на бѣлила*, и только бабушка, жена дѣда Толмачева, ихъ берегла и по выходѣ моемъ въ замужество также несла мнѣ *приносомъ*, и уже во всегдашнее мое владѣніе, по прямому смыслу словъ: „дареное назадъ не берется“; а потому вещей тѣхъ, какъ своей собственности, дѣду своему крестьянину Толмачеву отдать не согласна. При чемъ присовокупляю, что дѣдъ нашъ Михайло Толмачевъ изъясненныхъ въ прошеніи вещей отъ насъ до сего времени никогда не требовалъ и не надпоминалъ о возвращеніи ихъ къ нему, какъ онъ пишетъ въ прошеніи, поданномъ въ земскій судъ, а если бы и въ собственномъ смыслѣ вышеозначенныя вещи даны были послѣдней изъ насъ на подержаніе, то дѣдъ могъ бы и ранѣе сего требовать ихъ словесно и письменно чрезъ начальство; пропустивъ столь долгое время безъ требованій, онъ симъ выражаетъ, что желаетъ ничего болѣе, какъ отнять чужую собственность, безпокоя начальство“. 18-го февраля 1852 года, противъ вторичной просьбы крестьянинъ Толмачева объ отобраніи отъ внучки его и мужа послѣдней указанныхъ выше вещей, а также объ истребованіи отъ нихъ документовъ, по коимъ они имѣли бы право владѣть тѣми вещами, именно завѣщанія жены его и приданой записи, отецъ жениха Петръ Леонтьевъ письменно заявилъ: 1-е) въ 1850 году дѣйствительно я сваталъ у крестьянина Верхне-Матигорскаго селенія Михайла Толмачева внучку Ирину Яковлеву за сына своего Полуэкта въ замужество, и находясь въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней тещи сына моего, по этому случаю, вырядилъ при сговорѣ въ приданое нѣкоторыя изъ ея собственныхъ вещей, да и крестьянинъ Толмачевъ на сговорѣ говорилъ, что

бабка невѣсты, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами и бывшими на сбереженіи у ней материнскимъ внучки парчевымъ шугаемъ и шарфомъ не на временное подержаніе, а въ приданое, и слѣдовательно, во всегдашнее владѣніе оными съ сыномъ моимъ Полуэктомъ жены его, внучки Толмачева. Это происходило при находившейся тутъ же на сговорѣ сватьѣ крестьянской женкѣ Курейскаго селенія Татьянѣ Скомороховой. По этому я и дозволилъ сыну моему Полуэкту взять въ супружество внучку Толмачева. 2-е) крестьянинъ Толмачевъ при сватовствѣ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ, по крестьянству сказать, *житье смотрѣть*, и ежели понравится житье, уговориться о платьѣ, какое будетъ съ невѣстой, и о дарахъ, и по переговорѣ изъявилъ согласіе на отдачу внучки въ замужество за сына моего и объявилъ, что бабка, его жена, награждаетъ внучку сергами жемчужными и отцовскимъ невѣсты парчевымъ шугаемъ, несеннымъ матери ея, то есть, внучки Ирины Яковлевой, при выходѣ въ замужество, сыномъ Толмачева Яковомъ, такъ сказать, на бѣлила, а также и шарфомъ кисейнымъ, во всегдашнее независимое ни отъ кого распоряженіе тѣми вещами внучки Ирины Яковлевой, настоящей моей невѣстки; при чемъ вырядилъ у меня крестьянинъ Толмачевъ въ помощь свадьбы 135 руб. асс., а на серебро 38 руб. 57 коп., и по обоюдномъ согласіи, помолились Богу, и я отдалъ выряженное Толмачевымъ на свадебный случай означенное количество денегъ невѣсткѣ его Парасковьѣ Толмачевой, нынѣшней тещи моего сына, а Толмачевъ далъ честное слово отдать со внучкой обѣщанныя изъясненныя вещи въ приданое. 3-е) хотя крестьянинъ Толмачевъ и проситъ истребовать отъ сына моего и внучки приданую вещамъ запись, но таковой дѣйствительно у насъ нѣтъ, да и никогда въ здѣшнемъ уѣздѣ при крестьянскихъ свадьбахъ таковыхъ не бывало, и вовсе объ этомъ никто не знаетъ, а по обыкновенію дѣлается всегда на совѣсть и честное слово; на каковомъ основаніи и я, давая невѣсткѣ Толмачева деньги 135 руб. асс., не взялъ отъ нея и Толмачева никакого документа, и деньги по сіе время находятся за нимъ. Что же касается до духовнаго завѣщанія бабки моей невѣстки, жены Толмачева, то оного не было нужды, по моему мнѣнію, составлять, потому что жена Тол-

мачева, еще за долгое время до смерти, будучи здоровою, жемчужными серьгами невѣстку мою, жену моего сына, благословила во всегдашнее владѣніе и послѣ смерти ея на поминъ ея души; а кисейный шарфъ и шугай несены бабкою внучкѣ приносомъ, какъ у насъ по обыкновенію водится, и всегда въ подарокъ, назадъ же ничего изъ несеннаго на бѣлила, кѣмъ бы то ни было, не берется. И наконецъ, что Толмачевымъ прописанныя въ прошеніи вещи отданы въ приданое, а не на подержаніе, въ этомъ можно удостовѣриться и отъ матери нынѣшней моей невѣстки и отъ сватьи Татьяны Скомороховой, находившейся при сговорѣ нашемъ съ Михайломъ Толмачевымъ. А потому покорнѣйше прошу земскій судъ войти въ разсмотрѣніе вышеизъясненнаго, не отбирая, по просьбѣ Толмачева, какъ несправедливо ищущаго, принадлежащей невѣсткѣ моей, слѣдовательно, и сыну моему, ихъ собственности, тѣмъ болѣе, что я въ замѣнъ приданыхъ вещей далъ собственныя деньги, какъ выше объяснено на свадебный случай, 135 руб. асс.". Такъ какъ свидѣтели не подтвердили справедливости просьбы Толмачева, то въ искѣ его было отказано судомъ [1]).

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, платное приданое составляетъ полную собственность жены, до котораго никто не вправѣ касаться. На счетъ денежнаго приданаго въ разныхъ мѣстностяхъ, а иногда и въ одной и той же мѣстности, существуютъ различные обычаи; такъ, по однимъ обычаямъ, этого рода приданое, какъ и платное, принадлежитъ только женѣ, а по другимъ, входитъ въ общее имущество мужа и жены, при чемъ оно болѣе зависитъ отъ мужа, нежели отъ жены. Въ селѣ Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, по словамъ мѣстнаго священника, существуетъ такое правило, что если какія-либо деньги (рублей 10—30) у жены пришли въ приданое, то онѣ ей и принадлежатъ во всю жизнь, а не мужу; она ими ссужаетъ, во время нужды, мужа, сосѣдей и пр. Въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда мужъ можетъ пользоваться деньгами только съ согласія жены, напримѣръ, можетъ пускать ихъ въ оборотъ. Здѣсь же, близъ Холмогоръ, деньги жены менѣе ограждены обычаемъ отъ произвола мужа, нежели платное

---

1) Изъ бумагъ покойнаго крестьянина М. Толмачева.

приданое; если мужъ издержитъ деньги жены, то назадъ не отдаетъ. Остальное приданое, напримѣръ, рогатый скотъ, лошади и пр., входятъ въ составъ общаго имущества мужа и жены, право распоряженія которымъ принадлежитъ болѣе мужу, какъ главѣ семьи. По словамъ крестьянъ, жена не можетъ распоряжаться скотомъ; безъ мужа она не можетъ продать скотины, пришедшей съ нею въ приданое. На вопросъ: почему жена не можетъ распорядиться съ коровой по своему усмотрѣнію, а мужъ имѣетъ на это право, одна дѣвушка отвѣчала: „Мужъ, вѣдь, можетъ спросить жену: „на чьей душѣ сѣно-то родилось?“ Вообще, въ значительномъ числѣ случаевъ отчужденіе скота совершается съ согласія жены, при чемъ мужъ считаетъ долгомъ завести женѣ какую-либо обновку. Для отдачи приданаго въ залогъ, въ особенности платнаго, мужъ долженъ тоже испросить согласіе жены; напримѣръ, въ случаѣ крайнихъ недостатковъ и нужды, мужъ обращается ласково къ женѣ, чтобы та дала вещи подъ закладъ, уговаривая ее: „сѣно продадимъ или что другд и выкупимъ“, и жена удовлетворяетъ просьбу мужа. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, строгій и пьяный мужъ растрачиваетъ и пропиваетъ приданое жены, придерживаясь поговорки: *жена моя и все мое.* Это, разумѣется, не одобряется порядочными людьми изъ крестьянъ; и въ такихъ случаяхъ жены нерѣдко обращаются съ жалобами въ волостные суды, и возникаютъ дѣла. Подобныхъ дѣлъ бываетъ не мало. Ниже сего приводимъ нѣсколько такихъ дѣлъ, а здѣсь сдѣлаемъ указаніе на то, на сколько изложенные обычаи, на счетъ распоряженія приданымъ при жизни жены, соотвѣтствуютъ тѣмъ обычаямъ, которые могутъ быть выведены изъ помѣщенныхъ уже брачныхъ записей и рѣшеній волостныхъ судовъ и изъ рѣшеній судовъ, которыя будутъ помѣщены ниже.

Платное приданое во всѣхъ рѣшеніяхъ безспорно признается неприкосновенною собственностью жены; оно, по выраженію одной истицы, „не должно поступать въ общее хозяйство безъ ея (то-есть, жены) на то согласія, а особливо украдкой“, такъ что мужъ, заложившій нѣкоторыя вещи жены, обязывается судомъ выкупить ихъ и возвратить женѣ. Но мужская одежда иногда дается зятю въ полное его распоряженіе. Что касается до денежнаго прида-

наго, то по одному рѣшенію, оно признается собственностью жены, такъ что мужъ, разстраивающій свое хозяйство и растрачивающій имущество жены, подвергается тѣлесному наказанію; въ другомъ же случаѣ, деньги передаются отцомъ зятю и его матери, а не своей дочери; въ третьемъ, мужъ прямо заявляетъ, что деньги даны ему въ надѣлокъ безвозвратно; то же самое заявляетъ онъ на счетъ озадка двора, а другой—на счетъ овецъ. Еще представляется случай, гдѣ зять самъ требуетъ отъ тестя жеребца, обѣщаннаго ему въ надѣлокъ. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ, лошадь дается зятю на заведеніе платья женѣ, такъ что когда двоюродный братъ жены, послѣ ея смерти и смерти мужа, потребовалъ лошадь отъ отца мужа, то долженъ былъ заплатить за возвращенную ему лошадь деньги. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи существуетъ обычай, по которому надѣлокъ не только поступаетъ въ распоряженіе мужа, но и дѣлается его собственностью. Что касается земли, то она нынѣ, кажется, всегда переходитъ въ собственность зятя, а иногда даже и его отца.

4.

1868 года 13-го января. Крестьянская жена Аѳаносовскаго сельскаго общества Александра Филипова Попова подала 7-го декабря 1867 года въ Великониколаевское волостное правленіе, Шенкурскаго уѣзда, прошеніе, въ коемъ изъяснила, что въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1867 года, вышедъ она въ замужество за крестьянина Аѳанасовскаго общества Петра Андреева Попова, и помянутый мужъ ея Петръ Поповъ изъ принесеннаго ею въ приданое имѣнія продалъ 5 овецъ, стоющихъ 10 руб., овчинный тулупъ 6 руб., гарусную женскую шубу 2 р. 50 коп., шелковую шаль 3 рубля, серьги 40 коп., скатерть 75 коп., тонкаго холста 33 аршина по 10 коп. на 3 руб. 30 коп., французской платокъ 60 коп., конецъ тонкаго холста 28 арш. по 10 коп. на 2 руб. 80 коп. и житной муки 1 пудъ 1 руб. 20 коп., а всего на сумму 30 руб. 55 коп. серебромъ. Всѣ вышеозначенныя вещи, онъ, Петръ, украдкою отъ ея, Александры, заложилъ крестьянамъ: Антипѣ Задорину, Михайлу Задорину въ деревнѣ Починкѣ, а скатерть Ивану Филипову на Те-

ремцѣ; не знаетъ навѣрно, куда онъ, Петръ, употребилъ взятыя за оные деньги, на поддержаніе ли своего съ матерью, тремя братьями и тремя сестрами, семейства, или на пьянство, и ея приданое имущество не должно поступать въ общее хозяйство, безъ ея на то согласія, а особенно украдкой, хотя онъ, Петръ и законный мужъ; а въ случаѣ требованія ею таковыхъ, то мужъ ея Петръ наноситъ ей побои, и сверхъ сего, съ праздника Михаила Архангела выгналъ ее изъ дому, говоря, что нѣтъ тебѣ ни хлѣба, ни дѣла,—почему проситъ сдѣлать надлежащее по сему дѣлу разбирательство.

Вызванный на 13-е число сего января въ волостной судъ, крестьянинъ Петръ Поповъ объяснилъ, что онъ изъ вышепрописанныхъ вещей заложилъ только овчинный тулупъ крестьянину Антипѣ Задорину въ 4 руб., женскую шубу и тонкаго холста 23 аршина крестьянину Михайлу Задорину въ Починкѣ въ 2 руб. 90 копѣйкахъ, съ согласія на то жены его Александры Поповой, и деньги употребилъ на необходимыя въ хозяйствѣ потребности, какъ то: на уплату податей и проч., что шелковая шаль находится у родной сестры его, овцы же и житной муки 1 пудъ даны ему въ приданое безвозвратно; что прочихъ вещей, какъ то: серегъ, скатерти, французскаго платка и конца тонкаго холста 28 арш. онъ никуда не продавалъ, не закладывалъ и были ли женою таковые принесены онъ не знаетъ; что обидъ женѣ своей Александрѣ никогда и никакихъ не наносилъ и изъ дому ея никогда не выганивалъ.

Спрошенные по сему дѣлу сосѣдніе крестьяне села Молодихинскаго Алексѣй Поповъ, Иванъ Высошинъ, Василій и Сергѣй Поповы письменнымъ показаніемъ, даннымъ 12-го числа сего января, показали, что крестьянинъ Петръ Поповъ поведеніе въ жизни имѣетъ хорошее, а ссоры между имъ и женою происходятъ болѣе отъ жены его Александры, потому что она не имѣетъ къ мужу и свекрови своимъ послушанія во всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, опредѣлилъ: понудить крестьянина Петра Попова выкупить заложенныя крестьянамъ Антипѣ и Михайлу Задоринымъ вещи: овчинный тулупъ, гарусную женскую шубу и 33 арш. тонкаго холста, которыя и

предоставить въ пользу жены Петра Попова, Александры Филиповой, приказавъ крестьянской женѣ Александрѣ Поповой жить въ семействѣ мужа своего Петра Попова и быть въ его повиновеніи. Обстоятельство же объ истребованіи крестьянскою женой Александрой Поповой отъ мужа ея Петра Попова серегъ, скатерти, французскаго платка и холста 28 арш., какъ бездоказательное, оставить безъ удовлетворенія.

5.

1866 года 5-го августа. Великониколаевскій волостной старшина Федуринъ, передалъ въ волостной судъ на разбирательство присланную г. мировымъ посредникомъ 2-го участка Шенкурскаго уѣзда, при предписаніи отъ 28-го минувшаго іюля за № 351, переписку, начавшуюся съ объявленія крестьянской жены Едемскаго сельскаго общества Татьяны Семеновой Трофимовой о растратѣ мужемъ ея крестьяниномъ Егоромъ Ивановымъ Трофимовымъ, выданнаго ему въ пособіе изъ магазиновъ, хлѣба, ржи 2-хъ четвериковъ и овса 4-хъ четвериковъ, посредствомъ заклада сосѣду крестьянину Петру Андрееву Трофимову, употребленіи полученныхъ за оный деньги на пьянство, и о тайномъ уносѣ имъ отъ жены, также для пропитія или заклада на покупку вина, разныхъ вещей, а именно: двухъ женскихъ ситцевыхъ бѣлыхъ юбокъ съ гранетуровыми узорами, одной шелковой разноцвѣтной старинной юбки, одной бѣлой изъ коровьей шерсти юбки, женскаго штофнаго полушубка, однихъ серебрянныхъ серегъ, одной мѣдной пивной братыни, одной оловянной тарелки, двухъ шерстяныхъ нарукавниковъ, одного шелковаго краснаго платка, однаго французскаго платка, однаго холщеваго фартука, четырехъ холщевыхъ рубахъ, однихъ янтарей и 7 десятковъ пачеснаго льну.

Крестьянинъ Егоръ Трофимовъ, на спросъ его, показалъ, что дѣйствительно онъ заложилъ сосѣду Петру Трофимову овса 4 четверика и ржи около 2-хъ четвериковъ, но получилъ ли и сколько за оный хлѣбъ денегъ и куда таковые употребилъ, не упомнитъ, равно и братыню, за которую получилъ 20 копѣекъ, и деньги употребилъ на молотье хлѣба; сверхъ того, заложилъ онъ, съ со-

гласія своей жены, крестьянину Терентью Семенову Валькову шелковую разноцвѣтную старинную юбку, около 7 лѣтъ тому назадъ, за 1 руб. 40 копѣекъ, отозвавшись при томъ, что можетъ быть, выпивши онъ снесъ изъ дому своего что-либо другое Петру Трофимову, ибо послѣдній привѣтствовалъ его водкой, но положительно объ этомъ объяснить ничего не можетъ, ибо не упомнитъ своихъ дѣйствій, когда бываетъ пьянъ.

Крестьянинъ Петръ Трофимовъ показалъ, что онъ принялъ подъ залогъ отъ Егора Трофимова овса 4 четверика и ржи немного болѣе 1 четверика равно и братыню, за которые выдавалъ ему денегъ 2 руб. 40 копѣекъ, но куда оные Егоръ употребилъ, не знаетъ, въ принятіи же подъ залогъ другихъ вещей отозвался. Жена же Петра Трофимова Матрена Матвѣева объяснила, что она, якобы безъ вѣдома мужа ея, приняла отъ жены Егора Трофимова въ закладъ серебряныя серьги и янтари и шерстяные нарукавники, за 75 копѣекъ.

Просительница женка Татьяна Трофимова на спросъ ея отозвалась, что сама она никому никакихъ вещей не закладывала.

По сдѣланному волостными судьями тщательному дознанію, заложены ли крестьяниномъ Егоромъ Трофимовымъ вышеупомянутыя вещи—ничего не открылось. Поля же Егора Трофимова оказались всѣ засѣянными озимовымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговариваетъ: крестьянина Егора Трофимова, 37 лѣтъ отъ роду, за мотовство и пьянство его, за пропитіе даже выданнаго изъ магазина хлѣба, наказать при волостномъ правленіи розгами двадцатью ударами. Крестьянина Петра Трофимова, виновнаго въ принятіи отъ Егора подъ закладъ магазейнаго хлѣба и нѣкоторыхъ вещей, выдававшаго ему за сіе деньги на пьянство, и чрезъ то содѣйствовавшаго мотовству Егора, употребить въ общественную работу при волостномъ правленіи на шесть дней въ 21-е, 22-е, 23-е, 24-е, 25-е и 26-е числа августа. Мѣдную братыню, серьги, янтари и нарукавники отобрать отъ крестьянина Петра Трофимова и жены его Матрены, которые и предоставить женѣ Егора Трофимова Татьянѣ, съ тѣмъ чтобы Егоръ уплатилъ за оные выдаванные ему деньги 95 копѣекъ.

6.

1867 года апрѣля 2-го. Крестьянская женка Холмогорскаго уѣзда, Емецкаго общества, Васса Алексѣева Рудакова жалуется, что мужъ ея, крестьянинъ Рудаковъ растратилъ приданое, то-есть, деньги 8 руб., и къ тому же заложилъ армякъ за 6 руб., всего на 14 руб.; сверхъ того, наноситъ ей побои, когда она удерживала его отъ разврата.

Вслѣдствіе этой жалобы Емецкій волостной судъ, сего 2-го апрѣля, вызвалъ крестьянина Алексѣя Рудакова и нашелъ, что какъ изъ словъ его, Рудакова, дѣйствительно видна виновность его, поэтому постановилъ: за разстройство хозяйства арестовать Рудакова при волостномъ правленіи на двое сутокъ и предупредить его, чтобы онъ впредь отнюдь не дѣлалъ растраты имущества.

Въ случаѣ расходокъ мужа и жены, имущество послѣдней, въ особенности приданое, должно быть отдано женѣ, хотя это достигается иногда не иначе какъ по рѣшенію суда. Дѣйствительно, когда волостные суды предоставляютъ право женамъ, подвергающимся преслѣдованіямъ и тяжкимъ побоямъ со стороны мужей, жить отдѣльно отъ нихъ, то-есть, въ домѣ своихъ родителей или гдѣ пожелаютъ, то приговариваютъ, чтобъ и одежда была возвращена женамъ. Такъ, въ деревнѣ Товрѣ, близь Холмогоръ, былъ случай, что родители взяли жену отъ мужа, который тиранилъ ее. Приданое ей было возвращено черезъ судъ. Нѣкоторыя вещи, впрочемъ незначительныя, мужъ захватилъ и пропилъ. Жена жаловалась въ судъ и требовала, чтобы ему не выдавали паспорта, покуда онъ не возвратитъ вещей. Судъ нашелъ ея требованіе справедливымъ и остановилъ выдачу паспорта. Такого же рода рѣшеніе было постановлено 13-го октября 1867 года Устьпаденгскимъ волостнымъ судомъ по жалобѣ жены.

Въ 1-й книгѣ нашего сборника юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи было сказано, что къ приданому, при жизни жены, не могутъ прикасаться ни мужъ, ни частные кредиторы мужа, ни власти, при казенныхъ взысканіяхъ съ мужа (стр. 42). На это дѣлаетъ замѣчаніе священникъ Макаровъ: „Приданое, при жизни жены, равно какъ и деньги, вырученныя ею за разные продукты, не

всегда остаются неприкосновенными властью. Въ прошедшее лѣто (1869 г.) при взысканіи чрезъ полицію, удѣльною конторою пошлинныхъ денегъ за самовольно вырубленный смольнякъ, конфисковалось, въ случаѣ неимѣнія денегъ или неплатежа, все, что только попадалось исполнительной власти—все мужнино, женино и даже принадлежащее дѣтямъ: кафтаны, сарафаны, хорошіе платки и шубы".

При жизни жены, но послѣ смерти ея мужа, если тотъ не былъ отдѣленъ отъ родителей, часто на приданое жены посягаютъ родители ея мужа и другіе члены семьи, подъ разными предлогами. Но рѣшеніями волостныхъ судовъ, если къ нимъ обращается вдова, приданое всегда признается собственностью жены, какъ полученное ею отъ своихъ родителей; а потому захваченное возвращается вдовѣ; за утраченное она вознаграждается, а заложенное выкупается и отдается ей. Объ этомъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже рѣшенія; но въ нихъ нѣтъ рѣчи о надѣлкѣ, а только о платномъ приданомъ. На надѣлокъ свекоръ и другіе родственники жениха также не имѣютъ права, если съ ними не было на то особаго договора.

7.

1867 года апрѣля 30-го крестьянская вдова Юромской волости (бывшей Бугаевской) Мезенскаго уѣзда Александра Авдушева, въ прошеніи своемъ жалуется, что послѣ смерти мужа ея, Ильи Авдушева, свекоръ ея, крестьянинъ Матвѣй Авдушевъ захватилъ ея приданое отъ отца имѣніе, а именно: штофную шубейку, штофникъ, тафтеникъ, двѣ парчевыя коротеньки, два кумашника, два сарафана и три или болѣе дюжинъ женскихъ рубашекъ, полотенцевъ дюжину, и все, что окажется въ двухъ ея ящикахъ, и проситъ объ отобраніи означенныхъ вещей отъ Авдушева.

Бугаевскій волостной судъ, въ числѣ пяти судей, при разборѣ настоящаго дѣла рѣшилъ: не принимая отъ крестьянина Матвѣя Авдушева никакихъ не заслуживающихъ уваженія возраженій въ захватѣ имъ приданого невѣстки его Александры, оставшагося послѣ мужа ея, а Матвѣю сына, Ильи, отобрать оное отъ Авдушева, такъ какъ это имѣніе собственность ея, заведенная отцомъ ея, а

не свекромъ Авдушевымъ, и вручить таковое крестьянской вдовѣ Александрѣ Авдушевой, какъ собственность ея, но только съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неоказательства чего-либо въ ящикахъ, чрезъ взломъ замковъ и тому подобнаго, съ крестьяниномъ Авдушевымъ поступить наиболѣе въ строгомъ размѣрѣ.

8.

1867 года іюля 2-го дня крестьянская вдова Паденскаго общества деревни Галѣевской Татьяна Михайлова Рогова въ поданнымъ на имя Устьпаденскаго волостнаго правленія отъ 25-го прошлаго іюня прошеніи изъясняетъ слѣдующее: Мужъ мнѣ Тимофѣй Захаровъ Роговъ около 20-го мая сего года въ отлучкѣ волею Божею померъ, и по смерти его у свекра мнѣ, а его отца Захара Рогова жить я не придумала, а ушла къ отцу своему Устьпаденскаго общества въ деревню Максимовскую Михайлу Коноплеву, но какъ я жила въ замужествѣ только 17 недѣль, а потому и должна получить свое приданое платье, но свекоръ мнѣ Захаръ удержалъ собственное мое приданое, сарафанъ шелковый и платъ маслиновой, будто бы за то, что отецъ мнѣ Михайло бралъ у него ржи 6 четвериковъ; и дѣйствительно, отецъ сказываетъ, что помянутую рожъ бралъ въ займы до осени, такъ чтобы отдать обратно рожью или же заплатить деньгами или кирпичемъ. Почему покорнѣйше прошу волостное правленіе учинить зависящее распоряженіе: отобрать отъ свекра моего Захара Рогова сарафанъ и платъ и предоставить мнѣ, при чемъ поясняю: когда покойный мужъ мнѣ Тимофѣй отправлялся въ отлучку, то я дала ему изъ *плакальныхъ денегъ* на дорогу 4 р., но теперь свекоръ отзывается незнаніемъ. — Свекоръ просительницы крестьянинъ Захаръ Роговъ на спросъ суда говорилъ, что сарафанъ и платокъ нынѣ же обязался отдать обратно и состоящіе за отцомъ невѣстки своей крестьяниномъ Михайломъ Коноплевымъ 1 р. 75 к. оставилъ безъ возврата, рожъ же 6 четвериковъ, данную Михайлу Коноплеву, согласенъ получить по осени, только съ тѣмъ, что если Михайло обяжетъ себя дочь свою, а мою невѣстку, взять къ себѣ обратно на жительство постоянно, въ случаѣ же болѣзни, то ко мнѣ не водворять. Крестьянинъ Михайло Коноплевъ, бывъ спрошенъ волостнымъ судомъ, говорилъ, что дочь

свою вдову Татьяну Рогову взять къ себѣ на жительство согласенъ, состоящую же за нимъ рожь 6 четвериковъ обязался отдать по осени сего же года деньгами или же рожью.

На основаніи чего Устьпаденскій волостной судъ опредѣлилъ: дозволить крестьянской вдовѣ Татьянѣ Роговой проживать при домѣ отца своего крестьянина деревни Максимовской Михайла Коноплева, платокъ и сарафанъ нынѣ же обязанъ крестьянинъ Захаръ Роговъ отдать невѣсткѣ своей Татьянѣ Роговой, а равно и взятую крестьяниномъ Коноплевымъ рожь 6 четвериковъ возвратить по урожаю въ семъ же году Захару Рогову, что по запискѣ въ книгу объявить какъ просительницѣ, такъ и отвѣтчику. (Рѣшеніемъ всѣ остались довольны).

9.

Крестьянская вдова Кушевской волости Быстрокурскаго общества Холмогорскаго уѣзда Ирина Березина предъявила Кушевскому волостному суду жалобу на свекра своего Петра Березина и свекровку Анну Березину о томъ, что послѣ того, какъ въ 1866 году мужъ ея Елисей Березинъ, а имъ сынъ, умеръ въ С.-Петербургѣ безъ дѣтей отъ нея, свекоръ сталъ дѣлать стѣсненіе и наконецъ отказалъ во всемъ хозяйствѣ и не вознаградилъ за труды никакимъ имуществомъ, между тѣмъ заложилъ крестьянкѣ Машковой соболій воротникъ изъ приданого ея имѣнія въ 1 руб., и еще забралъ около 9 руб. для домашнихъ надобностей, потому и проситъ объ отобраніи того воротника и о предоставленіи въ ея пользованіе.

1867 года октября 26-го дня волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое отвѣтчика Петра Березина и жену его, которые показали, что они у снохи своей Ирины Березиной собольяго воротника крестьянкѣ Өеклѣ Машковой никогда не закладывали ни на какую домашнюю надобность, а оный воротникъ заложилъ сынъ ихъ Елисей Березинъ для своей надобности. Крестьянка же Өекла Машкова показала, что деньги подъ воротникъ брали слѣдующія лица: Петръ Березинъ деньгами 2 р., онъ же муки и рыбы и жена его Анна и Елисей Березинъ на 6 р., во время бытности послѣдняго на родинѣ, да еще бралъ онъ же Елисей на похороны дѣтей

2 руб., а всего 10 р. Сосѣдъ ихъ Ѳедоръ Березинъ въ судѣ показалъ, что деньги въ займы у Машковой брали для всего вообще дому, а воротникъ принадлежитъ ей Иринѣ, какъ онъ знаетъ. Почему волостной судъ предложилъ просительницѣ и отвѣтчикамъ между собою добровольную сдѣлку, но отвѣтчики по вздорному своему характеру не согласились; потому судъ, основываясь на показаніи сосѣда и зная ея просительницы хорошее и смирное поведеніе, опредѣлилъ: заложеннымъ собольимъ воротникомъ крестьянкѣ Машковой предоставить воспользоваться Иринѣ Березиной, а свекру и свекровкѣ приказать выкупить его у Машковой для воспользованія снохѣ ихъ Иринѣ, тѣмъ болѣе, что они чинили ей по смерти мужа разныя оскорбленія и отказали въ хозяйствѣ; принимая же во вниманіе, что она въ замужествѣ жила немногое время, въ имуществѣ ей отказать.

Приданое дочери составляетъ во всякомъ случаѣ выдѣлъ изъ общаго имущества, такъ что по смерти отца, при раздѣлѣ братьями общаго имѣнія, замужней сестрѣ ничего не дается. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отцы и по завѣщанію ничего не оставляютъ замужнимъ. „Чѣмъ благословлена отцомъ при замужествѣ, тѣмъ и будь довольна, а отъ братьевъ во второй разъ не можетъ требовать,“ объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

Послѣ смерти жены, у которой не осталось дѣтей, почти все ея приданое возвращается къ ея родителямъ. На мой вопросъ: можетъ ли жена завѣщать своему мужу платное и иное приданое, объяснявшій мнѣ обычаи крестьянинъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ не бывало, но что, по его мнѣнію, онъ не можетъ этого сдѣлать, потому, что приданое должно возвратиться въ семью ея родителей. Но изъ одного, приводимаго ниже, рѣшенія можно заключать, что еслибы мужъ могъ доказать, что завѣщаніе дѣйствительно существовало, то могъ бы воспользоваться приданымъ жены. Безъ завѣщанія же, просто по обычаю, мужу послѣ бездѣтной жены остается только благословленная икона да постель, и все то, что было зашито въ банникѣ, гдѣ таковый бываетъ: ложка, тарелка, миска, солонка и проч. Подвѣнечное платье жены и обручальное кольцо, если эти вещи подарены были женихомъ, также остаются у мужа. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ обыкно-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословленный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-пріемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что̀ продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ распрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы нравамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданымъ первой жены!?“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена носила все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умрутъ, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданого жены. Таковы обычаи, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣтельствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣтяхъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близь Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратить ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратить послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаградить родителей покойной, но онъ можетъ отговариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значитъ *душу трясти* дочери; Богъ съ нимъ! скажутъ родители и отступятся". Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушеніе обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда возстановляются права истцовъ, какъ мож-

но убѣдиться изъ рѣшеній, помѣщенныхъ ниже сего. Только если родители зятя заложатъ что-нибудь изъ приданаго, для того, напримѣръ, чтобъ окупить издержки по погребенію снохи, то по рѣшеніямъ, на основаніи обычая, выкупаютъ сами родители жены, если тѣ откажутся выкупить.

Когда у покойной жены остались дѣти, мужскаго или женскаго пола, все равно, въ такомъ случаѣ все приданое идетъ въ пользу ихъ. У многихъ родители жены даже не довѣряютъ приданого, легко утрачиваемаго, мужу. Отецъ приведетъ все въ извѣстность черезъ опись и наблюдаетъ, чтобы не продали и не заложили; иной сложитъ все въ сундукъ, который стоитъ у зятя, запретъ его и ключъ возьметъ къ себѣ до возраста дѣтей; пересмотритъ, просушитъ и опять складетъ. Остальнымъ имуществомъ—хлѣбомъ, коровой, деньгами, мужъ, при дѣтяхъ, можетъ пользоваться.

Вотъ рѣшенія волостныхъ судовъ, указывающія на судьбу приданого послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей, и бездѣтной.

10.

1867 года 29-го августа. Слушали прошеніе крестьянина Тарнянскаго сельскаго общества Великониколаевской волости, Шенкурскаго уѣзда, Александра Максимова Дешевицына, поданное въ Великониколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о истребованіи съ зятя его, крестьянина того же общества Степана Егорова Гашева имущества, даннаго въ приданое съ дочерью своею Марфой, которая волею Божіей нынѣ померла и дѣтей никого не оставила, на сумму 25 руб. серебромъ.

Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Степанъ Гашевъ объяснился, что жена его Марфа при смерти своей отказывала ему одинъ утиральный платокъ тонкаго холста, одинъ французской платокъ и коробейку, но въ подтвержденіе своего голословнаго заявленія не представилъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Вслѣдствіе того волостной судъ по внимательномъ обсужденіи, на основаніи мѣстнаго обычая, приговариваетъ: взыскать съ крестьянина Степана Гашева все полученное въ приданое съ покойною женою его Марфою имущество, которое предоставить въ пользу отца послѣдней крестьянина Александра Дешевицына.

Подобное рѣшеніе было учинено Сороцкимъ волостнымъ судомъ, Кемскаго уѣзда, 1867 года февраля 5-го, по просьбѣ одного крестьянина объ отобраніи отъ зятя его приданаго имущества, оставшагося послѣ жены послѣдняго, а перваго дочери. Тутъ судъ постановилъ: „приказать отвѣтчику возвратить шубейку и корову, за утраченныя имъ жемчужныя петли отдать 5 руб., а за остальную одежду, изношенную покойной не взыскивать“.

11.

1867 года марта 19-го дня. Въ Мардинскомъ волостномъ судѣ, Онежскаго уѣзда, присутствовали судьи: Алексѣй Крысановъ, Федоръ Гавриловъ, Яковъ Гурьевъ и Степанъ Кузьминъ; слушали жалобу крестьянина Хачельской деревни Андрея Анцыфорова о вытребованіи отъ крестьянина Каеркульской деревни Ивана Никулина вещей на сумму 29 р. 20 к., оставшихся у Никулина послѣ смерти перваго дочери, а послѣдняго жены. По учиненному въ волостномъ судѣ разбору оказалось, что Никулинъ выдалъ въ разное время Андрею Анцыфорову деньгами, рыбой и пр. на 40 руб. 21½ коп. Этотъ послѣдній представилъ счетъ уплаты Никулину 34 руб. 15 к. Обѣ стороны счеты признали правильными; кромѣ того оказалось, что Дмитріемъ Анцыфоровымъ уплачено деньгами 5 руб., и хотя Никулинъ и сознался въ полученіи этихъ денегъ, но объявилъ, что имѣетъ отдѣльный счетъ съ нимъ Дмитріемъ, почему деньги 5 р. въ счетъ не приняты до возвращенія Дмитрія. Свидѣтелей ни которая изъ тяжущихся сторонъ не представила. Волостной судъ опредѣлилъ: изъ находящихся у Ивана Никулина вещей, оставшихся послѣ смерти жены, оставить на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по 107 ст. Общ. Полож., въ пользу Никулина одно одѣяло ситцевое на ватѣ, два суконныхъ постельника и подушку съ ситцевою наволочкою, а прочія вещи, какъ то: одну женскую суконную шубу на ватѣ, одинъ женскій на ватѣ полушубокъ, одно овчинное одѣяло, покрытое домашнимъ сукномъ, возвратить Андрею Анцыфорову; слѣдующія по расчету съ Анцыфорова достальныя деньги 6 руб. 60½ к. взыскать въ пользу Никулина, а для уплаты сего долга назначить двухнедѣльный срокъ до 2-го апрѣля сего года.

12.

1868 года 27-го мая. Крестьянская жена Ѳедоровскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Акулина Григорьева Рожина заявила 27-го сего мая въ Великониколаевскомъ судѣ словесную просьбу объ отобраніи отъ крестьянина Груздовскаго сельскаго общества Прокопья Антонова Шишкина оставшагося послѣ смерти дочери ея Рожиной Александры, бывшей въ замужествѣ за Шишкинымъ, имущества, а именно: одной красной штофной шубы, стоющей 10 рублей, одной шубы полушелковой—5 руб., однаго сарафана шелковаго клѣтками, стоющаго 9 руб.; одной юбки шелковой штофной одноцвѣтной—3 р., одного шелковаго хорошаго платка—2 руб., однаго шелковаго голубого удирка—1 руб., однаго полушубка шелковаго травчатаго, голубаго—1 руб., одного разшивнаго хорошаго сборника—3 руб., двухъ хорошихъ рубашекъ, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англинская красная — 1 руб., восьми холщевыхъ рубашекъ полновыхъ — 2 руб., шести холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ — 1 руб., одного гаруснаго платка порядочной величины и доброты — 1 руб., одного гаруснаго передника — 70 коп., одного двоеликаго, немного поношеннаго полушубка—80 к., двухъ кумачныхъ полушубковъ—1 руб. 40 коп., кумача на полушубокъ—80 коп., однѣхъ красныхъ перстятокъ изъ дорогой шерсти—20 коп., однѣхъ красныхъ перстятокъ домашней работы—15 коп., трехъ утиральниковъ, одинъ изъ нихъ кумачный пропускной, съ узоромъ, второй шитый въ пялахъ и третій браной, съ наборцами кругомъ,—2 р. 50 к., одной браной съ набором салфетки—1 р., одной бѣлой съ наборомъ юбки—25 коп. одной холстиновой бумажной юбки—30 коп., одной красной овчарной юбки—1 руб., однѣхъ серебрянныхъ безъ пробы серегъ — 15 коп., одного серебряннаго пробнаго кольца—20 коп., одного крашеннаго съ замкомъ ящика—1 р., одной съ замкомъ коробьи—40 коп., одной конопянной браной салфетки—10 коп., и одной бѣлой каменной тарелки—10 коп., а всего на сумму 51 руб. 5 коп.

Вызванный на 27-е число сего мая въ волостной судъ крестьянинъ Прокопій Шишкинъ объяснилъ, что все вышеобъясненное Рожиной, оставшееся послѣ смерти первой жены его, а Рожиной

дочери, Александры, имущество находится въ цѣлости, которое и согласился предоставить въ пользу крестьянской жены Акулины Рожиной, просилъ ее предоставить въ пользу его, Шишкина, только одинъ утиральникъ съ наборцами кругомъ и одно серебрянное кольцо, на чтò крестьянская жена Акулина Рожина согласилась.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, опредѣлилъ: согласно соглашенію крестьянской жены Акулины Рожиной и крестьянина Прокопья Шишкина, считать сіе дѣло конченнымъ, поручивъ исполненіе сего рѣшенія Груздовскому сельскому старостѣ.

13.

На просьбу крестьянина Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Проурзина объ отобраніи приданаго отъ крестьянина Попова, которое осталось послѣ его дочери, выданной въ замужество въ 1864 году и умершей, Благовѣщенскій волостной судъ 24-го іюля 1866 года постановилъ: отобрать отъ Попова все имѣніе, какое принесла съ собою въ приданое покойная жена его, кромѣ полукапотья и красной англійскаго ситца рубашки, которыя предоставить ему въ собственность за покупку имъ части красной бумаги въ сарафанъ покойной жены своей.

14.

1867 года 22-го октября. Слушали словесную просьбу крестьянина Володимірскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Ларіона Павлова Малютина, ходатайствующаго о истребованіи обратно съ зятя его, крестьянина Никольскаго общества Григорья Михайлова Хабарова, данныхъ ему въ приданое съ сестрой его Натальей Павловой, нынѣ умершей, озадка двора и денегъ 5 р. сер.

Вызванный въ Великониколаевскій волостной судъ крестьянинъ Григорій Хабаровъ показалъ, что озадокъ двора и деньги 5 рублей даны ему были въ надѣлокъ безвозвратно, и что самъ проситель Ларіонъ Малютинъ состоитъ ему должнымъ не заплаченными за плотничную работу 1 рублемъ 25 копѣйками. Крестьянинъ Ларіонъ Малютинъ заявилъ, что деньги 5 руб. даны были Григорью Хабарову не въ надѣлокъ, а въ займы, и Малютинъ по соглашенію

*

съ Хабаровымъ заявленіе свое подтвердилъ Богомъ; при чемъ они миролюбно между собою согласились въ томъ, что Хабаровъ обязался возвратить Малютину озадокъ двора, а Малютинъ долженъ заплатить Хабарову за работу деньги одинъ рубль двадцать пять копѣекъ серебромъ, съ тѣмъ что Малютинъ взысканіе съ Хабарова 5 рублей оставляетъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ опредѣляетъ: по случаю миролюбнаго соглашенія крестьянъ Ларіона Малютина и Григорья Хабарова считать сіе дѣло конченнымъ, о чемъ дать знать сельскимъ старостамъ Володимірскаго и Никольскаго обществъ для наблюденія за выполненіемъ обязательствъ крестьянъ Малютина и Хабарова.

15.

1867 года октября 5-го. Крестьяне деревни Лешуконской, Мезенскаго уѣзда, Иванъ, Панфилъ и и Афанасій Пескины объявляютъ, что у нихъ выдана была въ замужество за крестьянина деревни Каращельской Ѳедора Опарина, сестра Ирина, которая померла около 9 лѣтъ, по смерти ея осталась дочь Агафья и имѣніе изъ платья, а именно: штофникъ со всѣмъ приборомъ—10 р., коротенька со всѣмъ приборомъ — 3 руб., кумашникъ тоже съ приборомъ—2 р., тулупъ—7 р., сарафанъ аглицкаго ситца—2 р., двѣ женскихъ рубахи съ рукавами, первая синей холстники, вторая... 2 р., суконная красная шаль—1 руб., малиновый двоерядный поясъ — 50 к., нарукавники аглицкаго ситца — 50 к., передникъ бѣлаго ситцу — 50 коп., сарафанъ ситцевый — 70 к., аглицкій платъ—1 р., а всего на 30 руб.; дочь нашей сестры, а наша племянница Агафья нынѣ померла; поэтому мы желаемъ получить вышеписанное имѣніе обратно отъ бывшаго зятя крестьянина Опарина, или чтобы онъ удовлетворилъ насъ деньгами 30 руб., въ чемъ и подписуемся.

Вызовъ отвѣтчика назначенъ 5-го ноября. Ноября 5-го Лешуконскій волостной судъ въ числѣ трехъ судей разбиралъ настоящее дѣло, и оказывается слѣдующее: крестьянинъ Опаринъ не отрицаетъ, что дѣйствительно вещи поименованныя въ жалобѣ Пескиныхъ были даны въ приданое съ покойною его женой Ириной,

и изъ нихъ находится у Опарина на лицо все, кромѣ кумашника, который заложенъ у крестьянина Петра Климцова въ 50 к., штофника у крестьянина Ивана Климцова въ 7 р., тулупа и сарафана аглицкаго ситцу у Катерины Климцовой въ 3 р., коротенька у крестьянина Константина Опарина въ 1 р. 50 к., всего на 12 р. с.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и при несогласіи тяжущихся на предложенный миръ, волостной судъ, принимая во вниманіе, что Опаринъ въ приданыхъ жениныхъ вещахъ не отпирается и Пескиными во время смерти Опарина жены, а ихъ сестры, описи имуществу сдѣлано не было, также что, по объясненію Опарина, означенныя вещи имъ были заложены по несостоятельности его, для пропитанія Пескиныхъ племянницы, а у Пескиныхъ имущество не было сдано подъ опеку, рѣшилъ: вышеописанное имущество отобрать отъ Опарина и передать по принадлежности Пескинымъ—тѣ вещи, которыя есть въ наличности, а заложенныя вещи предоставить, если они Пескины имѣютъ на то выгоду, то выкупайте и пользуйтесь ими безъ участія какъ въ выкупѣ, такъ пользованіи Опарина, а если Пескины не пожелаютъ на выкупъ вещей, то имъ предоставляется таковыя оставить навѣчно за Климцовыми и Опаринымъ. Постановленіе это учинено согласно прежнимъ, вошедшимъ здѣсь обычаямъ, на основаніи 96 ст. Положенія 19-го февраля 1861 г.; затѣмъ дѣло зачислить рѣшеннымъ.

Рѣшеніемъ этимъ истцы Пескины остались недовольны; оно окончательно исполнено 6-го ноября.

16.

1867 года апрѣля 2-го. Лявленскій волостной судъ Архангельскаго уѣзда входилъ въ разсмотрѣніе дѣла по объявленію повѣреннаго крестьянъ Петра Андреева, жены его Ирины Антоновой и сына ихъ Якова Петрова Немоновыхъ, первымъ двумъ сына, а последнему брата, крестьянина д. Малынчевской Дмитрія Петрова Немонова, въ коемъ онъ изъясняетъ, что проживавшая въ нераздѣльномъ семействѣ съ ними родная его сестра, дѣвица Матрена Петрова Немонова, съ согласія родителей его, равно и его Дмитрія, въ 1860 года выдана въ замужество за крестьянина одной съ нимъ деревни Василія Михайлова Морева, и при выдачѣ съ нею

отданы, какъ вышесказанными родителями и братомъ его, равно и самимъ имъ, въ приданое пріобрѣтенныя общими силами всѣхъ членовъ ихъ семейства разныя вещи, заключающіяся въ женской одеждѣ, какъ-то: бѣльѣ, платьяхъ, обуви, верхней одеждѣ, головномъ уборѣ, жемчугѣ и сундукахъ, всего на сумму слишкомъ 200 р. с. По истеченіи года послѣ бракосочетанія сказанная сестра его Матрена волію Божіею умерла, оставя послѣ себя на попеченіи своего мужа Василья Морева законно прижитаго съ нимъ сына Филиппа, имѣвшаго тогда отъ рожденія одинъ день. По смерти сказанной его сестры, а Морева жены, Матрены, онъ Моревъ возвратилъ имъ нѣкоторыя вещи менѣе цѣнныя противъ прочихъ, изъ бѣлья и платья, отданныя ему съ женою въ приданое, въ распоряженіе ихъ, а болѣе цѣнныя, по оцѣнкѣ ихъ, стоющія не менѣе нижеозначенной цѣны: жемчугъ въ 3-хъ прядяхъ, вѣсомъ до 10 золотниковъ—на 40 р., женскій парчевой полушубокъ—15 р., два шелковыя платья — 15 р., штофная юбка съ мишурными газами—10 р., и шелковый женскій большой платокъ—10 р., всего на сумму 90 р. с., оставилъ у себя, какъ имѣвшій тогда на то право, по случаю нахожденія у него законно прижитаго съ покойною его сестрою сына, который, проживъ у Морева $4^1/_2$ года, тоже волею Божіею умеръ; за симъ крестьянинъ Василій Моревъ, *на основаніи существующихъ законовъ*, какъ жившій съ женою короткое время и не имѣющій прижитыхъ съ нею на содержаніи у себя дѣтей, лишился права пользоваться отданнымъ съ нею приданымъ имѣніемъ, которое, по справедливости и на основаніи закона, должно быть возвращено имъ Немоновымъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ покойной ихъ сестры Матрены, и тѣмъ болѣе, что таковое пріобрѣтено не одними ея, а общими силами всего ихъ семейства. Они неоднократно обращались къ нему Мореву о возвращеніи приданаго, но Моревъ хотя и изъявилъ согласіе возвратить имъ всѣ вышеписанныя вещи, исключая жемчуга, который стоитъ, какъ выше о семъ объявлено, 40 р., но не возвратилъ. Почему онъ, Немоновъ, какъ довѣренный отъ семейства ихъ на ходатайство о возвращеніи имъ таковаго, проситъ волостное правленіе сдѣлать зависящее распоряженіе объ отобраніи отъ Морева всѣхъ вышеписанныхъ вещей и жемчуга и выдать ему въ общую пользу членовъ ихъ семейства.

Вслѣдствіе чего отвѣтчикъ Моревъ былъ вызываемъ въ волостной судъ 5-го числа марта мѣсяца, но къ суду не явился безъ законныхъ къ тому причинъ, за что̀, согласно приговору сего суда, состоявшемуся того же числа, на основаніи 126 и 267 ст. 3 разд. Сборн. постан. для руков. вол. и сельск. упр., подвергнутъ взысканію пени 50 к. въ мірской капиталъ; сего числа снова былъ вызванъ въ судъ, гдѣ на предъявленную просьбу крестьянина Немонова о возвращеніи ему вышеписанныхъ вещей или по стоимости оныхъ денегъ объяснилъ, что онъ согласенъ возвратить Немоновымъ отданное ему въ приданое съ женою и остальное имущество, за исключеніемъ жемчужныхъ перлъ, за содержаніе до смерти оставшагося на его попеченіи послѣ смерти покойной жены его Матрены, законнаго сына Филиппа въ теченіе $4^1/_2$ годовъ, и кромѣ того, проситъ взыскать съ Немонова взятыя у него тещею его, а Немонова матерью, собственно ему принадлежащія деньги 5 р. с., на что̀ Немоновъ согласился, съ тѣмъ однако, что денегъ Мореву отдать не 5, а 3 р., какъ таковые принадлежали не собственно ему Мореву, а покойной сестрѣ его, но Моревъ и на сіе согласился, и потому споръ этотъ они прекратили сего числа на волостномъ судѣ миролюбно и безобидно для той и другой стороны, съ тѣмъ, чтобы дѣла этого, послѣ сего рѣшенія, ни той, ни другой сторонѣ нигдѣ не возобновлять. Волостной судъ, имѣя въ виду, что на основаніи закона тяжущимъ лицамъ предоставляется право примиренія и тѣмъ окончательно рѣшать дѣла на волостномъ судѣ, постановилъ: условія примиренія ихъ записать въ настоящую книгу и дать подписать тяжущимся, затѣмъ дѣло по сему предмету зачислить въ рѣшенныхъ.

17.

1867 года іюля 23-го. Отставной рядовой, проживающій въ деревнѣ Хайбутовской, Благовѣщенской волости Шенкурскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Кичевъ прошеніемъ, поданнымъ въ волостное правленіе, просилъ отобрать отъ крестьянина той же деревни Ѳедора Дмитріева Пшеницына разное женское имущество, оставшееся послѣ смерти падчерицы его, Кичева, Матрены Пшеницыной, выданной за

него Пшеницына назадъ тому девять лѣтъ, потому что послѣ смерти ея не осталось наслѣдниковъ женскаго пола.

Благовѣщенскій волостной судъ по обсужденіи этого дѣла постановилъ: такъ какъ умершая жена крестьянина Ѳедора Пшеницына Матрена жила съ мужемъ своимъ 9 лѣтъ, слѣдовательно, она большею частью носила платье, заведенное мужемъ, а не приданое, а потому отъ крестьяннна Ѳедора Пшеницына въ пользу рядоваго Кичева отобрать, вмѣсто просимаго имъ имущества, только одинъ суконный полушубокъ, а затѣмъ дѣло это считать рѣшеннымъ. Остальное же имѣніе умершей Матрены, принесенное ею въ приданое, находящееся у Ѳедора Пшеницына, онъ Ѳедоръ обязанъ хранить въ цѣлости до совершеннолѣтія сына своего.

18.

1864 года января 13-го. Дѣло бывшаго Устьпаденскаго приказа, по прошенію крестьянина Устьпаденской волости, Шенкурскаго уѣзда Ѳедора Григорьева Коноплева о взысканіи съ таковаго жь Степана Андреева Карамышева имущества, оставшагося послѣ смерти дочери перваго, а невѣстки послѣдняго. По сему предмету было производство въ удѣльномъ приказѣ 17-го ноября 1860 года, и при личномъ между истцомъ и отвѣтчикомъ разсчетѣ постановлено миролюбивое соглашеніе, съ тѣмъ чтобы Карамышевъ возвратилъ Коноплеву то имѣніе, которое окажется у сына перваго въ Рыбинскомъ.

Карамышевъ былъ въ Рыбинскомъ у сына и по возвращеніи оттуда отдалъ Коноплеву только юбку и платокъ покойной дочери, больше ничего, въ чемъ словесно и удостовѣряетъ; Коноплевъ же этому не вѣритъ, предоставляетъ Карамышеву удостовѣрить передъ Богомъ присягой, на что сей не согласенъ; а потому Коноплевъ и удерживаетъ у Карамышева палтасу 5 пудовъ, которые онъ, Карамышевъ, взыскиваетъ съ него, Коноплева.

Опредѣленіе волостнаго суда: Если Карамышевъ не подтвердитъ передъ Богомъ честнымъ словомъ, что никакого имѣнія покойной невѣстки изъ Рыбинска отъ сына не привезъ, кромѣ отданнаго Коноплеву, то палтасу 5 пудъ лишается, а если подтвердитъ или сколько есть отдастъ, то Коноплевъ обязанъ Карамышеву отдать

за палтасъ 7 р. 50 к.—цѣну, заплаченную имъ въ Архангельскѣ, а не по здѣшнимъ цѣнамъ, какъ требуетъ Карамышевъ, потому что Коноплевъ купилъ на свои деньги, а не на Карамышевскіе; всѣ же разсчеты, бывшіе между ними до 17-го ноября 1860 года, въ которыхъ тогда обоюдно согласились, впредь не возобновлять. Каковое опредѣленіе суда тяжущимъ и объявлено.

19.

1868 года 21-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества, отъ 16-го сего октября за № 231, донесъ Великониколаевскому волостному правленію, Шенкурскаго уѣзда, что по производившемуся у него дѣлу, начавшемуся съ просьбы крестьянина Павла Ѳедорова Птицына объ отобраніи лошади мерина отъ крестьянина Степана Иванова Безсонова, данной въ приданое съ двоюродною сестрою его Птицына, Авдотьей Сергѣевой, на заведеніе платья, при выдачѣ ея въ январѣ мѣсяцѣ сего года въ замужество за сына Безсонова, Петра Степанова, которые оба нынѣ уже умерли,—онъ староста склонить ихъ къ миролюбному соглашенію не могъ, а потому проситъ дѣло это передать на разсмотрѣніе и разбирательство волостнаго суда.

Вызванные на 21-е число сего октября въ волостной судъ крестьянинъ Павелъ Птицынъ и по довѣрію крестьянина Степана Безсонова, братъ его, солдатъ Григорій Ивановъ, и жена Анна Егорова Безсоновы миролюбно между собою согласились въ томъ, что Безсоновы обязались возвратить Птицыну данную въ приданое съ покойною сестрою его лошадь, а Птицынъ, со своей стороны, обязался уплатить Безсонову за возвращеніе лошади деньгами 12 рублей въ два срока, а именно: на 8-е число ноября сего года 6 рублей и на 1-е число февраля будущаго 1869 года остальные 6 рублей.

Волостной судъ опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Степана Безсонова помянутую лошадь мерина, которую предоставить въ пользованіе крестьянина Павла Птицына, затѣмъ взыскать съ Птицына сказанныя деньги двѣнадцать рублей серебромъ въ вышеназначенные сроки, коими и удовлетворить Безсонова.

20.

1868 года октября 30-го дня. Жалоба крестьянина Малошуйскаго селенія Онежскаго уѣзда Артемья Андронова объ отобраніи вещей отъ крестьянина Степана Липатова, бывшихъ у него на сохраненіи по случаю смерти дочери Андронова, бывшей за мужемъ за крестьянина Гаврилой Филимоновымъ, и оставшагося послѣ ея сына, —которыя должны нынѣ поступить въ наслѣдство ему Андронову.

Вещи, находящіяся на сохраненіи у Липатова, оставшіяся послѣ смерти дочери Андронова и сына ея Папилы, умершаго одного мѣсяца отъ роду, оказались по приложенной описи на лицо; но изъ нихъ гарусникъ, кумашникъ и красной платокъ употреблены на погребеніе младенца Папилы и на няньки женская рубашка. А потому Вачевскій волостной судъ, Онежскаго уѣзда, 4-го ноября постановилъ: оставшіяся вещи по описи отдать подъ присмотръ сельскаго старосты Малошуйскаго общества до уплаты Андроновымъ государственныхъ податей на вторую половину 1867 года и сей 1868 годъ, а равно и за выданныя сѣмена на посѣвъ; когда Андроновъ взнесетъ эти недоимки, тогда староста Баевъ долженъ выдать Андронову эти вещи.

Какъ въ другихъ отдѣлахъ нашего труда, для ознакомленія съ юридическими понятіями прежняго времени и съ характеромъ рѣшеній духовнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, приводятся дѣла, разбиравшіяся въ здѣшнемъ духовномъ судѣ въ прошломъ столѣтіи, такъ и теперь приведемъ одно разбирательство, предметомъ котораго служитъ приданое, оставшееся послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей. Оно носитъ названіе: „Дѣло 1711 года съ просьбы вдовы Пелагіи Матвеевой о взысканіи приданаго съ бывшаго зятя Холмогорца Ѳедора Янкина по смерти дочери ея“ [1]). Просьба эта слѣдующая:

„Государю преосвященному Рафаилу, архіепископу Холмогорскому и Важескому, бьетъ челомъ и плачется вдова Пелагія Матвѣева дочь. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 710 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ

---

1) Изъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ.

19-го числа, дочь моя Параскева, а бывшая жена Глинскаго посаду Өедора Янкина, волею Божіею въ рожденіи младенца преставися, а при смерти во исповѣди была того жъ посада у священника Максима, а до смерти своей она Параскева дочь моя за недѣлю дала мнѣ въ сохраненіе приданаго моего имѣнія кокошникъ объяринной насыпной съ золотомъ, обнизанъ жемчюгомъ, и приказывала мнѣ, аще Богъ благоизволитъ въ той моей тяжести въ рожденіи смерть, и изъ того кокошника по цѣнѣ поправить по душѣ моей помяновеніе по церквамъ, и при той, она, Параскева, въ рожденіи младенца, при исповѣди, при отцѣ духовномъ и при мужѣ своемъ Өедорѣ приказывала все свое приданое поправить по душѣ своей въ помяновеніе и послѣ отца своего духовнаго, при мужѣ своемъ, она Параскева еще о томъ, съ подтвержденіемъ мнѣ, матери своей, приказывала о приданомъ имѣніи въ помяновеніе поправить, и тогда жъ именно при мужѣ своемъ приказывала отдать съ шубки своей тафту рудожелтую новую на Нижной посадъ къ церкви Рождественской, на строеніе дьяконскаго стихаря, и для поминовенія прежде бывшихъ у тоя церкви сродниковъ своихъ; а жила она Параскева съ нимъ Өедоромъ мужемъ своимъ только четыре года и осталось отъ роду отъ нея съ нимъ Өедоромъ сынъ одинъ Иванъ двухъ лѣтъ, а что̀ съ нею я, Параскевою, въ приданое отъ своего труда притяженное во вдовствѣ моемъ дала, и что̀ по смерть ея Параскевы, заложа тожъ ея кокошникъ, гдѣ издержано по нея въ помяновеніе, подъ сею челобитнею написана роспись, и онъ Өедоръ прежде бывшій зять мой мене, старую вдову, (за то, что) для управленія по душѣ дочери моей Параскевы изъ того даннаго мнѣ кокошника учинила помяновеніе, съ великою онъ злобою и ругательствомъ мене бранитъ и поноситъ и о томъ мене безпомошную челобитьемъ разорить похваляется. Милостивый государь преосвященный Рафаилъ, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, призри на мое безпомошное вдовство, которое я въ своемъ вдовствѣ отъ рукодѣлія моего притяжала и съ дочерью моею Параскевою въ приданое, какъ за него Өедора идя замужъ дала, пожалуй, государь, благоизволи то мое приданое имѣніе, которое у него Өедора есть, ему ко мнѣ отдать и изъ того поправить за душу дочери моей въ помяновеніе. Государь смилуйся!

„Роспись приданому животу:

„Наборошникъ, въ немъ три золотника жемчюгу.

„Зарукавникъ, въ немъ два золотника жемчюгу.

„Да простаго жемчюгу золотникъ, изъ того построила она Параскева затыльникъ.

„Шубка, мѣхъ заечинной черевей, поволоченъ кумакомъ.

„Шубка каразейная красная съ пуговицы серебряными.

„Кумакъ на шубку.

„Сукникъ яренги новой.

„Тряухъ обложенъ бобромъ, камки алой, круживо золотное.

„Таѳты рудожелтой полпята аршина, и та таѳта шита на шубку.

„Трои рукава полотняныхъ и прочего бѣлья, платковъ и рубахъ коробка.

„А живучи она Параскева при мужѣ своемъ изъ приданаго моего имѣнія и отъ своихъ трудовъ построила кокошникъ жемчюжной, а тотъ жемчюгъ изъ вышепомянутаго моего даннаго наборошника и зарукавья пять золотниковъ, да сверхъ того въ прибавку положила жемчюгу изъ приданого жъ моего имѣнія въ продажѣ бѣлья: платы и рубашки, и къ тому строенію золота ей я давала жъ, а тотъ кокошникъ объяри насыпной золотной, а ту объярь я взяла въ долгъ у горожанина Ивана Андреева Звягина, въ цѣну двадцать-шесть алтынъ четыре деньги, и деньги ему и донынѣ не даны. Да она жъ Параскева построила при мужѣ своемъ наборошникъ жемчюжной отъ своихъ трудовъ, а въ тотъ наборошникъ взято жемчюгу у монахини Анны два золотника, за одинъ золотникъ дано цѣны два рубли, а за другой золотникъ полтора рубли—ей монахини и до нынѣ деньги не даны; да на шубку тафтяную взято кружива шелковаго двѣ полосы, цѣною въ пять алтынъ, а деньги еще и до нынѣ не даны. И то все приданое имѣніе и строеніе ей Параскевы, кромѣ кокошника жемчюжнаго, за нимъ Ѳедоромъ Янкинымъ, а кокошникъ жемчюжный, который сама она Параскева до смерти своей мнѣ въ соблюденіи дала, и я тотъ кокошникъ по смерть ея заложила за пять рублевъ и по приказу за душу ея помяновеніе отправляла, большаго собора священнослужителемъ въ сеноникъ во вседневной дано рубль, да на сорокъ дней за просфоромисаніемъ поминать имъ же соборнымъ

дано четыре гривны, Успенскому священнику дана гривна, да въ сорокоустіе Глинскаго посада священникомъ дано рубль, а другой рубль имъ же священникомъ додать, на Нижній посадъ Рождественскому священнику дано въ помяновеніе полтина, да при погребеніи ея дано нищимъ рубль, да богадѣленнымъ нищимъ дано шесть алтынъ за чтеніе псалтири дано осмь алтынъ, Покровскому священнику дано гривна“.

Спрошенный, вслѣдствіе настоящаго челобитья, отвѣтчикъ Янкинъ объявилъ, что „въ прошломъ 710 году жена его, при рожденіи младенца мучась, отцу своему духовному, Глинскаго посаду священнику Максиму, грѣховъ своихъ исповѣдывалась, и лежавъ въ бани, скорбя, при немъ Ѳедорѣ, и въ то де время челобитчица теща его Пелагія, пришедъ въ баню, при немъ же Ѳедорѣ да при бабкѣ повивальней, Никольскаго дворника Василья Кирилова при матери, отвязавъ отъ нея, скорбной жены его, поясъ съ ключами и съ ворота отъ креста мошеночку съ деньгами (а денегъ его было девять алтынъ, да колтушки изъ ушей серебряны), и тѣми ключами съ дочерьми своими замужними Ѳедорою да съ Анною въ клѣть собою и ходили, и что̀ приданого живота къ нему пришло, также которое и его пристрою пожитковъ на жену его положено было, все изъ клѣти вынесли тайно; а тогда де въ домѣ его стороннихъ людей никого не было, и при томъ случаѣ въ бани безъ тещи его жена его приказывала ему, что де есть ея приданаго живота и его Ѳедорова пристрою жемчюжное кокошникъ низанъ по объяри, и то все у ней покладено въ клѣти въ малой коробкѣ, а та де малая коробка поставлена въ большей коробьи, и чтобъ онъ Ѳедоръ изъ тѣхъ пожитковъ приданыхъ ея продалъ три шубки, въ томъ числѣ сукню яренкову подержану, каразейникъ, куманникъ подержаные жъ, и тѣмъ, когда ей смерть ключится, и по смерть по душѣ ея тѣмъ поправилъ; а про тотъ приказъ вѣдомо вышепомянутому отцу духовному священнику Максиму въ томъ онъ Ѳедоръ во всемъ на него священника и шлется; а достальное что̀ ея приданого и его Ѳедорова пристрою жемчюжнаго и иной какой мелочи и останется, приказала она жена его, отходя свѣта сего, во владѣніе ему мужу своему Ѳедору съ сыномъ ея малолѣтнимъ Иваномъ, потому что тотъ сынъ ихъ от-

цовскимъ и матернимъ статкамъ наслѣдникъ и живетъ у него отца своего, а не у ней челобитчицы, а такого де приказу при смерти ея жены его отъ ней при вышепомянутомъ отцѣ духовномъ и при немъ Өедорѣ, чтобъ по смерть ея все приданое поправить по душѣ ея и, съ шубки тафту рудожелтую новую снявъ, отдать на Нижній посадъ къ Рождественской церкви на дьяконской стихарь не было и не отказывала; то де она челобитчица въ челобитьѣ своемъ написала на нее дочь свою умершую не въ правду; въ томъ онъ Өедоръ на него жъ священника и шлется жъ. А онъ де Өедоръ челобитчицы тещи своей Пелагіи при смерти жены своей и по смерть ея у себя въ домѣ и нигдѣ никакъ не бранивалъ и ничѣмъ не ругалъ. А какъ де жена его Өедорова преставилась, и учали ее обмывать, и тогда его Өедора въ домѣ не было, былъ на базарѣ, и безъ него де Өедора теща его Пелагея съ дочерьми своими, пошедъ въ клѣть его по рубашку къ погребенію, и достальное все приданое свое и его пристрою кокошникъ отдала дочери своей Аннѣ, про то вѣдомо Глинскаго посаду Өедора Шульгина женѣ его Парасковьи, да Өедосьи Макаровы дочери, да Марьи Евдокимовы, да Өедоровы женѣ Сорокина Оксеньи. А по погребеніи жены его, отъѣдчи хлѣба, теща его, пошедъ собою въ клѣть и изъ той клѣти вынесши приданую коробью въ сѣни и отомкнувъ ключемъ, которой ключъ съ поясомъ отъ жены его скорбной она отвязала, мелочное приданое все выбравъ, и роздала дочерямъ безъ его Өедорова приказу, и собравъ съ пересова приданые дочери своей сукню, кумашникъ, теплой каразейникъ, два треуха, при немъ Өедорѣ и при сродцахъ его въ ту коробью и поклала, и ту коробью замкнувъ, и запечатала своею печатью, и ключъ къ себѣ взяла, и изъ дому съ мелочнымъ приданымъ съ дочерьми своими и уѣхала нагло и внука де своего, а его малолѣтняго сына, тѣмъ всѣмъ помишала и хочетъ помишать и овсе. А кокошникъ де низаной жемчюгомъ его Өедорова пристрою, а не жены его умершей, потому что онъ въ прошлыхъ годѣхъ, купя, привезши съ Подвинья ошивку жемчюжную и осыпавъ, а по вѣсу было жемчюгу два золотника не сполна; да къ тому жъ жемчюгу давалъ онъ Өедоръ женѣ своей на покупку жемчюга свои деньги, также на покупку объяри и на всякой при-

кладъ разными дачами, и купя она жена его жемчюгу и прикладъ на его деньги и построила, а жемчюгъ и прикладъ и обьярь у кого она жена его покупала, того онъ подлинно не знаетъ, потому что онъ Өедоръ тогда былъ въ морскихъ и въ иныхъ отъѣзжихъ промыслѣхъ, а на горожанина Ивана Звярина и на монахиню Анну Окулову по сему дѣлу слаться ему и не къ чему, потому что въ тотъ кокошникъ жены своей во всякій прикладъ и на жемчюгъ давалъ деньги онъ Өедоръ съ избыткомъ, что̀ выше объявлено; а приданое де наборошникъ и зарукавье послѣ вышепомянутаго кокошешнаго строенія жена его Өедорова, осыпавъ жемчюгъ и тотъ жемчюгъ, да брачнаго его дара два полотенца, да рубашку кроену, только не шиту, да золота четыре золо́тника, продала съ общаго совѣту, за что̀ онъ при брацѣ и о Пасхѣ противо тещу и иныхъ сродниковъ отдаривалъ, и на тѣ деньги жена его Парасковья, купя жемчюгу покрупнѣе, наборошникъ и подзатыльникъ и построила, мимо тещу его челобитчицу Пелагею; а въ томъ новопостроенномъ его наборошникѣ жемчюгу вѣсомъ три золотника, а въ подзатыльникѣ полтретья золотника, и тѣ де наборошникъ и подзатыльникъ и семь перстней серебряныхъ да крестъ и колтушки и кокошникъ у ней челобитчицы, а не у него Өедора“.

Роспись приданого имущества, приложенная отвѣтчикомъ, пополнена слѣдующими вещами:

Кокошникъ краснаго атласу съ золотными галунами.

Двои колтушки серебряные, однѣ съ плашками, а другіе скатками серебряными.

Затыльникъ на красномъ атласѣ, шитъ золотомъ.

Крестъ серебряной на шелковомъ гойтанѣ, золоченой съ пронизками серебряными.

Два платка лощенаго полотна съ кружевы золотными.

Два ящика съ полотняными платками.

Семь персней серебряныхъ золоченыхъ женскихъ со ставками.

Изъ числа спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, повивальная бабка подтвердила только то обстоятельство, что челобитчица во время нахожденія ея дочери въ бани отвязала отъ креста тольку мошеночку съ деньгами по приказу своей дочери, которая велѣла

находящіеся тамъ деньги отдать по смерти ея нищимъ въ богадѣльню. Глинскаго посаду священникъ Максимъ показалъ, что покойная жена Янкина во время исповѣди ея приказывала въ случаѣ ея смерти продать только три ея приданыя шубки. Относительно же спора о приданомъ, бывшаго между челобитчицей и отвѣтчикомъ по погребеніи Парасковьи Янкиной, свидѣтель показалъ согласно священнику Рождественской церкви Якову. А этотъ послѣдній заявилъ, что послѣ обѣда Өедоръ Янкинъ, „вызвавъ ихъ священниковъ въ сѣни и съ прочими сродниками, вынесъ изъ клѣти коробью съ женскими шубками и иною мелочью, которую разбирали и разсматривали съ тещой, и при этомъ осмотрѣ между ними учинился споръ, и Янкинъ заявилъ, что теща обнесла его Өедора портнами и рубашками; на что теща отвѣчала, что она хотя брала рубашки для мытья, во время беременности дочери, но возвратила ихъ обратно, а портенъ не брала; теща же его, взявъ изъ коробьи красный кокошникъ съ галуномъ, бросила дочери своей Өедорѣ и говорила, что тотъ кокошникъ ея. Мать умершей говорила свидѣтелю, что покойная ея дочь велѣла тафтяной спорокъ съ шубки отдать по душѣ своей въ поминовеніе въ Рождественскую церковь для перешивки на дьяконскій стихарь; но онъ священникъ такого не получалъ, а получилъ только отъ тещи въ поминовеніе по дочери деньгами полтину. Зять челобитчицы, по погребеніи его жены, сулилъ дать въ поминовеніе по душѣ его жены ему священнику съ дьякономъ рубль денегъ, но ничего не далъ и сказывалъ имъ, что при смерти его жена велѣла ему отдать съ каразейной шубки серебряныя пуговицы имъ священникамъ Максиму и Якову пополамъ на раздѣлъ, и послѣ того отговорилъ, что онъ тѣ пуговицы всѣ отдаетъ одному священнику Максиму, а ему въ то число, за пуговицы, дастъ деньгами; однако ничего ему и причетникамъ не далъ".

Свидѣтельница вдова Афимья Ростовцева дала такое показаніе: „Какъ де челобитчицыну дочь погребши и отобѣдали, и по обѣдѣ у Өедора съ челобитчицей учинился крикъ, и въ томъ крику Өедоръ являлъ всѣмъ людямъ, что теща его Пелагія его Өедора разорила и обнесла приданое дочери своей и его пристрою всякіе пожитки портна и рубашки, и къ тому де теща его Өедорова гово-

рила, что де портенъ и полотна она изъ дому его никогда ни для чего не вынашивала, а рубашки до смерти дочь ея отдала мыть, а кому именно, того она не говорила, и гдѣ де тѣ рубашки, про то она не знаетъ, а при осмотрѣ только въ коробьи явилось двѣ рубашки да двои рукава женскіе и два треушка и иная женская мелочь, и разбирая де она Пелагія, взявъ себѣ отъ мелочей въ руки, показавъ зятю своему, говорила: „это де не его ль зятне", и то чинила не однова, и зять де ея, иное изъ рукъ выхватя, въ коробью жъ и бросалъ, а иное и себѣ теща его за пазуху клала, а что она объявляла и зять у ней изъ рукъ выхватилъ и за пазуху она клала, про то подлинно сказать—не знаетъ, потому что она человѣкъ старой и стояла отъ нихъ одаль, а дѣтскую рубашку взявши, она Пелагія изъ коробьи и отдала дочери своей Өедоры и ту коробью она челобитчица заперла и запечатала своею печатью, а ключъ взяла къ себѣ и ту коробью снесла и положила въ клѣть.

По выслушаніи свидѣтелей по этому дѣлу, была составлена выписка постановленій изъ Кормчей книги и гражданскихъ узаконеній о наслѣдованіи имѣнія послѣ умершаго супруга, оставившаго дѣтей: Кормчая, въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, глава 45, листъ 364 на оборотѣ [1]); Закона градскаго, грань 1, гл. 49, листъ 459 на оборотѣ [2]); Леона царя и Константина гл. 8, листъ 498 на оборотѣ [3]),

[1]) „Рече Господь къ Моисеови, къ сыновомъ Израилевымъ, да речеши глаголя: человѣкъ, аще умретъ, и сына не будетъ у него, да возметъ наслѣдіе его дщи его. Аще же не будетъ у него дщери, да дастъ я наслѣдіе брату его. Аще же не будетъ у него брата, да дасте часть брату отца его; аще ли не будетъ брата отца его, да дасте наслѣдіе ужицы его, или ближнему его отъ племене его причастити я".

[2]) „Егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единаго же отъ восходящихъ и нисходящихъ или отъ сущихъ отъ страны, или законнаго, или роднаго не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе; и жена мужа своего да пріемлетъ".

[3]) „Аще ли ключится женѣ безъ дѣтей преже мужа умрети, четвертую часть то: чію отъ всего, якоже речено есть; исповѣданаго отъ нея пристроя въ своемъ пріобрѣтеніи удержати ему, и прочее полчетвертыя части таковаго пристроя къ наслѣдникомъ вдати конечнаго ея обѣщанія, или къ несовѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникомъ отдати".

листъ 505, статья 5 [1]); указъ великого государя—Соборное Уложеніе глава 17, статья 15 [2]).

На основаніи этихъ постановленій, архіепископъ Рафаилъ написалъ резолюцію: „челобитчицѣ отказать отъ дѣла, а пожитки всѣ матерніи отдать наслѣднику съ роспискою“.

Послѣ сего была потребована въ духовный приказъ отъ Янкина коробья съ приданымъ и заведеннымъ имъ имуществомъ покойной его жены; осмотрѣно содержавшееся въ коробьѣ имущество, и составлена ему опись, а отъ матери умершей истребованъ кокошникъ по обьяри золотной, низанный жемчугомъ. Коробья съ имуществомъ отдана зятю челобитчицы, а кокошникъ самой челобитчицѣ, въ наслѣдіе сыну перваго, а внуку второй и „малолѣтнему Ивану до возраста его въ сохраненіе“.

Было уже упомянуто, что въ нашемъ краѣ издавна, со временъ Новгородскаго владычества [3]) до 1831 года, вслѣдствіе участковаго владѣнія землями, существовалъ обычай давать въ приданое земли. Объ этомъ обычаѣ мы собрали подробныя свѣдѣнія, какъ изъ преданій народныхъ, такъ и изъ письменныхъ источниковъ, и излагаемъ здѣсь эти данныя цѣликомъ. Считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ это сдѣлать, что старый обычай готовъ воз-

---

[1]) „Завѣту же речено бысть отнюдъ бывающу—аще родителя своя имѣютъ присная чада, и едино отъ нихъ оставятъ безъ памяти, да разсудятъ послуси тая; и аще многажды обрящутся укоривше родителя, или ино что на устраненіе ею показавше, да пребываетъ недвижно родителю уставленіе. Аще ли по сотвореніи завѣта родится има чадо, рождьшуся ему единому, прощеніе убо и благословеніе, съ таковымъ завѣтомъ да держатъ силу, рождьшее же ся да внидетъ съ прочею братіею и да наслѣдуетъ“.

[2]) „А будетъ послѣ которого умершого останутся дѣти, а братія ихъ или сестры учнутъ обидить ихъ, и отцова или матерня имѣнія учнутъ ихъ отлучать, и тѣмъ умершаго дѣтемъ имѣнія отца ихъ или матери раздѣлити по жеребьямъ, всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ.

„Да въ прошломъ во 137 году, блаженныя памяти великій государь святѣйшій Филаретъ Никитичь, патріархъ Московскій и всея Руси, указалъ вотчины родовые и за службы даные отдавати вотчичамъ дѣтемъ сыну, а будетъ умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ“.

[3]) Акты юрид., стр. 39, 40, 144.

родиться вновь между крестьянами, съ выкупомъ ими земель, какъ можно убѣдиться изъ примѣра, указаннаго выше (см. рядную № 13).

„Теперь такихъ *приданницъ* нѣтъ, какія были прежде, до перваго дѣлу“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ изъ Мезенскаго уѣзда,—„прежде которыя *осталицы* имѣли свою деревню и домъ, тѣ принимали себѣ мужей или сами шли съ деревней и назывались *деревенщицами;* теперь деревенщицъ нѣтъ“. Другой крестьянинъ, Холмогорскаго уѣзда, передавалъ такой случай: „Богоявленскаго Ухтострова съ погосту крестьянинъ Антоновъ давалъ дочь за крестьянина Палехова, Гольцевской деревни; при сватовствѣ, между другими вещами, просили у него въ приданое *чебакъ* (женская мѣховая шапка), а у него чебака не было; такъ онъ отдалъ поле: На-те вамъ поле, вмѣсто чебака, сказалъ онъ. И нынче то поле по этому случаю называется чебакомъ“. Крестьянинъ Нечаевъ, изъ Быстрокурьи, сообщилъ слѣдующее: „Не однѣ осталицы получали въ приданое земли. Бывало и такъ, что дочери, по раздѣлу отца, доставалась земля на ряду съ сыномъ; иногда родители давали дочерямъ даже лучшія земли, нежели сыновьямъ. Если братья сами дѣлились по смерти отца, то они сестрамъ не давали земли, а обязывались сестру скрутить и выдать замужъ. А тѣ сестры, которыя получали земляные участки отъ родителей, иногда продавали свои земли братьямъ или сосѣдямъ, часто предпочитая послѣднихъ, если боялись, чтобы братья не обманули ихъ. Иногда дѣвушки вовсе не продавали земли, а *уносили* ее не только въ сосѣднія деревни, но и въ другія волости и даже въ сосѣдній уѣздъ“. То же замѣчаетъ и священникъ Дьячковъ о жителяхъ селенія Лямицы, Онежскаго уѣзда, говоря: „Прежде выходящая въ замужество даже и изъ сосѣдней деревни невѣста переводила съ собой землю (сѣнокосную) на правахъ приданаго; но нынѣ этого нѣтъ“. Даже въ 40-хъ годахъ одному бывшему окружному начальнику приходилось, по его словамъ, разбирать въ Архангельскомъ уѣздѣ дѣла между крестьянами о земляхъ, перешедшихъ, въ видѣ приданаго, изъ одного селенія въ другое. Крестьяне, разумѣется, старались, въ особенности въ послѣднее время, о томъ, чтобы земли не выходили изъ предѣловъ своихъ селеній, и говорили, ворча

*

на женщинъ, которыя уходили съ землей въ другія селенія: „Она уйдетъ и землю унесетъ, лучше бы ее у себя оставить; развѣ жениховъ у насъ нѣтъ“. Оттого и пословица пошла: *„земля съ собой не носится“*. „А что земля уносилась, на это вотъ и примѣры вамъ“, говорилъ крестьянинъ Нечаевъ;—„въ дальнемъ колѣнѣ былъ у насъ родственникъ Артемій Черняевъ, который имѣлъ сына и дочь; когда онъ началъ давать дочь замужъ, то раздѣлилъ землю поровну между нею и сыномъ, при чемъ далъ въ надѣлокъ ей лучшую часть, безъ асоту. Дочь Артемія Черняева вышла замужъ за крестьянина Сорванова и унесла землю въ родъ Сорвановыхъ. Сынъ же Артемія, Θедоръ женился на моей бабкѣ, которая вскорѣ осталась вдовою. Тогда Артемій Черняевъ усыновилъ себѣ моего дѣдка Нечаева и женилъ на своей невѣсткѣ, вдовѣ, съ которой перешли къ намъ и земли Черняевскія. Такимъ способомъ, мы остались на корню, а тетка Сорванова ушла и землю унесла; этою землею и теперь владѣютъ ея дѣти, по надѣлу. А то еще былъ случай въ селѣ Быстрокурьѣ. У крестьянина Антонова была дочь осталица; она получила въ приданое поля и сѣнокосную землю. Когда она выходила замужъ въ деревню Паленьгу, Пинежскаго уѣзда, за крестьянина Костина, то передъ свадьбою заложила моему дѣдку деревню въ 50 руб., а послѣ уже, по выходѣ въ замужество, продала ее дѣдку въ вѣчное владѣніе, получивъ еще 50 руб. И теперь эта земля находится у насъ по раздѣлу и называется Афимьинской, по имени продавицы Афимьи. Земля, унесенная въ другое селеніе, записывалась въ веревную книгу, и такимъ способомъ перечислялась туда, ибо *веревнá* (то-есть, веревная книга) имѣла силу. У насъ въ Быстрокурьѣ у Комаровыхъ была пожня; когда дочь ушла замужъ въ село Чухчерьму, то записала ту пожню, доставшуюся ей въ приданое, въ веревную книгу, и пожня стала Чухчеремска навсегда; оттого и черезполосность пожней между селеніями. „Прежде“ заключилъ свой разсказъ крестьянинъ Нечаевъ, „давались на землю передаточныя записи отъ женъ мужьямъ, а не то женихи даже прежде брака заключали условія съ осталицами или съ родителями о приданой землѣ и требовали, чтобы родственники подписались; другимъ невѣстамъ съ деревней женихи даже давали деньги на свадьбу“.

Надобно полагать, что и въ прежнее время, какъ теперь, существовала значительная разница въ правахъ относительно приданого мужей, бравшихъ женъ къ себѣ въ домъ, или шедшихъ въ домъ жены; права первыхъ всегда ограниченнѣе, нежели послѣднихъ. Но и въ первомъ случаѣ особые договоры расширяли эти права, тогда какъ во второмъ суживали ихъ. То же самое относится и къ земельному приданому. Мы имѣемъ немало свидѣтельствъ о томъ, что жена, шедшая въ домъ мужа, свободнѣе распоряжалась своею землей, нежели жена принимавшая животника. Иногда жены сами продавали земли, только по согласію съ мужемъ. Такъ, въ сговорной записи 10-го іюля 1758 года, о продажѣ приданой земли крестьянскою женой, Волокопинежскихъ волостей, Нижнопаленской деревни, Евфиміей Костиной крестьянину Быстрокурской волости Митрофану Нечаеву написано, что „Ермила Тимофѣева сына Костина жена его Евфимія Степанова дочь *по совѣту съ мужемъ своимъ* Ермиломъ дали сіе сговорное письмо Быстрокурской волости крестьянину Митрофану Григорьеву сыну Нечаеву въ томъ, что продали *я Евфимія и съ мужемъ своимъ Ермиломъ* ему Нечаеву владѣнія своего, я Евфимія отца своего статковъ, бывшаго Стеѳана Ѳоминыхъ, а я Ермилъ остатковъ тестя своего, въ ихъ же Быстрокурской волости поле орамой тяглой земли званіемъ Ручьевое..... а продали *мы Евфимія съ мужемъ своимъ* Ермиломъ то вышеписанное владѣніе ему Нечаеву въ вѣкъ и вдернь безъ выкупа, а цѣны рядили мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ за то свое вышеписанное владѣніе семдесятъ рублевъ денегъ, а деньги приняли при семъ сговорномъ письмѣ всѣ вручъ безъ остатка". Изъ дѣла Холмогорской Нижней Расправы 1781 года объ отдачѣ крестьянской женкѣ Кузнецовой, Ухтостровской волости, на выкупъ земли, проданной ея сестрою крестьянамъ Кузнецовымъ, видно, что крестьянская жена Старопопова сама продала доставшійся ей въ приданое земляной участокъ. Вотъ содержаніе этого дѣла. Въ 1758 году крестьянинъ Кузнецовъ завѣщалъ свои земли двумъ роднымъ дочерямъ и женѣ; одна изъ нихъ была выдана замужъ за крестьянина Поташева съ принятіемъ его въ домъ, другая за крестьянина Старопопова Волокопинежской волости, Пильегорской деревни, Пинежскаго уѣзда. По словамъ Поташевой, Старопопова въ 1772 году,

при верьленіи земель, отдала ей въ вѣчное владѣніе пожню осоты въ клочкахъ на пять волоковыхъ кучъ, а потомъ ту же пожню продала за пять рублей троюродному брату Кузнецову, съ приписью пятнадцати рублей, почему просила расправу предоставить ей право выкупить ту пожню за 5 руб. Старопопова же показала, что сестра ея Поташева завервила пожню, данную ей отцомъ въ поминовеніе души, подъ свое тягло, подъ имя своего свекра, назвавъ ложно собственною своею, почему ежегодно и уродившееся сѣно они снимали и тѣмъ тягломъ прикрывались отъ бобыльскаго окладу; поэтому она неоднократно предлагала Поташевой купить присвоиваемую ею пожню, но та, пообѣщавъ, послѣ долгой проволочки времени, отказалась; тогда она въ 1780 году отступила пожню троюроднымъ братьямъ Кузнецовымъ, съ условіемъ, чтобъ они ежегодно давали ей на пропитаніе по пяти рублей. Холмогорская нижняя расправа, находя, что Старопопова владѣла пожнею по духовному завѣщанію отца до 1762 года, слѣдовательно, до публикаціи манифеста 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель, призналъ право Старопоповой на землю, съ такимъ заключеніемъ: „Хотя она Старопопова по жительству своему принадлежитъ другому селенію, но полюбовною отдачей поступилась свою пожню ближайшимъ по линіи родственникамъ, яко въ свой родъ; почему имъ Кузнецовымъ и владѣть пожнею, а Поташевой отказать“.

1810 г. февраля 15-го, крестьянская жена Моржегорской волости Варвара Выдрина, имѣя мужа, который „оставилъ ее во всемъ сиротствѣ“, то-есть, заставилъ нищенствовать, сама поступилась своимъ приданымъ земельнымъ участкомъ зятю своему и родной сестрѣ, съ полученіемъ отсыпи, съ тѣмъ чтобы мужу ея Ѳедору Выдрину и дочери не вступаться въ тотъ участокъ.

Бывали даже случаи, что женщины, принимавшія къ себѣ въ домъ мужей изъ другихъ деревень, завѣщали свои земли дѣтямъ своимъ, помимо мужей. Такъ, въ 1769 году октября 1-го, Моржегорской волости крестьянка Ксенія Выдрина написала въ своей духовной росписи, что „отказала отца своего и дѣда деревенскій участокъ дѣтямъ своимъ Ивану, Анисіи и Аннѣ.... а ежели Господь Богъ изволитъ и дѣти мои помрутъ, то деревенскій участокъ въ церковную казну къ церкви Богоотецъ Акима и Анны отдать, а

мужу моему Якову пожилыя деньги погодныя отдать изъ церковной казны".

Если жены животниковъ умирали вскорѣ послѣ брака, то зятья, принятые въ домъ родителями жены, часто не пользовались никакимъ приданымъ, не говоря уже о землѣ. Для обезпеченія себя въ этомъ случаѣ, они заключали съ членами прежней своей семьи, напримѣръ, съ братьями, сговорныя полюбовныя письма, въ которыхъ отказывались отъ своей доли въ имуществѣ отца, съ условіемъ получить только въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ и кое-какія вещи, при чемъ присовокупляли оговорку въ родѣ слѣдующей: „а ежели, паче чаянія, судьбой Божіей, у меня Якова нынѣ вскорѣ и до ревизіи жена моя помретъ, то принять тебѣ Ивану меня Якова въ домъ свой безпрепятственно" (1811 г. февраля 2-го); или: „а если, паче чаянія, до истеченія трехъ лѣтъ жена у Ивана помретъ, и онъ у тестя жить не захочетъ, то брату Ѳедору принять его на отцовское движимое и недвижимое имѣніе обратно, съ тѣмъ чтобы онъ и пожилые, слѣдующіе съ Харитонова (тестя) за каждый годъ по 100 руб. и весь надѣлокъ взнесъ брату Ѳедору" (1816 г. февраля 12-го).

Чаще же зятья-пріемыши обезпечивали свои права на приданую землю и другое имущество вполнѣ, такъ что, даже женившись вторично, они не утрачивали своихъ правъ на имущество, пришедшее съ первою женой; напримѣръ, въ полюбовномъ согласномъ письмѣ крестьянина Чулченемскаго села деревни Кениской Егора Ваганова, заключенномъ въ 1810 г. января 22-го съ крестьяниномъ Буяковской деревни, Василіемъ Баюновымъ и Афимьей Баюновой, первый, женившійся на дочери послѣдней и пришедшій къ нимъ въ домъ, выговорилъ себѣ права такъ: „а ежели у меня Егора законная жена моя Марья, не доживъ вѣку, умретъ, а дѣтей никого не останется, то вольно ему Ваганову въ наши пожитки понять другую жену, а намъ ни въ чемъ не препятствовать. Въ другомъ пріемномъ письмѣ 1826 года февраля 9-го, крестьянской вдовы Галушиной, принявшей зятя къ своей дочери на все движимое и недвижимое имущество, оговорено: „буде дочь моя помретъ, хотя и дѣтей не останется, но онъ, зять мой Кириловъ, на все то же самое имущество имѣетъ полное право (хотя бы пожелалъ) жениться на другой женѣ".

Въ 1747 году крестьянинъ Сійской волости, Хоробрицкой деревни, Ваймугинъ, принявшій въ 1741 году въ свой домъ къ дочери зятя Ивана Трескина, поступился ему „и дочери своей Агафьи и внуку Василью деревенскимъ своимъ участкомъ“, съ обязательствомъ поить и кормить его Ваймугина, при чемъ устранялъ племянника и другихъ родственниковъ отъ притязаній на тотъ участокъ. Съ женой своею, дочерью Ваймугина, Трескинъ жилъ 35 лѣтъ и имѣлъ нѣсколько сыновей, которые при его жизни померли. Оставаясь въ домѣ своей первой жены, Трескинъ, послѣ ея смерти, вступилъ во второй бракъ, отъ котораго также имѣлъ дѣтей. Пользуясь землей, доставшейся отъ первой жены, онъ въ то же время имѣлъ *прероднную* землю въ Емецкомъ селеніи, въ которомъ былъ записанъ въ ревизію. Выборные Хоробрицкой деревни писали въ 1793 году, что „Ивану Трескину владѣть тою землею въ ихъ деревнѣ не принадлежитъ, такъ какъ онъ владѣетъ ею безъ родства, ибо у него отъ первой жены дѣтей ни мужеска, ни женска пола нѣтъ, и онъ женился на другой, да у него, кромѣ той, чрезвычайно много земли, и по ревизской сказкѣ записанъ въ Емецкомъ селѣ, гдѣ имѣетъ землю, также хлѣбъ и сѣно продаетъ повсягодно по Емецку“. Не смотря на это представленіе, Холмогорская нижняя расправа не отобрала земли отъ Трескина, основываясь на томъ, что онъ жилъ въ Хоробрицкомъ селеніи и владѣлъ землею въ теченіе 46 лѣтъ, притомъ же и родственники первой его жены, Ваймугины не вступались въ эту землю.

Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ дѣла Холмогорской нижней расправы, производившагося въ 1793 году о присвоеніи крестьяниномъ Рудаковымъ земли, принадлежащей крестьянину Ваймугину. Вотъ еще четыре дѣла той же расправы и уѣзднаго суда, знакомящія насъ съ обычаями относительно земельнаго приданаго.

Въ 1785 году крестьянинъ Хаврогорской волости Данило Марковъ подалъ въ Холмогорскую нижнюю расправу прошеніе слѣдующаго содержанія: „Назадъ тому минуло лѣтъ 40 съ годомъ, какъ я, нижайшій, понялъ себѣ въ жену Хаврогорской волости, деревни Епифановской, умершаго крестьянина Өедора Бушкова дочь, Парасковью. При взятіи ея въ замужество были въ живыхъ теща моя Ульяна и дочь

ея малолѣтная Анна; и имѣлъ я, нижайшій, съ помянутою моею тещею договоръ, чтобъ мнѣ, нижайшему, по вступленіи въ означенное супружество, владѣть какъ въ хоромномъ строеніи, такъ и въ деревенскомъ участкѣ, котораго всего состоитъ 82 сажени и 4 чети, а другою половиною владѣть помянутой малолѣтней моей свойкѣ, а тещѣ съ моей стороны давать на пропитаніе ржи и жита, по половинѣ, 6 мѣръ, на корову сѣна и по два овина соломы въ годъ, притомъ довольствовать обувью и одеждою; когда же помянутая свойка моя вздумаетъ итти замужъ, то отъ меня, нижайшаго, деревенскаго участка другимъ постороннимъ, кромѣ меня, во владѣніе не отдавать. А какъ помянутая теща умерла, свойка моя Анна, будучи въ возрастѣ, того жь года вышла въ замужество той же Хаврогорской волости за крестьянина Михайла Григорьева, и половинный свой участокъ взяла во владѣніе къ себѣ и съ помянутымъ крестьяниномъ въ супружествѣ жила 14 лѣтъ, а въ прошломъ 783 году померла. Оная жь, свойка моя, до смерти своей, будучи въ болѣзни, вышеупоминаемой деревенскій участокъ чрезъ духовное писмо отказала племяннику своему, а моему сыну Василью. Но помянутый крестьянинъ Григорьевъ послѣ смерти своей жены, а моей свойки, деревенскимъ участкомъ владѣетъ сильно, меня, нижайшаго, написаннаго на тотъ участокъ тремя ревизскими душами, ко владѣнію не допущаетъ“. Вслѣдствіе этого Марковъ проситъ расправу отобрать участокъ отъ Григорьева и возвратить ему. Но прежде, нежели расправа разсмотрѣла это дѣло, тяжущіеся добровольно помирились между собою; „сыскавъ въ сердцахъ своихъ правду“. Въ мировой ихъ между прочимъ сказано: „Хотя я, Григорьевъ, деревенскимъ участкомъ послѣ жены 2 года владѣлъ, но какъ послѣ жены моей наслѣдниковъ никого не осталось, а у свояка моего Маркова имѣются дѣти, поэтому я и поступаюсь свояку участкомъ, съ тѣмъ чтобы онъ отдалъ по душѣ жены моей, а его своячины, въ Соловецкій монастырь въ поминовеніе 2 руб. 50 коп. [1]).

Иногда землями, данными въ приданое, завладѣвали свекры,

[1]) См. дѣло Холм. нижней расправы объ отобраніи отъ крестьянина Григорьева деревенскаго участка и отдачѣ онаго Маркову 1785 г., по описи № 30.

устранивъ отъ владѣнія невѣстку и своего сына. Крестьянинъ Кривецкой волости Иванъ Масловъ подалъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ прошеніе: „Назадъ тому времени минуло лѣтъ 20, какъ выдалъ я именованный свою дочь въ замужество той же волости и деревни своей Горничевской за крестьянина Степана Ѳедотова сына Маслова, Парасковью, съ которой и дано было въ награжденіе во владѣніе оному зятю сѣвчей земли разсѣвомъ ячменя на двѣ мѣры, сѣннаго покосу на 30 кучь, а по веревной книгѣ состоитъ 10 сажень, съ таковымъ условіемъ, чтобы ему Степану давать мнѣ на пропитаніе хлѣба ржи 4 четверика, ячменя 6 четвериковъ да на харчи и обувь по рублю на каждый годъ, но означенный мой сватъ Ѳедотъ помянутаго моего зятя, а своего сына, Степана отдалъ за деньги, крестьянину Семену Нифантову для отдачи въ рекруты за семейство его Нифантова, назадъ тому минуло лѣтъ десять, послѣ же его дѣтей никого не осталось, а осталась только жена его Парасковья, а моя дочь, которой онъ отъ хлѣба отказалъ 1794 года, а награжденною мною землею съ дочерью Парасковьею владѣетъ и мнѣ еще по письменному договору 1780 года іюля 20-го дня слѣдуемыхъ еще не заплатилъ за 15 лѣтъ 15-ти рублей; и нынѣ оная моя дочь скитается и пропитывается мірскимъ подаяніемъ, да и онъ же ей по письменному условію съ 1794 года по три четверика ржи и ячменя на годъ не отдаетъ“. Поэтому Масловъ просилъ судъ изъ владѣнія своего свата: „за отдачею въ рекруты сына своего Степана, а моего зятя, награжденную землю съ дочерью Парасковьею мнѣ во владѣніе по прежнему возвратить и съ его взыскать за шесть годовъ слѣдуемыхъ моей дочери Парасковьи по учиненному условію по три четверика ржи и ячменя или что слѣдуетъ, по нынѣшней цѣнѣ деньги, а равно и мнѣ по письменному договору за владѣніе тою землею еще и не доплаченныхъ 15 рублей“. Холмогорскій уѣздный судъ, вслѣдствіе этой просьбы, предписалъ земскому суду, если просьба истца справедлива, то землю немедленно отобрать отъ отвѣтчика и „отдать въ полное Ивана Маслова владѣніе, какъ оная есть и была ему собственно принадлежащею, а ему, Ѳедоту, какъ уже у него сына нѣтъ, а отданъ имъ въ рекруты и дѣтей никого не осталось, ни почему не при-

надлежитъ, также и на счетъ хлѣба и денегъ удовлетворить просителя“ [1]).

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда 1800 г. о неправильномъ отводѣ отъ крестьянина Курейской волости Спиридона Юрьева исправникомъ Ивановымъ земли съ насѣяннымъ хлѣбомъ двоюродной сестрѣ Аннѣ Пискуновой видно, что родственники жены иногда отбирали себѣ земли, оставленныя родителями жены зятю и наслѣдникамъ, даже при дѣтяхъ мужскаго пола. Крестьянская вдова Анна Пискунова, на требованіе суда, дала показаніе, что отецъ ея кречатной, помытчикъ Курейской волости Никифоръ Юрьевъ, жительство имѣлъ въ деревни Гавриловской въ собственномъ своемъ домѣ вообще съ братомъ своимъ Андреемъ не въ раздѣлѣ, и какъ у отца ея мужескаго поколѣнія дѣтей не было, опричь ея и другой сестры Аксеньи, то отецъ ея, при жизни еще своей, принялъ въ домъ въ мужа ей, Анны, той же волости деревни Ботовской, крестьянина Ивана Пискунова, который и переѣхалъ изъ Ботовской деревни съ матерью своей, а ей свекровкою, въ домъ тестя, въ которомъ и занималъ мѣсто хозяина въ распахиваніи земель, а отецъ ея былъ въ то время боленъ и отдалъ мужу ея принадлежащую ему отъ брата его часть земли какъ пашенной, такъ и сѣнокосной, 16 сажень, на которую и духовную далъ; по умертвіи же отца ея, выдала она сестру свою Аксенью въ Быстрокурскую волость, и по выдачѣ жили всѣ вообще, какъ она съ мужемъ и свекровью, такъ съ дядей своимъ Андреемъ и двоюроднымъ братомъ Спиридономъ, а землею владѣли все тоже вообще и проживали до случившагося въ ихъ деревни пожара, а въ которомъ году, показать не знаетъ, а только знаетъ, что до пожару въ мѣстномъ домѣ жили 19 лѣтъ, гдѣ тогда уже дяди ея Андрея въ живыхъ не было, и раздѣлились съ братомъ двоюроднымъ Спиридономъ Юрьевымъ по разной постройки домовъ, а данная мужу ея духовная въ случившійся тогда пожаръ сгорѣла, но послѣ пожара еще владѣли тою землею 17 лѣтъ, а въ 1792 году по небытію въ домѣ двухъ сыновей ея и невѣстки, которые находи-

[1]) Дѣло Холмогорскаго уѣздн. суда о возвращеніи крестьянину Ивану Маслову отъ Ѳедота Маслова насильно завладѣнной имъ земли 1800 г. № 240.

лись въ отлучкѣ въ С.-Петербургѣ, и когда мужа ея въ живыхъ уже не было, Спиридонъ Юрьевъ оною землею завладѣлъ, а по какому повелѣнію или отводу—она не знаетъ; съ мужемъ своимъ она жила 30 лѣтъ, а безъ мужа живетъ 15 лѣтъ, а хоша у мужа ея и была въ деревни Ботовской земля, посѣву на полторы мѣры, а какъ онъ изъ той деревни вышелъ въ домъ отца ея, то по отдаленности и малоимѣніи земли той и продалъ ее крестьянину Ивану Ильину. Двѣнадцать человѣкъ крестьянъ подтвердили, что дѣйствительно Никифоръ Юрьевъ съ женою своею, по неимѣнію у нихъ мужскаго пола дѣтей, взялъ въ домъ свой къ дочери Аннѣ въ мужья, крестьянина Ивана Пискунова на такомъ положеніи, чтобъ ему Пискунову всѣмъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, при нихъ и по ихъ смерти, владѣть и управлять, а по смерти его наслѣднику его и всему потомству вѣчно. Крестьянинъ же Спиридонъ Юрьевъ, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ, писалъ, что „въ 1792 году мірское наше общество отвело родственную мнѣ во владѣніе пашенную и сѣнокосную землю, состоящую въ деревнѣ Гавриловской, владѣемую прежде сего сестрою двоюродною Анной Никифоровой дочерью, которая выдана была деревни Ботовской, состоящей отъ нашей въ шести верстахъ, за крестьянина Ивана Пискунова, и по смерти его осталось два сына, и оную землю запустили, каковую, по отдачѣ мнѣ обществомъ, возстановилъ своими трудами и владѣлъ до сего году, оплачивая съ ней какъ государственныя подати, такъ и прочіе мірскіе расходы бездоимочно; а сего года въ маѣ мѣсяцѣ за отлучкою моею для промыслу рыбы въ море, не знаю съ какого повелѣнія земскій исправникъ Ивановъ отвелъ оную землю паки означенной сестрѣ двоюродной Аннѣ Никифоровой, перешедшей въ нашу деревню на подворье“; поэтому Юрьевъ просилъ судъ признать землю за нимъ, какъ родовую. Какъ бы рѣшилъ уѣздный судъ это дѣло, положительно не извѣстно, такъ какъ и оно, и другія дѣла между крестьянами о земляхъ, на которыя не было особливыхъ дачъ и законныхъ крѣпостей, были, вслѣдствіе предложенія губернскаго прокурора, производствомъ вовсе прекращены. Но можно полагать, основываясь на другихъ рѣшеніяхъ уѣзднаго суда, что судъ оставилъ

бы эту землю за Пискуновою, такъ какъ она владѣла ею 36 лѣтъ, въ томъ числѣ 10 лѣтъ до изданія манифеста 20-го октября 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель и межевой инструкціи 1766 года. Обыкновенно судъ въ своихъ рѣшеніяхъ о спорныхъ земляхъ придерживался буквально 4-го пункта манифеста 1765 года, въ которомъ сказано: „Никому какъ владѣльцамъ и городамъ, такъ и однодворческимъ и прочимъ всякаго безъ изъятія казеннаго вѣдомства селамъ, слободамъ и деревнямъ отнюдь не распространять отнынѣ владѣнія земель своихъ за тѣ границы, въ которыхъ публикація сего манифеста каждаго застанетъ, кромѣ особливыхъ на то указовъ, покупокъ и другихъ указныхъ дачъ или полюбовныхъ раздѣловъ, но паче всякому оставаться въ прежнихъ предѣлахъ, ожидать спокойно государственнаго размежеванія“.

Въ вышеупомянутой межевой инструкціи 1766 года есть между прочимъ двѣ статьи, относящіяся до поземельнаго приданаго у черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Тамъ положительно сказано, что земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наслѣдниками и женами на части не дѣлить и за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя примежеваны будутъ (пунк. 8), и если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ они принадлежали, оставлять въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній (пунк. 9) [1]. Этотъ законъ на практикѣ часто обходился даже судебными мѣстами, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше дѣлъ, въ особенности изъ дѣла 1793 г. между крестьянами Ваймугинымъ и Рудаковымъ, и обычай уносить земли существовалъ до

---

[1]) Исторія Росс. гражд. законовъ, *Неволина*. Спб. 1858 г., ч. II, кн. 2, стр. 311.

1831 года, не смотря на то, что онъ иногда встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны мірскихъ обществъ. Другой обычай, воспрещенный приведенною статьей межевой инструкціи, отдавать въ приданое крестьянскія тяглыя земли за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія, также существовалъ на практикѣ долго послѣ обнародованія инструкціи; но противъ него были принимаемы болѣе строгія и рѣшительныя мѣры, какъ мы увидимъ изъ нижеслѣдующихъ судныхъ дѣлъ.

Въ дѣлѣ о владѣніи Архангельскими и Холмогорскими купцами и мѣщанами деревенскими участками, производившемся въ Холмогорской нижней расправѣ въ 1791 году, упоминаются четыре лица не крестьянскаго сословія, владѣвшія тяглыми землями, полученными ими или ихъ предками, въ видѣ приданаго, отъ крестьянъ. Объ этихъ земляхъ тамъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Архангелогородскій мѣщанинъ Худяковъ, по собственному показанію, получилъ по духовной, составленной въ 1753 году, отъ роднаго дѣда по матери, Холмогорской округи, Борисоглѣбской Матигорской волости, крестьянина Ѳедота Тархова, земляной участокъ въ той же волости и владѣлъ имъ слишкомъ тридцать лѣтъ, но 1786 году той же волости крестьянинъ Михайло Тарховъ, который его дѣду Ѳедоту будетъ племянникъ двоюродный, завладѣлъ его природнымъ участкомъ, чрезъ что̀ нанесъ ему нестерпимую обиду." По словамъ же Михайла Тархова, онъ отобралъ упомянутый участокъ отъ Худякова, какъ ближайшій наслѣдникъ, и потому еще, что Худяковъ, состоя мѣщаниномъ, не долженъ пользоваться крестьянскими землями, тѣмъ болѣе, что жена его, Худякова, выдана была Ѳедотомъ Тарховымъ въ замужество съ хорошимъ надѣлкомъ.

При производствѣ дознанія по настоящему же дѣлу о земляхъ, владѣемыхъ купцами и мѣщанами, у Архангельскихъ мѣщанъ Михайла и Ивана Ѳедоровыхъ Пругавиныхъ оказалась во владѣніи земля въ Борисоглѣбской Матигорской волости, на которую они не могли представить документовъ; но изъ находящагося при дѣлѣ духовнаго завѣщанія Холмогорца, посадскаго человѣка Ивана Пругавина, составленнаго въ 1719 году видно, что она досталась ему въ видѣ приданаго за женой его, крестьянкой Матигорскаго селенія, и при смерти Пругавина была завѣщана ей же. „А что есть

Божія милосердія святыхъ иконъ", сказано въ завѣщаніи, „приданыхъ за женою моею, образъ Всемилостиваго Спаса въ деисусѣ подъ окладомъ серебрянымъ гладкимъ, да два образа: одинъ Пресвятой Богородицы, другой Іоанна Предтечи нараскахъ, образъ Воскресенія Христова подъ окладомъ серебрянымъ, образъ Богоявленія Господня, образъ Пресвятой Богородицы Владимірскія, образъ живоначальныя Троицы, въ моленіи Антоній Сійскій чудотворецъ, образъ Николая чудотворца, образъ Алексѣя человѣка Божія, всѣ подъ окладомъ серебрянымъ, да посуды приданой же шесть блюдъ оловянныхъ, да котелъ долгой мѣдной, три мѣденика, дюжина стакановъ оловянныхъ, также и у жены моей что есть жемчюжной серебряной кузни и платья приданого жь и моего Иванова платья: шубка отласная теплая на бѣлье мѣху съ круживомъ серебрянымъ, двѣ шубки камчатыхъ теплые жъ на песцахъ, шубка холодная, кармазинная красная, двѣ шубки китаечныя, одна шубка киндяшная, треухъ соболей, другой куней, да дворъ, что на Холмогорахъ на Николаевскомъ посадѣ, со всякимъ хоромнымъ строеніемъ и съ подворною землею, и съ анбаромъ, и съ пашенными полями, что въ Загорскомъ стану, да въ Двинскомъ уѣздѣ въ Матигорской волости въ Борисоглѣбскомъ приходѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ, и съ подворною, и пашенною землею, и сѣнными покосы, которыми владѣлъ тесть мой покойной Алексѣй Пенега, и тѣми вышеписанными святыми иконами и посудою и жемчужной, и серебряной кузнью, и платьемъ, и дворами, что на Холмогорахъ и въ Матигорской волости, съ хоромнымъ строеніемъ, и съ подгорными, и пашенными землями, и амбаромъ, и сѣнными покосы, владѣть всѣмъ женѣ моей Стефанидѣ Алексѣевѣ дочери, а племянникомъ моимъ, вышеписаннымъ Ѳедору и Михаилу, въ то ни во что не вступаться и не отымать и никому дѣла нѣтъ". Какимъ образомъ упоминаемая здѣсь земля перешла отъ жены Ивана Пругавина къ сыновьямъ его племянника Ѳедора, изъ дѣла не видно.

У Ѳедора Баженина, Архангельскаго купца, также была покупная земля отъ Устюга Великаго посадскихъ людей Королевыхъ, къ которымъ она пришла въ видѣ приданого. Въ купчей крѣпости Королевыхъ между прочимъ написано: „Лѣта 1710 октября въ 18 день Устюга Великаго посацкіе люди Иванъ Анисимовъ

сынъ и Петръ Лукинъ сынъ Королевы и вмѣсто сестры своей дѣвицы Ульяны Анисимовыхъ дочери Королева продали есмь и поступились гостинные сотни Ѳедору Андрееву сыну Баженину въ Двинскомъ уѣздѣ къ тяглымъ его орамымъ и сѣнокоснымъ землямъ и къ угодьямъ во владѣніе станки упокойныхъ дѣда моего Иванова и сестры моей Ульяны, а моего Петрова свата, гостинные жь сотни Дорофѣя Прокопьева сына Мелцова и жены его бабушки нашей Ивановой и Ульянины, а моей Петровой сватьи, Акилины Савины дочери Комарова, чѣмъ по смерть ихъ владѣли отецъ нашъ Ивановъ и сестры моей Ульяны, а мой Петровъ двоюродной братъ Устюжанинъ же, посацкой человѣкъ Анисимъ Ивановъ сынъ Королевъ, и мати моя Иванова и сестры моей Ульяны, а моя Петрова невѣстка Татьяна Дорофѣева дочь Мелцова, и по ихъ мы Иванъ и сестрою своею Ульяною и я Петръ Королевъ же, спомогая имъ, владѣли"..... Въ поясненіе приведенной выписки. надобно сказать, что крестьянинъ Матигорскаго селенія Николаевскаго прихода Савва Комаровъ, выдавъ дочь свою Акилину за Холмогорца, гостинныя сотни Дорофѣя Мельцова, отдалъ за нею въ приданое землю въ томъ же селеніи Матигорахъ. Послѣ смерти Дорофѣя и Акилины Мельцовыхъ, земля эта перешла по наслѣдству къ дочери ихъ Татьянѣ, вышедшей замужъ за Устюжанина Анисима Королева, а отъ послѣднихъ къ имъ дѣтямъ Ивану и Ульянѣ и двоюродному брату Анисима, Петру Лукину Королеву, которые и продали ее Баженину. Въ томъ же дѣлѣ упоминается о владѣніи Холмогорскимъ купцомъ Иваномъ Никифоровымъ землею, полученною имъ въ видѣ приданого за женою, дочерью крестьянина Симанова. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ не оказалось рѣшенія, и мы не знаемъ, какое послѣдовало постановленіе суда на счетъ земель, пріобрѣтенныхъ посадскими людьми отъ крестьянъ вообще, и въ частности—на счеть полученныхъ въ приданое. Если можно основываться на рѣшеніи суда позднѣйшемъ, именно 1802 года, по дѣлу о раздѣлѣ земли, оставшейся послѣ смерти крестьянина Расходовской деревни Ѳедора Симанова на крестьянъ той же деревни, то слѣдуетъ думать, что приданыя земли были отобраны отъ посадскихъ людей.

14-го августа 1800 года Архангельскій мѣщанинъ Иванъ Ники-

форовъ подалъ въ Холмогорскій уѣздный судъ слѣдующую просьбу: „Назадъ тому годовъ съ девять, бывъ я въ Холмогорскомъ посадѣ въ числѣ посадскихъ гражданъ, женился на оставшейся послѣ покойнаго Нижне-Матигорской волости крестьянина Өедора Алексѣева сына Симонова дочери дѣвицѣ Натальи Өедоровой, которая послѣ отца своего и дѣда обще съ матерью своею владѣла оставшимся послѣ отца какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, яко то: пашенною и сѣнокосною землею, покупною, до состоянія еще запрещенія, у разныхъ людей, дѣдомъ и отцомъ, а равно и матерью жены моей, по крѣпостямъ, писаннымъ и совершеннымъ у крѣпостныхъ дѣлъ: 1-ю—въ 1749 годѣ апрѣля въ 10 день Борисоглѣбской Матигорской волости у священнической жены, вдовы Марьи Баранкѣевой съ дѣтьми, полемъ называемымъ на Куричьей горѣ, за 40 рублей; 2-ю—въ 1751 годѣ декабря въ 16, Николаевской Матигорской волости у крестьянина Якова Титова подъ названіемъ Большое и съ набережьемъ, лежащее въ Борисоглѣбской Матигорской волости, за 140 рублей; 3-ю—въ 1757 годѣ февраля 22-го дня, у Холмогорскаго посадскаго человѣка Аөанасья Ерюхина, пожнею подъ названіемъ Дмитріевою, лежащею въ той же волости, за 100 рублей; 4-ю—въ 1765 годѣ марта въ 23 день той же волости бывшаго церковнаго дьячка Семена Васильева Попова, у жены вдовы Овдотьи Максимовой, полемъ подъ названіемъ на Куричьей горѣ, за 12 руб. 15 коп.,—которыми землями жена моя и послѣ смерти матери своей, бывъ за мной, владѣла, яко наслѣдственнымъ и оставшимся послѣ отца, по духовной, имѣніемъ и яко крѣпостное по крѣпостямъ, по силѣ указа 7205 года февраля 21-го дня, всѣмъ безъ изъятія безъ всякаго отъ кого-либо спору безпрекословно, а послѣ смерти ея съ 1797 года и я именованный съ сыномъ моимъ Андреемъ, родившимся отъ означенной покойной жены моей, яко настоящимъ послѣ ея наслѣдникомъ, и по оставшейся отъ нея духовной безъ всякого отъ кого-либо спору, платя съ той земли въ міръ надлежащія подати бездоимочно. Но въ 1799 году двоюродный дядя покойной жены моей, тое жь Нижематигорской волости крестьянинъ Иванъ Васильевъ сынъ Симановъ, вступясь якобы по наслѣдству въ означенныя купленныя дѣдомъ, отцомъ и матерью жены моей земли, подан-

нымъ въ Архангельское губернское правленіе прошеніемъ просилъ, чтобъ имѣемыя на показанныя земли крѣпости хранящіяся у меня, якобы писанныя на общее имя покойнаго тестя моего Өедора съ братомъ Васильемъ, а его Ивана отцомъ отъ меня отобрать и ему отдать и повелѣть землею, яко настоящему наслѣднику, владѣть, а мнѣ съ сыномъ отказать, по которой просьбѣ губернское правленіе указомъ предписало Архангельскому городовому магистрату, чтобы онъ отъ меня ознаменованныя на крестьянскія земли крѣпости, буде подлинно ихъ у себя безъ всякаго законнаго права удерживаю, немедленно отобравъ, отослалъ для отдачи, кому онѣ по справедливости принадлежатъ. Городовой же магистратъ, отобравъ отъ меня надлежащее по сему предмету объясненіе и отобравъ подлинныя на означенныя земли крѣпости и данныя отъ отца женѣ моей, а отъ жены съ сыномъ мнѣ духовныя, вошедъ въ подробное сего дѣла разбирательство, и наконецъ, постановленнымъ въ 11-е число іюня прошлаго 1799 года опредѣленіемъ заключилъ мнѣ съ сыномъ моимъ отъ владѣнія показанныхъ земель отказать, а предоставить оныя въ пользу и владѣніе просителю Симанову или кому по праву принадлежать будутъ, однако съ платежемъ за оныя по крѣпостямъ денегъ, даванныхъ дѣдомъ и отцомъ и матерью покойной жены моей, безъ всякой помощи означеннаго просителя Ивана, отца, Василья Симанова, какъ точно сами тѣ крѣпости утверждаютъ". Но такъ какъ Симановъ опредѣленныхъ ко взысканію денегъ по крѣпостямъ не уплатилъ, то Никифоровъ просилъ уѣздный судъ войдти въ разсмотрѣніе этого дѣла и сдѣлать ему удовлетвореніе. Судъ же рѣшеніемъ своимъ 1802 года мая 3-го постановилъ: „Оной Никифоровъ, женясь на покойной Натальи Симановой, состоялъ Холмогорскаго общества гражданиномъ, котораго за силою узаконеній 1765 года сентября 19-го дня манифеста 1766 года мая 25-го дня межевой инструкціи, 19 гл. 2 пунк. 20 гл. 4, 6 и 10 пунк., и указовъ 1782 года іюля 11-го, 1785 г. мая 16-го, правительствующаго сената, подтверждающаго 1782 года указа 1801 года іюля 30-го, никакое право на тѣ земли не простиралось, равно какъ и на его сына, рожденнаго отъ него въ состояніи гражданина, но не болѣе того и самая жена его Наталья Симанова, за силою той же межевой инструкціи 20 гл.

12 пунк., какъ скоро вышедъ за Никифорова замужъ, имѣла право на владѣніе реченными землями, а ежели бы и хотѣлося ей воспользоваться значущими за землями въ крѣпостяхъ деньгами, то тогда же бы, при выходѣ ея замужъ, надлежало учинить въ разсужденіе сего или съ Иваномъ Симановымъ дядею своимъ, или по отреченію его отъ сего, съ кѣмъ-либо другимъ изъ крестьянъ Нижноматигорской волости, и той самой деревни, гдѣ она жительствовала и земли состоятъ съ вѣдома общества Матигорскихъ крестьянъ, едѣлку или какое условіе, единственно въ разсужденіи земли, которая безотъемлемо должна была остаться въ пользу того селенія и во владѣніе того, кому общество надъ оными землями владѣть предоставило бы, чего теперь за прошествіемъ десяти лѣтъ, хотя бы то и можно было, по силѣ указа 1787 года іюля 28-го, допустить и не можно, а по всѣмъ симъ прямымъ и законнымъ причинамъ оный Никифоровъ съ сыномъ какъ не состоялъ тѣхъ земель наслѣдникомъ, такъ и слѣдовательно къ полученію по крѣпостямъ денегъ никакого права не имѣлъ и не имѣетъ".

Этимъ не окончились дѣла о земляхъ крестьянъ, поступившихъ въ видѣ приданаго къ гражданамъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Около 1808 года, при размежеваніи Холмогорскихъ городскихъ земель отъ крестьянскихъ, землемѣръ, посланный съ этою цѣлью Архангельскимъ губернскимъ правленіемъ, „открылъ, что за градскимъ выгономъ изъ гражданъ за 8-ю человѣками имѣется сѣнокосная земля во владѣніи, въ крестьянскихъ дачахъ, по разнымъ волостямъ, въ пяти мѣстахъ всего 9 десятинъ 2362 саженъ". Изъ числа упомянутыхъ владѣльцевъ мѣщанинъ Кулаковъ владѣлъ землею, доставшеюся его женѣ по раздѣльной записи, совершенной въ 1766 года іюля 21-го дня въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ; эта запись дана „отъ жены Куростровской волости крестьянина Герасима Шерыпина, Парасковьи, дочерямъ ея, рожденнымъ отъ перваго мужа, Николаевской Матигорской волости крестьянина Попова, находящимся въ замужествѣ, первой—Аннѣ, за Холмогорскимъ посадскимъ человѣкомъ Ѳедоромъ Кулаковымъ, а второй—Марѳѣ, Двинскаго уѣзда Курейской волости за крестьяниномъ Михайломъ Скрыповымъ, въ томъ, что отдала она въ вѣчное владѣніе доставшагося ей отъ перваго ея мужа часть недвижимаго имѣнія—сѣн-

наго покосу, состоящаго въ Матигорской волости, а именно: Аннѣ, пожню званьемъ Логушу, а Марѳѣ пожню жь званіемъ за Плоучимъ въ Бояркурьѣ". Сенатъ, при утвержденіи межеваго плана Холмогорскимъ землямъ въ 1814 г., постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ 1814 году, опредѣлилъ: упомянутыя земли отобрать отъ гражданъ и оставить ихъ внутри волостей, среди коихъ оныя находятся [1]).

Въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ, кромѣ показанныхъ дѣлъ, производилось еще съ 1798 по 1800 г. дѣло по прошенію жены отставнаго сержанта Марѳы Зайковой о надѣленіи ея землей, которое имѣло предметомъ также землю, данную въ приданое. Жена отставнаго сержанта Якова Зайкова, Марѳа Иванова, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ Холмогорскій уѣздный судъ, изъяснила: „Назадъ тому лѣтъ съ 14, отецъ мой родной, здѣшней округи Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Рычковъ, отдалъ мнѣ, за неимѣніемъ здѣсь у него мужеска пола дѣтей, для владѣнія, доставшуюся ему отъ прародителей пашенную и сѣнокосную землю, съ тѣмъ чтобъ давать ему для свободнаго, гдѣ онъ пожелаетъ, жительства, плакатные пашпорты и оплачивать за него государственныя подати и всякія нести мірскія, съ прочими на равнѣ тягости; по смерти же его, если кто будетъ вступаться въ оную землю изъ родственниковъ его, то дали бъ мнѣ, вмѣсто приданаго, въ награжденіе подлежащую часть деньгами, потому что я выдана въ замужество не имъ самимъ, а Архангельскимъ купцомъ Зыковымъ и другими матери моей родственниками; оною землею и по смерти отца моего владѣла годовъ съ семь, безъ всякаго какъ той волости мірскихъ людей, такъ и ближнихъ родственниковъ спору, съ которой земли, а равно и за душу отца моего до послѣдней переписи оплачивала въ мірѣ всѣ государственныя и протчія подати бездоимочно, да и нынѣ оплачиваю тожъ мірскія тягости, наравнѣ съ прочими. Нынѣ же, вступясь той Куростровской волости крестьянинъ Яковъ Васильевъ сынъ Рычковъ, отнимаетъ, безъ всякаго по завѣщанію родителя моего

---

[1]) Указъ Арх. губ. правленія Холмог. нижн. земск. суду 15-го окт. 1814 г., изъ Архива Матигорской земской избы.

награжденія, и нынѣшняго лѣта насѣяться не даетъ; прочіе же ближайшіе мои родственники, Григорій Рычковъ и Степанъ Супаловъ, на коихъ я и шлюся о владѣніи мнѣ тою землею, такого прекословія и спору не имѣютъ". Вслѣдствіе этого, истица просила уѣздный судъ приказать оставить за нею ту землю до размежеванія земель, въ случаѣ же законнаго спору Рычкова, или кто тою землею будетъ владѣть, дать ей по завѣщанію отца, вмѣсто приданаго, деньгами, что по узаконеніямъ будетъ слѣдовать. Судъ постановилъ: означенную землю, дошедшую отцу истицы по просроченной закладной, данной ему въ 1734 году отъ капитанши Катерины Воробьевой и засвидѣтельствованной въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, слѣдовательно, не родственную, а самими пріобрѣтенную, безъ прикосновенія прочихъ именъ Рычковыхъ, въ сходственность Уложенія 10 гл. 196, 247, а также и 17 гл. 31 и 33 ст., равно и по силѣ указовъ 7205 февраля 21-го, яко крѣпостную по крѣпостямъ, и 1765 году сентября 19-го, какъ издавна за крестьяниномъ Иваномъ Рычковымъ, а послѣ его и за просительницею дочерью его состоящую, утвердить впредь до генеральнаго земель размежеванія за нею Зайковой, которую ей и возвратить въ полное владѣніе и съ насѣяннымъ на оной въ прошломъ 1798 году хлѣбомъ и съ уродившимся сѣномъ; впрочемъ же не отъемлется отъ нихъ и сія воля, буде пожелаютъ, чтобъ и оною крѣпостною землею владѣть, то бъ полюбовно съ означенною Зайковой условясь, съ обѣщаніемъ ей вмѣсто приданаго заплатить по учиненному согласію деньги". Однако это рѣшеніе было отмѣнено въ слѣдующемъ году Архангельскою палатою суда и расправы, которая постановила отобрать землю отъ Зайковой и отдать Рычковымъ, на основаніи 12 пун. 20 гл. межевой инструкціи 1766 г., которою воспрещалось давать земли государственныхъ крестьянъ въ приданое за дочерьми, выходящими замужъ за лицъ другого званія.

Основываясь на приведенныхъ фактахъ относительно земельнаго приданого, можемъ сказать, что обычаи на счетъ права распоряженія и наслѣдованія супруговъ этого рода приданымъ были весьма разнообразны, и что они почти всегда выражались въ брачныхъ договорахъ и другихъ документахъ, замѣнявшихъ родъ крѣпостныхъ актовъ на недвижимое имущество. Можно однако полагать,

что земельнымъ приданымъ распоряжался больше мужъ, нежели жена, по причинѣ той подчиненной роли, какую играла жена въ семействѣ; такимъ образомъ, обычное выраженіе купчихъ крѣпостей, что мужъ продаетъ земли *по согласію* съ своею женой, часто также могло быть одною формальностью. Но все таки поземельное приданое, какъ нелегко сбываемое, могло служить болѣе вѣрнымъ источникомъ обезпеченія для жены, въ случаѣ смерти мужа, расходокъ и т. п., нежели всякій другой надѣлокъ.

И въ болѣе отдаленныя времена, напримѣръ, въ XIV и XV вв., въ Двинской землѣ не было однообразія въ обычаяхъ, касавшихся правъ супруговъ на распоряженіе недвижимымъ имуществомъ. Такъ, по актамъ видно, что въ одномъ случаѣ приданая вотчина продается обоими супругами: „Се купи Василей Филимоновичь и Евсѣй Онаньинъ у Ѳедоры у *Григорьевы дочери и у еи мужа* у Ѳедора у Ѳедоровича, село земли на Ижьмѣ, Фофановьское, отчину ея, дворъ и дворище, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшіи лѣсы, и бобровыи ловища, и въ тонѣ участокъ, у Ижемьского кола шестая часть, со всими угодьи, гдѣ ни есть, все безъ вывѣта, что Ѳедорѣ дали братья Аврамъ и Яковъ, отчину свою, Ижемьское село со всемъ володѣньемъ. А далъ Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ на томъ селѣ Ѳедорѣ Григорьевѣ дочери и еѣ мужу Ѳедору Ѳедоровичу девять сороковъ бѣлъки, а пополонка куря“ [1]). Въ другомъ случаѣ отчина жены продается мужемъ: „Се купи игуменъ Василей, у Якова у Баева, отчину Михѣеви дочери Ѳедосьину, у Глухомъ погости, полъдворища и полъогородца, на гори, на Заецкомъ поли,... и въ другомъ мѣстѣ полполща орамици,... и на Низу, на Лужи, половина орамици, и бережного лоскута половина орамици, на Мудьюгини наволоки лоскутъ земли, и Микулина ѣзу полпоженки, и возли Кочкомъозеро половина орамици, и пожни, и притеребъ, и полпутика, Мѣхѣеви земли Ѳедосьини отчини, горніи земли, и за погостомъ земли игумну Василью чисты“ [2]). Въ третьемъ случаѣ самъ мужъ покупаетъ имѣніе у жены своей, зятя ея

---

[1]) Акты Юрид. Новгор. купчія XIV и XV вв., № 71, X, стр. 112.

[2]) Тамъ же, № 71, XXII, стр. 115.

и жены его. „Се купилъ Филипей Семеновицъ у Ульянѣ, у своей жены, и у еѣ у зятя, у Нафлока, и у его жены Марьи, землю Сенькинскую, на Икшинѣ островѣ, и дворъ за рѣкою, и въ Нарьи пожни, отъ Ермолини межи до игуменовы, съ притеребы, до Двины, и Плоскую веретею, и починки свои, чертежища свои, всю свою треть Икшина острова, и Пусевицъ истокъ, и перевѣсища, опричь дву Ермолиныхъ участковъ. А далъ имъ на нихъ Филипей два рубли, да овцу пополонка, по старой купли, по Семенови грамотѣ; а купилъ себѣ въ одерень и своимъ дѣтемъ" [1]).

Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи описанныхъ обычаевъ о приданомъ къ юридическимъ обычаямъ западныхъ Славянъ и къ русскимъ узаконеніямъ, разсматриваемымъ въ ихъ историческомъ развитіи. Вмѣстѣ съ переходомъ брачнаго обряда чрезъ три существенныя формы его, о которыхъ было говорено выше, то есть чрезъ похищеніе, покупку и собственно бракъ, обычаи относительно приданаго подвергались существеннымъ перемѣнамъ. Наши ученые утверждаютъ, что въ то время, когда сѣвернорусскіе Славяне еще похищали женъ, у нихъ не могло быть приданаго. Дѣйствительно, даже и теперь, какъ уже было сказано, при бракахъ *уходомъ,* приданого не бываетъ, развѣ только, когда молодые примирятся съ родителями; вообще же невѣста беретъ себѣ только то изъ платья, чтò сумѣетъ захватить съ собою. Но если мы вспомнимъ, что похищеніе невѣстъ у русскихъ Славянъ уже по свидѣтельству начальной лѣтописи имѣло характеръ чисто внѣшнаго обряда, ибо происходило по совѣту съ невѣстами, то тутъ можно предполагать и участіе воли родителей, а какъ только является послѣдняя, то уже нѣтъ препятствій и для возникновенія приданаго. Но наши ученые идутъ далѣе и высказываютъ мнѣніе, будто появленіе приданаго нельзя отнести не только къ эпохѣ похищеній, но даже и къ эпохѣ купли невѣстъ. Г. Кавелинъ, напримѣръ, считаетъ приданое и плату явленіями несовмѣстными, исключающими одно другое. Онъ говоритъ, что „трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за

[1]) Акты Юр., № 71, XXVIII стр. 117.

нее плату. „Это“, по его словамъ, „было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ, о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія,—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза“ [1]). Противъ этого можно замѣтить, что въ то время, о которомъ говоритъ начальная лѣтопись, похищеніе невѣстъ не обусловливалось непремѣнно враждебностью родовъ, ибо происходило по совѣщанію съ дѣвушками, на религіозныхъ принципахъ. А что купля невѣстъ не исключаетъ приданого, можно убѣдиться изъ аналогическихъ явленій существованія приданого у такихъ народовъ, у которыхъ до сихъ поръ невѣсты покупаются. Такъ, инородцы Архангельской губерніи—Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, на ряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое. Да и у другихъ народовъ восточнаго происхожденія, не вышедшихъ еще изъ формъ родоваго быта, купля невѣстъ не исключаетъ приданого. У Киргизовъ, напримѣръ, отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки въ родѣ приданого. Это называется *иненкельыенъ-джасау*, то есть, принесенное изъ дому отца [2]). Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, не смотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ [3]). Изъ славянскихъ народовъ, Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также Словенцы, покупаютъ невѣстъ (о послѣднихъ, впрочемъ, славяно-

---

[1]) Сочиненія *Кавелина*, III, стр. 243.

[2]) Изъ собранныхъ мною свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ Малой Орды.

[3]) Этнографическій Сборникъ, IV, стр. 313.

любцы говорятъ, будто бы обычай купли невѣстъ они заимствовали отъ Турокъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. У Черногорцевъ, по словамъ Ковалевскаго, жена не приноситъ приданаго мужу; напротивъ, послѣдній долженъ еще платить за жену отцу ея. На это г. Богишичъ справедливо замѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, жена должна принести съ собою свое платное [1]. Великороссійскіе обычаи подтверждаютъ тоже самое. У насъ, въ Архангельской губерніи, какъ сказано выше, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, какъ напримѣръ, въ селѣ Устьцыльмѣ, невѣстъ до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое все таки идетъ съ невѣстой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣстѣ съ кладкой или калымомъ жениха, бываетъ уговоръ и о приданомъ со стороны невѣсты [2]. Приводя эти факты, мы не хотимъ безусловно утверждать, что купля невѣстъ всегда сопровождается дачей приданого со стороны родителей невѣсты. Такое положеніе могло бы быть опровергнуто данными противоположнаго свойства, хотя весьма и весьма немногочисленными, составляющими уклоненіе отъ общаго правила [3]. Наша цѣль—доказать, что два такія разнородныя явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе съ ними приданаго, легко уживаются вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, апріористическія соображенія г. Кавелина о несуществованіи у древнихъ Славянъ приданого, при существованіи второй формы брака, то есть, въ эпоху купли невѣстъ, разбиваются о факты. Въ пользу догадки г. Кавелина не можетъ служить и та мысль, что съ одной стороны, надѣленіе невѣсты приданымъ, съ другой—покупка ихъ, суть вещи несообразныя. Не надобно забывать того, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: *подарки дарятъ — отдарковъ глядятъ*, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

---

[1]) Pravni običaji u Slovena, стр. 121, 122.

[2]) Тамъ же, стр. 124—126.

[3]) Тамъ же, стр. 122, 124, 125.

Тотъ же авторъ, слова котораго приведены выше, говоритъ о происхожденіи приданого: „Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали калымъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ о приданомъ не спрашиваютъ: что̀ дадутъ родители, тѣмъ довольны, молодые всегда надѣятся, что ихъ надѣлятъ достаточно" [1]). Мы уже сказали, что покупка невѣстъ не влекла за собою полнаго разрыва новобрачной съ своимъ родомъ, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы препятствовать обезпеченію молодой приданымъ. Можно полагать, что первоначально приданое состояло только въ одеждѣ и женскихъ украшеніяхъ, а потомъ стало проявляться въ формѣ дара отцемъ невѣсты послѣдней или жениху другихъ хозяйственныхъ предметовъ и проч. Замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ, для выраженія понятія о приданомъ, употребляетъ описательную форму: „приношаху по ней, что̀ вдадуче". Это выраженіе именно показываетъ, что сначала приданое состояло изъ вещей, которыхъ можно было *приносить*, то есть, изъ движимаго имущества: платья, украшеній и т. п. Въ послѣдствіи приносомъ стали называть и недвижимое имущество, даже землю, которая приносилась невѣстой. Такъ въ одномъ изъ древнихъ Двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: „полдеревни... *примосу* матери его" [2]). Съ другой стороны, выраженіе: „что вдадуче" имѣетъ тѣсную связь съ словами да̀нье, да̀нница и приданое. Соревнованіе между брачущимися сторо-

---

[1]) Сочиненія *Кавелина*, IV, стр. 177—178.

[2]) Акты Юридич. № 19, стр. 40.

нами, о которомъ говоритъ г. Кавелинъ, конечно существовало; оно проявлялось въ томъ, что сторона невѣсты старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на *жиросмотринахъ*. А у нѣкоторыхъ инородцевъ нашей губерніи, напримѣръ, Корелъ и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданого. Тоже наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напримѣръ, у Татаръ, Черемиссъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи [1]).

Разсматривая различные роды приданого, отъ самаго простого до болѣе полнаго, мы можемъ судить о томъ, какъ понятіе о приданомъ постепенно складывалось и развивалось у насъ. Первоначально, какъ мы только что сказали, приданое должно было состоять изъ одного женскаго *снаряда*, такъ что цѣль родителей, при дачѣ приданого, состояла собственно въ томъ, чтобы *снарядить* или *скрутить* дочь къ замужеству, то есть, снабдить ее необходимою одеждой. Что именно такова была первичная форма приданого, видно, между прочимъ, изъ названій его: *скрута*, *платно*, *коробья*, и изъ того, что у насъ, равно какъ у всѣхъ почти западныхъ Славянъ, до нынѣ приданое чаще всего состоитъ изъ одной только одежды. Затѣмъ, къ платному приданому вскорѣ присоединились дары (приносы), которые дѣлали отецъ невѣсты и другіе члены рода невѣстѣ и ея мужу: кое-что изъ одежды, нѣкоторыя принадлежности хозяйства, скотъ, а въ послѣдствіи деньги. Тутъ цѣлью приданаго становится желаніе надѣлить молодыхъ, хотя отчасти, хозяйствомъ, или вѣрнѣе, помочь ихъ будущему хозяйству. И здѣсь еще приданое не можетъ быть признано наградой за какое-либо, хотя мнимое право невѣсты на семейное имущество, потому что она не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ. Въ послѣдствіи времени, когда стали зарождаться имущественныя права дѣвушекъ, именно, когда отцы при своей жизни начали надѣлять ихъ недвижимымъ имуществомъ и даже землею, тогда возникло у

---

[1]) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, *Г. Ф. Миллера*, Спб. 1791 г., стр. 69—71.

насъ иное понятіе о приданомъ. Если приданое назначалось не отцомъ, а другими членами семьи, напримѣръ, братьями, то невѣста получала надѣлокъ или надѣлъ, хотя бы и платной, какъ бы въ вознагражденіе за ту часть недвижимаго имущества, которую она могла бы получить по волѣ отца; слѣдовательно, здѣсь приданое служило выдѣломъ, въ замѣнъ фиктивнаго права невѣсты на часть общаго семейнаго имущества. Такое значеніе приданого указывается въ нашихъ дѣльныхъ записяхъ XVII вв., выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „взяла надѣлку у братьи своей за свой третей участокъ изо всего вопче живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ.... и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все“... (№ 4), или въ раздѣльной трехъ братьевъ и сестры: „подѣлились есми межъ собя полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, коньми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну, на четыре участка, и поделяся я *такая-то* взяла есми у братп своей... надѣлку себѣ за свой участокъ...“ (№ 7).

У западныхъ Славянъ также можно встрѣтить разницу въ названіяхъ приданого, по которой можно заключать о существованіи различныхъ родовъ этого имущества. У Поляковъ, напримѣръ, приданое, состоящее изъ одного женскаго платья, называется wyprawa (wyprawić córkę—снабдить (собственно: приготовить) дочь всѣмъ нужнымъ изъ платья, сверхъ приданого; wyprawić córkę za mąż — выдать дочь за-мужъ), а состоящее изъ остальнаго движимаго и недвижимаго имѣнія—posag; у Чеховъ vĕno и roucho, у нѣкоторыхъ сербскихъ племенъ — ruho и blago, а вообще приданое prćija и т. п.[1]. Большинство Славянъ (именно—жители Славоніи Босніи Далмаціи, Болгаріи, Словаки и пр.) ограничиваетъ приданое одною одеждой невѣсты, къ которой иногда присоединяются подушки и постель. Рѣдко даютъ, сверхъ этого, домашнюю утварь, скотъ или деньги, и то преимущественно въ Хорватіи, Загребскомъ Загорьи Верхнихъ Лужицахъ, Угорской Руси и пр. Недвижимое же имуще-

[1]) Pravni običaji u Slovena, стр. 120—126.

ство—часть нивы, виноградника, дается только на островѣ Адріатическаго моря Ластово да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ почти Славянъ невѣстѣ даются дары отъ ея рода и отъ рода ея жениха [1]).

Ужь изъ сообщеннаго можно заключать, что и по обычаямъ западныхъ Славянъ дочери не пользовались равными съ сыновьями имущественными правами. И дѣйствительно, у всѣхъ почти Славянъ, до которыхъ не коснулось иноземное вліяніе, дѣвушки, имѣющія братьевъ, не получаютъ части въ отцовскомъ имуществѣ; на братьяхъ лежитъ только обязанность приготовить ихъ за-мужъ, сообразно своему состоянію, или выдать вмѣсто того деньгами [2]). Только безъ братьевъ пользуются дочери вполнѣ наслѣдственными правами [3]). Это вполнѣ сходно съ нашими теперешними обычаями, по которымъ дочери имѣютъ право на все отцевское имущество лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ сонаслѣдниковъ мужескаго пола въ лицѣ братьевъ; при братьяхъ же сестра пользуется тѣмъ только, что удѣлятъ ей первые. Обращаясь къ древнѣйшему русскому законодательному памятнику, къ Русской Правдѣ, находимъ, что приданое давалось въ ту эпоху либо отцемъ невѣсты, отъ воли котораго зависѣло дать ей часть, равную части сыновей или меньшую, либо княземъ, выдѣлявшимъ часть изъ имѣнія умершаго смерда, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, либо братьями, которые должны были снарядить для замужества сестру по своему достатку; но ни въ какомъ случаѣ сестры при братьяхъ не имѣли права наслѣдованія.

Какъ ни узки были права сестеръ при братьяхъ, все таки со стороны братьевъ постоянно существовало стремленіе къ ограниченію ихъ. Это въ особенности рельефно выражается въ одномъ донынѣ уцѣлѣвшемъ обычаѣ западныхъ Славянъ. Именно у Далматинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ существуетъ обычай, по которому когда братъ мужа явится въ домъ невѣсты за сундуками съ приданымъ, тогда на эти сундуки садится меньшой братъ не-

---

1) Pr. ob., стр. 120—126.

2) Тамъ же стр. 120, 121 и 163.

3) Тамъ же стр. 167.

вѣсты и не выдаетъ ихъ, не смотря на мольбу и угрозы деверя, пока тотъ не вознаградитъ его какою-либо монетой. У насъ этотъ обычай сохранился въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто брата невѣсты на сундуки съ приданымъ садится сватья, и не выдаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ *выкупа* со стороны жениха [1]).

Переданное въ домъ мужа, приданое частью остается въ распоряженіи жены, частью переходитъ въ распоряженіе мужа. Такъ, платное и у насъ, и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, равно какъ въ Малороссіи и во многихъ отрасляхъ западныхъ Славянъ составляетъ собственность жены, которою она можетъ располагать по своему усмотрѣнію, и на которую мужъ не имѣетъ никакого права. Остальное имущество, въ томъ числѣ и деньги, принадлежитъ къ семейному имуществу супруговъ, но располагаетъ ими мужъ по своему усмотрѣнію. Это общій обычай, существующій и у западныхъ Славянъ [2]). Но въ иныхъ мѣстностяхъ бываютъ и особыя обыкновенія. У насъ, въ Архангельской губерніи, кое-гдѣ жена сама распоряжается деньгами, полученными въ видѣ приданого; ссужаетъ ими мужа, сосѣдей и пр. Такъ точно въ Далмаціи нѣкоторыя женщины, вышедшія замужъ изъ болѣе богатыхъ домовъ и принесшія съ собою сколько-нибудь денегъ или получившія отъ родныхъ какое-либо домашнее животное, распоряжаются полученнымъ сами: хранятъ у себя дома съ остальнымъ имуществомъ или отдаютъ изъ половины сосѣдямъ и знакомымъ поселянамъ [3]).

При разводѣ или расходкѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена у насъ всегда получаетъ обратно свое приданое. То же наблюдается и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и у нѣкоторыхъ западно-славянскихъ племенъ, напримѣръ, въ Болгаріи, у жителей Военной Границы и пр. [4]).

---

[1]) Сборн. юрид. обыч. Арх. губ., кн. 1, стр. 39.

[2]) Pravni obič. u Slov. стр. 123, 127 и 130; Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1-й: Народн. юрид. обычаи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, стр. 20; Записки Отд. Этногр. Русск. Геогр. Общ. 1869 г. т. 2-й: Очеркъ нар. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 691.

[3]) Pravni obič. u Slov. 42.

[4]) Тамъ же, стр. 137 и 163. Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1, стр. 21.

Послѣ смерти жены, какъ у насъ, такъ и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, приданое сберегается для дѣтей, въ особенности для дочерей, хотя бы мужъ и женился на другой. Со смертью же бездѣтной жены, приданое возвращается въ родъ ея, и мужъ ничего не смѣетъ утратить; за утраченное онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Онъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ банника. То же самое сообщается этнографами и о нѣкоторыхъ изъ западныхъ Славянъ; напримѣръ, у жителей Военной Границы, когда умретъ жена, не оставивши дѣтей, то все ея приданое возвращается къ ея родителямъ, отъ которыхъ она получила его, если только передъ смертью она не запишетъ и не оставитъ своего имущества мужу; въ этомъ случаѣ послѣдняя воля ея считается священною. Мужъ, не получившій по завѣщанію приданаго, не смѣетъ ничего издержать. Бываютъ такіе случаи, что послѣ смерти жены, когда все ея имущество возвращается матери, нѣкоторыя вещи изъ числа приданаго окажутся не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны, напримѣръ, одежда разорванною, тогда мужъ замѣняетъ ихъ и возвращаетъ новыми. Мужу остается, какъ и у насъ, только постель, которая обыкновенно дается съ дочерью [1]).

По смыслу нашихъ приданыхъ записей XVII столѣтія можно заключать, что приданое цѣликомъ возвращалось въ родъ жены, по записи, кромѣ того, что̀ издержано самою женой. Дѣйствительность издержки подтверждалась со стороны мужа прямымъ, то есть, честнымъ словомъ, предъ образомъ, но онъ при этомъ не былъ обязанъ цѣловать икону. За издержанное же имъ самимъ онъ обязывался вознаградить родныхъ жены. Такъ, и по Псковской судной грамотѣ, отъ мужа, отдавшаго приданое въ родъ покойной жены нельзя было требовать присяги въ томъ, что за нимъ болѣе ничего не осталось; достаточно его слова: „А у котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, і женя мать, или сестра, или іное племя, а имутъ искать платья, іно мужъ ея, право по души (то̀ есть по чистой совѣсти), платья отдасть, а на останки мужу въ женни платьии целованья нѣтъ“ [2]). Такъ и теперь не заста-

---

[1]) Pravni obič. u Slov. 163.

[2]) Гражд. законы Псковск. Судн. Грамоты. Изслѣдованіе *Энгельмана,* стр. 88—89.

вляютъ мужа цѣловать икону, въ доказательство того, что онъ передалъ все имущество покойной жены, „чтобы не трясти души ея".

До сихъ поръ рѣчь шла о платномъ приданомъ. Что касается до остальнаго приданаго, и въ особенности земли, то въ этомъ отношеніи, вѣроятно, не было единообразія въ обычаяхъ, а все обусловливалось предварительнымъ договоромъ, такъ что иногда приданое возвращалось въ родъ жены, иногда оставалось у мужа, и въ послѣднемъ случаѣ, то, что было издержано, напримѣръ, деньги, скотъ и разнаго рода хозяйственныя принадлежности, не требовалось обратно. Изъ одной статьи Псковской судной грамоты видно, что жена могла оставить свою приданую землю по завѣщанію мужу; если же не было завѣщанія, то мужъ владѣлъ ею до своей смерти или до новой женитьбы [1]). У насъ же земли часто оставались за мужьями навсегда, дѣлаясь иногда собственностью всей семьи мужа. Впрочемъ, могло случиться и такъ, что земля отходила къ роднымъ жены даже отъ зятя-пріемыша, если только они уплачивали пожилыя деньги. Тутъ все зависѣло отъ письменнаго брачнаго договора, который составлялся всегда, какъ только дѣло касалось земли. Оттого большая часть брачныхъ записей здѣшней мѣстности, въ особенности болѣе поздняго времени, приняла характеръ актовъ, укрѣпляющихъ поземельную собственность за извѣстнымъ лицомъ: они у насъ замѣнили такимъ образомъ, *справку* земли за женихомъ, которая требовалась для вотчинъ и помѣстій узаконеніями XVII столѣтія.

Не смотря на незначительность вообще приданаго, оно часто служитъ приманкой для родныхъ мужа, въ особенности свекра; послѣдніе нерѣдко, даже при жизни снохъ, но послѣ смерти мужей, посягаютъ на приданое, въ особенности тогда, когда невѣстки уходятъ въ домъ своихъ родителей. Разумѣется, это составляетъ уже не обычай народный, а нарушеніе обычая.

Такія же нарушенія обычнаго права часто случались и въ старину, такъ что еще въ Псковской судной грамотѣ вызвали особую статью для огражденія правъ невѣстокъ: „А у кого помретъ сынъ,

---

[1]) Гражд. зак. Пск. Судн. Грам., стр. 88.

а невѣстка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платья своего, ино свекру или дѣверю отдать платье или крута“ [1]). Рѣшенія нашихъ волостныхъ судовъ, напримѣръ, помѣщенное подъ № 7, составляютъ какъ будто подведеніе этой статьи древняго узаконенія. Другое рѣшеніе волостнаго суда, подъ № 18, по которому свекоръ обязывается подтвердить присягою справедливость передачи всего приданаго, оставшагося послѣ смерти невѣстки, напоминаетъ окончаніе только что приведенной статьи: „А чѣмъ невѣстъка клеплеть, іно свекру или дѣверю воля, чимъ хочетъ: хочетъ, самъ поцѣлуетъ крестъ, или у креста невѣсткѣ положитъ, чимъ учнетъ клепати“. Изъ всего сказаннаго видно, что наши народные обычаи о приданомъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ, сходны какъ съ обычаями западныхъ Славянъ, такъ и съ древними правилами, заключающимися въ старинныхъ законодательныхъ памятникахъ, предшествовавшимъ реформамъ великаго преобразователя Россіи.

По узаконеніямъ, появившимся съ Петра Великаго и положившимъ рѣзкую границу между старыми и новыми взглядами на приданое, это послѣднее можетъ считаться полнымъ выдѣломъ, и дочь называется отдѣленною только тогда, когда она въ приданомъ напередъ получитъ всю свою указную часть или въ рядной записи отречется отъ наслѣдства; если же она не получила своей части сполна, то по смерти родителей можетъ требовать ее изъ наслѣдства, съ зачетомъ приданаго. По народнымъ же обычаямъ, женщина получившая приданое—будь то скрута или надѣлокъ, во всякомъ случаѣ считается отдѣленною и не имѣетъ никакого права на наслѣдство послѣ родителей. По существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе строго проведеннаго начала раздѣльности имуществъ между супругами, приданое считается исключительною собственностью жены, и по отношенію къ этой собственности мужъ не имѣетъ никакого права, даже права пользованія; жена владѣетъ, пользуется и распоряжается этимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, совершенно независимо отъ мужа; она можетъ отчуждать его въ постороннія руки или даже своему мужу. У народа же только платное прида-

---

[1]) Гражд. Законы Псковск. Суд. Гр., стр. 91.

ное считается собственностью жены, а надѣлокъ составляетъ общее имущество супруговъ, которымъ болѣе распоряжается мужъ, нежели жена. Наконецъ, относительно наслѣдованія мужа въ приданомъ народъ ограничиваетъ права его гораздо болѣе, нежели законъ, который предоставляетъ ему четвертую часть въ имуществѣ жены. Такимъ образомъ, новыя узаконенія о приданомъ не коснулись народа и нисколько не измѣнили его понятій и обычаевъ; въ этомъ отношеніи народъ остался съ воззрѣніями до-петровскихъ временъ.

Г. Холмогоры.

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TS

БИБЛІОТЕКА СУДЕБНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Дѣло д-ра МОДЛИНСКАГО

Совершеніе операціи безъ согласія больного

Судебный матеріалъ по производствамъ въ окружномъ судѣ, судебной палатѣ и правит. сенатѣ.—Статья Н. С. Таганцева „Уголовная отвѣтственность хирурговъ".—Рѣшеніе Германскаго Имперскаго Суда отъ 31 мая 1894 г. по однородному дѣлу.—Статьи закона, относящіяся къ отвѣтственности врачей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. А. КАНТОРОВИЧА.
1903.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ „Юридическая Помощь", С.-Петербургъ, Ямская, 21.

 Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Мая 1903 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дѣло доктора Модлинскаго.

Производство операціи безъ согласія больного.

I. Предварительное слѣдствіе.

25 января 1901 г. судебнымъ слѣдователемъ 18 участка г. Москвы составлено было постановленіе о привлеченіи доктора медицины Петра Игнатьева *Модлинскаго* въ качествѣ обвиняемаго, слѣдующаго содержанія: 1 марта 1900 г. крестьянка Прасковья Чернова, 18 л., явилась съ своей матерью въ хирургическую лечебницу доктора Модлинскаго посовѣтоваться по поводу бывшаго у нея нароста на шеѣ. По предложенію Модлинскаго и съ согласія Прасковьи Черновой и ея матери, опухоль на шеѣ была удалена того же перваго марта, причемъ при изслѣдованіи больной передъ операціей у нея въ полости живота была обнаружена кистозная опухоль; 4 марта опухоль эта была изслѣдована вновь; 5 марта произведена Прасковьѣ Черновой докторомъ Модлинскимъ операція чревосѣченія для удаленія опухоли въ полости живота, а 10 марта утромъ Прасковья Чернова скончалась при явленіи остраго септическаго воспаленія брюшины. Отецъ и мать покойной Черновой на другой же день явились въ управленіе 1 уч. Якиманской части и заявили, что операція чревосѣченія сдѣлана ихъ дочери безъ ихъ на то согласія. Дѣйствительно, показаніемъ свидѣтельницъ, Рейнгольдъ, Блау, Кузнецовой и Колпаковой, удостовѣрено съ несомнѣнностью, что операція чревосѣченія произведена надъ Прасковьей Черновой не только безъ ея согласія, но даже безъ ея вѣдома, а также и безъ согласія и разрѣшенія ея отца и матери. Медицинскій департаментъ, на разсмотрѣніе котораго восходило настоящее дѣло, въ своемъ заключеніи высказалъ, что всякую операцію чревосѣченія должно считать серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности (п. 1), что смерть Черновой несомнѣнно находится въ

связи съ операціей чревосѣченія (п. 2), что въ производствѣ этой операціи 5 марта безусловной необходимости не было (п. 4), и что согласіе больной или ея родителей на производство операціи слѣдуетъ считать обязательнымъ (п. 5). Принимая во вниманіе, что такимъ образомъ докторъ медицины Петръ Игнатьевъ Модлинскій изобличается въ томъ, что, опредѣливъ у крестьянки Прасковьи Ивановой Черновой присутствіе въ области живота кистозной опухоли, зная, что операція удаленія подобной опухоли представляетъ большую смертельную опасность и не спросивъ, тѣмъ не менѣе, по явной съ его стороны неосторожности, согласія названной Черновой и ея родителей, крестьянъ Ивана и Матрены Черновыхъ, произвелъ 5 марта 1900 г. въ г. Москвѣ эту операцію, въ немедленномъ производствѣ которой безусловной необходимости не было, каковая операція вызвала острое септическое воспаленіе брюшины и смерть Черновой, т. е. въ дѣяніи явно неосторожномъ, повлекшимъ за собою смерть Черновой, что это его дѣяніе является предусмотрѣннымъ 1468 ст. улож., судебный слѣдователь постановилъ: доктора медицины Петра Игнатьева Модлинскаго привлечь по настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, предъявивъ ему обвиненіе по 1468 ст. улож.

На это постановленіе судебнаго слѣдователя д-ръ Модлинскій принесъ жалобу въ Московскій окружный судъ, который 13-го марта 1901-го года, по VIII отдѣленію, въ распорядительномъ засѣданіи въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель Н. В. Давыдовъ и члены суда А. П. Парелаго и П. И. Салтыковъ при прокурорѣ С. Д. Набоковѣ и за помощника секретаря Патрикѣевѣ, слушалъ по докладу предсѣдателя означенную жалобу.

Окружной судъ, въ опредѣленіи своемъ отъ 13 марта 1901 года, разсуждалъ, что въ жалобѣ своей Модлинскій проситъ объ отмѣнѣ постановленія судебнаго слѣдователя на томъ основаніи, что въ инкриминируемомъ ему дѣяніи производство операціи чревосѣченія и удаленія кистозной опухоли изъ брюшной полости кр. Черновой, послѣ которой она умерла, нѣтъ признаковъ преступленія, предусм. 1468 ст. улож., а имѣется налицо лишь безкорыстное исполненіе имъ, какъ врачемъ, обязанностей своихъ, вызванное желаніемъ возвратить здоровье смертельно больной Черновой. По мнѣнію Модлинскаго, поставленная ему слѣдователемъ въ вину неосторожность—отсутствіе согласія оперируемой Черновой и ея родителей на производство опасной операціи—чревосѣченіе, во 1-хъ, не является таковою въ виду того, что, какъ установлено экспертами, положеніе больной Черновой давало показаніе на эту операцію, а затѣмъ и не стоитъ въ причин-

ной связи со смертью Черновой, такъ какъ смерть ея послѣдовала бы и при наличности ея согласія на операцію и что, кромѣ того, опепація была произведена правильно и по дѣлу установлено необходимость ея.

Окружный судъ нашелъ, что дѣяніе врача Модлинскаго, заключавшееся въ томъ, что онъ самовольно, безъ согласія кр. Черновой, поступившей въ его лечебницу, исключительно для удаленія хирургическимъ способомъ нароста на шеѣ и вопреки воли ея родителей, захлороформировавъ Чернову, что, между прочимъ, лишило ее возможности физическаго сопротивленія, произвелъ на ней опасную (40% смертности) и не представлявшуюся безусловно необходимой операцію удаленія найденной имъ у Черновой въ полости живота кистозной опухоли путемъ чревосѣченія, послѣдствіемъ чего была смерть Черновой, дѣйствительно не носитъ характера неосторожности, но, съ другой стороны, не является дѣяніемъ безразличнымъ съ точки зрѣнія закона, охраняющаго личную свободу, неприкосновенность и безопасность каждаго человѣка, а несомнѣнно преступнымъ. Къ этому выводу судъ приходитъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) законъ охраняетъ прирожденное естественное право каждаго человѣка на жизнь и личную неприкосновенность цѣлымъ рядомъ предупредительныхъ и карательныхъ постановленій; 2) на этомъ основаніи никто не имѣетъ права причинить другому лицу, помимо его согласія, тѣ или другія физическія страданія, причинить пораженія и вообще оказать насиліе, хотя бы дѣйствія эти предпринимались не съ цѣлью вреда потерпѣвшему; 3) исключенія представляютъ случаи спасенія погибающаго (нормально съ молчаливаго согласія его) или удержанія кого-либо отъ совершенія преступленія, огражденія сумасшедшаго и, вообще, находящагося въ безсознательномъ состояніи человѣка; 4) точно также принудительное насильственное леченіе взрослаго, сознающаго себя человѣка, не только хирургическое, опасное для жизни, но и общее не допускается, какъ проявленіе насилія надъ личностью человѣка; 5) исключеніемъ является обязательное леченіе, устанавливаемое въ видахъ общественной пользы, государствомъ (оспоприбиваніе, помѣщеніе въ особыя больницы захворавшихъ холерою, чумой и т. п. эпидемическими болѣзнями), но на таковое, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, имѣютъ право лишь спеціальные агенты правительства, а не частныя лица, хотя бы врачи; 6) никто не можетъ заставить (насиліемъ физическимъ) взрослаго человѣка, страдающаго какимъ либо физическимъ дефектомъ, удалить этотъ дефектъ, тѣмъ болѣе путемъ опасной для жизни хирургической операціи,

а потому, произведенная противъ воли паціента операція является посягательствомъ, караемымъ закономъ, на личную безопасность потерпѣвшаго; 7) высказанное докторомъ Модлинскимъ, въ жалобѣ его, положеніе объ отсутствіи причинной связи между согласіемъ Черновой и ея родителей на операцію и смертью потерпѣвшей невѣрно, ибо разъ какъ Чернова и ея родители согласія на операцію не давали, то она и не могла быть произведена, а слѣдовательно и не послѣдовало-бы смерти Черновой отъ септическаго воспаленія брюшины, а когда, отъ какой причины и при какихъ обстоятельствахъ могла последовать смерть Черновой, остается совершенно неизвѣстнымъ; 8) въ данномъ случаѣ Чернова не находилась въ состояніи непосредственно погибающей, при которомъ каждый долженъ былъ бы считать себя обязаннымъ учинить надъ нею насиліе для ея спасенія. Такое положеніе наступило для Черновой лишь по времени второй операціи чревосѣченія.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію состава преступленія, обвиненіе въ коемъ падаетъ, по вышеизложеннымъ фактическимъ и юридическимъ признакамъ, на доктора медицины Модлинскаго, окружный судъ находитъ, что въ данномъ случаѣ имѣется на лицо преступленіе, предусм. 142 и 28 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., т. е. самоуправство, осложненное особо увеличивающими вину обвиняемаго послѣдствіями его, устанавливающими для Модлинскаго высшую сравнительно подсудность. Такъ, врачъ Модлинскій, преслѣдуя личныя цѣли, научный интересъ, популярность, профессіональное желаніе устранить, во что бы то ни стало, изъ организма паціента болѣзненныя явленія, самовольно произвелъ надъ поступившей къ нему для леченія опухоли на шеѣ кр. Черновой, безъ ея вѣдома и согласія и вопреки волѣ ея родителей, не безусловно необходимую, но смертельно опасную операцію чревосѣченія, чѣмъ осуществилъ воображаемое право свое, какъ врача, распоряжаться по собственному усмотрѣнію поступившимъ къ нему для леченія совершенно другой болѣзни паціентомъ, причемъ моментомъ «насилія» явилось захлороформированіе Черновой, послѣдствіемъ же такого насильственно самоуправнаго дѣянія Модлинскаго, нарушившаго законъ, ограждающій личную неприкосновенность и безопасность каждаго, была смерть Черновой. Далѣе, судъ находитъ, что обвиненіе по фактическимъ даннымъ предъявлено Модлинскому судебнымъ слѣдователемъ вѣрно; другая же юридическая квалификація, даваемая нынѣ этому обвиненію судомъ, не вызываетъ необходимости въ отмѣнѣ постановленія слѣдователя о привлеченіи Модлинскаго къ дѣлу въ качествѣ обви-

няемаго и къ возвращенію дѣла для дослѣдованія, ибо наказанія по 1466 и 1468 ст. улож. одинаковы и оба не сопряжены съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и къ тому же настоящее дѣло уже находится въ распоряженіи прокурорскаго надзора. По симъ соображеніямъ и согласно съ заключеніемъ прокурора, окружный судъ опредѣляетъ: жалобу Петра Игнатьева Модлинскаго оставить безъ уваженія.

Въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) протоколъ судебно-медицинской экспертизы и 2) отношеніе медицинскаго Д-та М. В. Д.

1. Изъ протокола судебно-медицинской экспертизы видно, что:

1. Смерть крестьянки Черновой послѣдовала отъ остраго разлитого септическаго воспаленія брюшины. 2. Воспаленіе брюшины послѣдовало за операціей, произведенной 5 марта 1900 г. съ цѣлью удаленія опухоли изъ живота. Что же касается до причинной связи между операціей и воспаленіемъ брюшины, то нужно имѣть въ виду, что септическое воспаленіе брюшины можетъ быть обусловлено вообще: a) поступленіемъ заразнаго начала изъ самой опухоли; b) отъ инструментовъ, c) перевязочнаго матеріала, d) изъ воздуха, e) изъ самаго организма и пр. пр., но какой именно источникъ заразы имѣлъ мѣсто въ данномъ случаѣ, того рѣшить невозможно. 3. Операція, произведенная 5 марта, заключалась во вскрытіи брюшной полости и удаленіи изъ нея кисты, находившейся за листками брыжейки. 4. По микроскопическому изслѣдованію опухоль удаленная изъ живота, была киста, происшедшая, по всему вѣроятію, изъ лимфатической системы, какъ это было совершенно вѣрно распознано докторомъ Модлинскимъ до операціи. 5. Всякая мѣшетчатая опухоль, находящаяся въ полости живота, даетъ показаніе къ операціи удаленія ея. Что касается до очень рѣдкихъ лимфатическихъ мезентеріальныхъ кистъ, то, насколько можно судить по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ, онѣ представляются опасными для жизни и оперативное удаленіе ихъ тѣмъ болѣе показуется. 6. Всякая операція чревосѣченія (лапаратомія) представляется серьезной, такъ какъ оперирующій врачъ никогда не можетъ ручаться за благопріятный исходъ ея. Хотя лапаратоміи вообще даютъ въ послѣднее время приблизительно 9—10% смертности, но если взять спеціальную статистику оперированія мезентеріальныхъ опухолей, то процентъ смертности возвышается втрое и даже вчетверо. 7. Насколько можно судить на основаніи данныхъ вскрытія трупа Черновой, операція произведена въ техническомъ отношеніи совершенно правильно. 8. Операція лапаратомія про-

тивопоказуется при острыхъ инфекціонныхъ или воспалительныхъ заболѣваніяхъ какъ, напр., при тифѣ, крупозномъ воспаленіи легкихъ, оспѣ, дифтеритѣ и пр.; но повышеніе температуры вообще не противопоказуетъ операціи и хлороформированія. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ самый день производства операціи, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, никакого повышенія температуры не наблюдалось. Произведенная 1 марта операція на шеѣ и повышеніе температуры за день до лапаратоміи также не могли служить противопоказаніемъ къ лапаратоміи (см. отвѣтъ 16). 9. Повторенное хлороформированіе само по себѣ не представляется неосторожнымъ дѣйствіемъ и вообще, насколько видно изъ слѣдственнаго дѣла, не было никакихъ противопоказаній къ хлороформированію больной 3 раза въ теченіе 5 дней. 10. Отвѣтъ на 10 вопросъ уже высказанъ нами въ п. 8. 11. Судить о томъ, были ли выполнены предъ производствомъ лапаратоміи всѣ необходимыя приготовленія для операціи, возможно было въ томъ случаѣ, еслибы объ этомъ имѣлись въ дѣлѣ подробныя показанія врачей, производившихъ операцію. За отсутствіемъ же таковыхъ показаній, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ тѣ приготовительныя къ операціи мѣры, о которыхъ упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ, были правильны. 12. Леченіе больной послѣ операціи лапаратоміи представляется вполнѣ основательнымъ. Симптомы воспаленія брюшины появились на 3 день послѣ операціи, какъ это обыкновенно и наблюдается. 13. Назначеніе слабительныхъ послѣ операціи лапаратоміи вполнѣ показуется, а потому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться недостаточно осторожнымъ дѣйствіемъ и тѣмъ болѣе, что начинающееся воспаленіе брюшины можетъ иногда излечиваться отъ употребленія слабительныхъ средствъ. 14. Отвѣтъ на 14 вопросъ явствуютъ изъ соотвѣтствующихъ пунктовъ 8—13. 15. Вторичное вскрытіе полости живота (операція 9 марта) была необходима, какъ послѣдняя мѣра для спасенія жизни Черновой, тѣмъ болѣе, что на основаніи болѣзненныхъ припадковъ можно было подозрѣвать или воспаленіе брюшины, или непроходимость кишекъ, а послѣдняя лечится исключительно при помощи чревосѣченія. 16. Операція, произведенная 1 марта, состояла, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, въ удаленіи опухоли на шеѣ. Насколько можно судить на основаніи данныхъ вскрытія трупа, теченіе послѣ-операціоннаго періода было благопріятное и потому не могло имѣть вліянія на общее состояніе здоровья Черновой. 17. За исключеніемъ случаевъ, требующихъ безусловно немедленной оперативной помощи, у врачей принято обыкно-

венно спрашивать согласія на производство операціи у самого больного и при его малолѣтствѣ—его родителей или родственниковъ. Въ данномъ же случаѣ, съ точки зрѣнія врачебныхъ обычаевъ, было вполнѣ достаточно согласія на операцію одной только Прасковьи Черновой, какъ взрослой 18-лѣтней дѣвицы. Заслуженный ординарный профессоръ Снегиревъ. Заслуженный ординарный профессоръ Нейдингъ. Прозекторъ при кафедрѣ судебной медицины Минаковъ. Врачъ Якиманской части. М. Нѣмцевъ.

2) Вслѣдствіе сообщенія судебнаго слѣдователя дѣло о смерти Черновой внесено было на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта, который далъ слѣдующее заключеніе:

Вслѣдствіе сообщенія вашего высокородія отъ 17 октября 1900 г. за № 2571 дѣло о смерти крестьянки Черновой было внесено на заключеніе медицинскаго совѣта. Разсмотрѣвъ дѣло, медицинскій совѣтъ на поставленные вопросы признаетъ возможнымъ дать слѣдующіе отвѣты: 1) Всякая операція чревосѣченія должна считаться серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности. 2) Смерть Черновой, несомнѣнно, находится въ связи съ операціей вообще, но обусловливается ли смерть именно изліяніемъ содержимаго опухоли въ брюшную полость, съ положительностью сказать нельзя; скорѣе слѣдуетъ думать, что содержимое опухоли, съ точки зрѣнія заразительности, было безвредно, ибо въ протоколѣ изслѣдованія опухоли, вырѣзанной изъ брюшной полости (произведеннаго помощниками прозектора при патолого-анатомическомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета Власовымъ), значится, что результаты бактеріологическаго изслѣдованія отрицательны. 3) Операція была произведена правильно. 4) При установленномъ распознаваніи (оказавшемся вѣрнымъ) растущей опухоли въ брюшной полости операція должна считаться показанной, но въ производствѣ этой операціи (лапаратоміи) 5 марта безусловной необходимости не было. 5) Согласіе больной или ея родителей на производство операціи слѣдуетъ считать обязательнымъ. О такомъ постановленіи медицинскаго совѣта, отъ 9 сего января за № 35, утвержденномъ 10 того же января товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, медицинскій департаментъ имѣетъ честь увѣдомить васъ, милостивый государь, съ возвращеніемъ за № 31.

На основаніи изложеннаго д-ръ Модлинскій былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвинительному акту слѣдующаго содержанія:

II. Обвинительный актъ.

10 марта 1900 г. въ г. Москвѣ въ хирургической клиникѣ доктора медицины Модлинскаго умерла отъ септическаго воспаленія брюшины крестьянка дер. Дудкина, Подольскаго уѣзда, Прасковья Иванова Чернова, 18 лѣтъ. На слѣдующій день въ управленіе 1 уч. Якиманской части явился отецъ умершей, крестьянинъ Иванъ Ивановъ Черновъ, и заявилъ, что дочь его умерла отъ операціи, произведенной неправильно и безъ согласія какъ самой больной, такъ и ея родителей. На возникшемъ по этому поводу предварительномъ слѣдствіи установлены были нижеслѣдующія обстоятельства: Иванъ Ивановъ Черновъ и жена его Матрена Тихонова рѣшились обратиться къ врачебной помощи, въ которой нуждалась ихъ дочь Прасковья, потому что у ней имѣлась на шеѣ подъ нижней челюстью опухоль. Розыскавъ, по рекомендаціи знакомыхъ, клинику доктора Модлинскаго, Матрена Чернова вмѣстѣ съ дочерью 1 марта явилась туда и узнала, что опухоль ничего серьезнаго не представляетъ и что въ клиникѣ согласны сдѣлать операцію удаленія ея. Въ виду этого Прасковья Чернова была оставлена матерью въ клиникѣ. Въ тотъ же день была произведена докторомъ Модлинскимъ операція, и опухоль на шеѣ удалена, но во время приготовленій къ этой операціи докторъ Модлинскій обнаружилъ присутствіе въ полости живота опухоли, повидимому кистозной, о которой ни сама больная, ни родители ея передъ тѣмъ никакихъ свѣдѣній не имѣли. На слѣдующій день 2 марта мать больной явилась въ клинику съ намѣреніемъ взять свою дочь домой, но ей было объявлено, что Прасковья должна остаться въ больницѣ еще 3 или 4 дня. 5 марта больной, при вполнѣ удачномъ ходѣ заживленія послѣ первой операціи, была произведена первая лапоратомія, и обнаруженная врачемъ Модлинскимъ опухоль въ области живота была имъ удалена. Въ послѣдующіе затѣмъ дни въ теченіи болѣзни произошла перемѣна къ худшему и обнаружились явленія воспаленія брюшины. Поэтому 9 марта была произведена надъ Черновою вторая лапоратомія, обнаружившая признаки септическаго перитонита и, несмотря на принятыя при этой операціи мѣры къ прекращенію воспалительнаго процесса, 10 марта, какъ указано выше, послѣдовала смерть Черновой. Изъ имѣющихся въ дѣлѣ заключенія профессоровъ Снегирева и Найдинга, прозектора Минакова и врача Якиманской части Нѣмцева, сообщенія Московскаго врачебнаго управленія и, наконецъ, отзыва медицинскаго департамента мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ видно, что операція чревосѣченія представляется серьезной, дающей извѣстный процентъ смертности, и что смерть Черновой является послѣдствіемъ произведенной надъ ней операціи. Къ сему медицинскій департаментъ присовокупляетъ, что въ дѣлѣ не имѣется данныхъ, указывающихъ на то, чтобы производство операціи именно 5 марта вызывалось необходимостью, и что согласіе больной или ея родителей слѣдовало считать обязательнымъ. Иванъ Ивановъ и Матрена Тихонова Черновы показали, что до поступленія въ клинику Модлинскаго дочь ихъ никогда не жаловалась на опухоль въ желудкѣ, что помѣстили они ее въ клинику исключительно для удаленія опухоли на шеѣ, которая хотя и была безболѣзненною, но портила красивую внѣшность Прасковьи, что о согласіи на производство операціи чревосѣченія ихъ никто въ клиникѣ не спрашивалъ и о ней они узнали только послѣ того, какъ эта операція была уже сдѣлана. Къ этому Иванъ Ивановъ Черновъ добавилъ, что 9 марта, наканунѣ смерти дочери, онъ видѣлся съ нею, и она жаловалась ему на то, что онъ, будто бы, разрѣшилъ операцію, чего въ дѣйствительности не было. Изъ лицъ, состоявшихъ въ означенное время на службѣ въ клиникѣ Модлинскаго, допрошенъ, между прочимъ, ассистентъ послѣдняго, врачъ Яковъ Лазаревъ Коцубей, который показалъ, что, по обнаруженіи у Черновой опухоли въ области живота, онъ уговаривалъ и больную и ея мать согласиться на операцію. Лишь черезъ нѣсколько дней онѣ, послѣ упорныхъ отказовъ, согласились, причемъ однако свидѣтель имъ не говорилъ, что операція сопряжена съ опасностью для жизни. Во время самой операціи опухоль лопнула и часть ея содержимаго вылилась въ область желудка. Приведенное показаніе свидѣтеля Коцубея о томъ, что Матрена Чернова «черезъ нѣсколько дней» выразила согласіе на операцію чревосѣченія, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ видно изъ показанія Черновой, она не посѣщала свою дочь со 2 марта по 9-е число, когда операція была уже совершена. Показаніями же фельдшерицъ Югаръ, Рейнгольдъ, Блау и служившихъ нянями при клиникѣ Кузнецовой и Колпаковой, установлено, что 5 марта, когда Чернову принесли въ операціонную комнату Модлинскаго и положили на столъ, она спросила Модлинскаго, что съ нею будутъ дѣлать. Модлинскій отвѣтилъ, что будутъ дѣлать перевязку, послѣ чего она была хлороформирована и подвергнута чревосѣченію. Когда затѣмъ больная была приведена въ сознаніе и замѣтила у себя новую повязку, она спросила, зачѣмъ у нея завязанъ животъ. Догадавшись, что ей сдѣлали

операцію, такъ какъ отъ нея этого скрыть не удалось, она стала метаться, весь день была въ сильномъ безпокойствѣ и неоднократно повторяла жалобы на то, что ей рѣзали животъ безъ ея согласія. Явившійся затѣмъ ея отецъ сталъ ее упрекать, предполагая, что она согласилась на операцію, но больная возразила, что ей ничего заранѣе не говорили, а дали чего-то понюхать и затѣмъ сдѣлали, что хотѣли. Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго докторъ Модлинскій, признавая, что смерть Черновой была послѣдствіемъ произведенной имъ операціи, утверждалъ, что таковая была предпринята исключительно въ интересахъ умершей; что согласіе ея родителей на операцію онъ получилъ черезъ своего ассистента Коцубея, а отъ самой больной получилъ это согласіе лично, въ присутствіи одного изъ своихъ ассистентовъ—Коцубея или Неймарка, а можетъ быть, и обоихъ. Послѣдняго обстоятельства, однако, ни тотъ, ни другой изъ ассистентовъ обвиняемаго не подтвердили. На основаніи изложеннаго, докторъ медицины Петръ Игнатьевъ Модлинскій обвиняется въ томъ, что 5 марта 1900 г. въ г. Москвѣ, въ своей клиникѣ, опредѣливъ у бывшей у него на излеченіи крестьянки Прасковьи Черновой, 18 л., кистозную опухоль въ области живота, зная что операція чревосѣченія и извлеченія этой опухоли представляетъ опасность для жизни больной и не будучи вынужденнымъ обстоятельствами къ немедленному производству ея, онъ, безъ согласія больной или ея родителей, самовольно, приведя Чернову въ безсознательное состояніе посредствомъ хлороформа, произвелъ означенную операцію, вслѣдствіе которой потерпѣвшая 10 марта умерла. Означенное преступленіе предусмотрѣно 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., почему и на основаніи 200 уст. угол. суд. докторъ Модлинскій подлежитъ суду Московскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

III. Судебное засѣданіе Московскаго Окружнаго Суда.

Дѣло это слушалось 15 ноября 1901 года, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ члена суда *И. Н. Халютина* и членовъ *В. С. Андреева* и *А. А. Варгасова*. Обвиненіе поддреживалъ тов. прокурора *В. В. Цубербиллеръ*, защитникъ Модлинскаго прис. повѣренный *А. Р. Ледницкій*. Экспертами были профессора: *В. Ѳ. Снегиревъ*, *И. И. Дьяконовъ*, *И. И. Нейдингъ*, *П. А. Минаковъ* и полиц. врачъ *Нѣмцевъ*.

По прочтеніи обвинительнаго акта, на обычный вопросъ о виновности Модлинскій отвѣтилъ отрицательно. «Не могу», сказалъ онъ, «признавать себя виновнымъ въ такомъ преступленіи по той простой причинѣ, что я приступилъ къ операціи въ полной увѣренности на согласіе больной. По заведенному у насъ порядку, переговоры съ больными ведутъ ассистенты, операція эта не единственная на моей практикѣ, а потому спрашивать снова больную о ея согласіи въ данномъ случаѣ не было никакихъ основаній, особенно если принять въ соображеніе, что это было бы лишней каплей въ чашѣ ея страданій и могло только повліять крайне неблагопріятно на ея самочувствіе». Что же касается до печальнаго исхода операціи, то опять-таки въ этомъ надо винить не его: здѣсь имѣлъ мѣсто одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отвѣтственность за который не можетъ падать на человѣка. Онъ же, Модлинскій сдѣлалъ все, что было въ предѣлахъ его власти, чтобъ вырвать изъ объятій смерти Чернову, но, повидимому, ей было суждено умереть.

За симъ слѣдуютъ допросы свидѣтелей, причемъ первымъ былъ допрошенъ отецъ Черновой. Онъ подробно разсказалъ о своемъ приходѣ съ женой и больной дочерью въ лѣчебницу доктора Модлинскаго, куда, между прочимъ, его знакомые рекомендовали обратиться за совѣтомъ о болѣзни дочери. У послѣдней образовалась опухоль на шеѣ, значительно уродовавшая ея довольно красивое лицо. Въ лѣчебницѣ посовѣтовали имъ оставить дочь для производства надъ ней операціи удаленія опухоли, на что и было ими выражено согласіе. Опухоль была удалена, но, когда на слѣдующій день мать явилась за дочерью, ей сказали, что необходимо оставить дочь еще на нѣсколько дней. Никто однако не говорилъ женѣ его объ обнаруженной у больной опухоли въ животѣ, точно также никто не совѣтовался съ ней объ операціи 5-го марта, отъ которой Чернова и умерла. Когда свидѣтель явился самъ за дочерью, его не допустили даже къ ней на свиданіе ни въ первый разъ, ни вечеромъ, и лишь на другой день онъ увидѣлъ дочь, которая съ первыхъ же словъ стала посылать упреки по адресу родителей за то, что они позволили произвести надъ ней такую серьезную операцію. Это, конечно, сильно удивило свидѣтеля. Видъ больной произвелъ на него удручающее впечатлѣніе: она была блѣдна, какъ смерть, и въ тотъ-же день Богу душу отдала.

Жена Чернова въ общемъ подтвердила показанія мужа, указавъ, что о существованіи опухоли въ животѣ больной они и не подозрѣвали. Удалить же опухоль на шеѣ они согласились, потому что Пра-

сковья, дѣвушка красивая и здоровая, въ общемъ, не могла изъ-за этого выйти замужъ: опухоль ее уродовала.

Судъ послѣ нея допросилъ свидѣтеля Коцубея, ассистента доктора Модлинскаго. Онъ подтвердилъ, что обязанность испрашивать согласіе больныхъ на операцію и вообще вести съ ними переговоры по поводу операцій лежитъ на немъ. Въ данномъ случаѣ онъ долго уговаривалъ Чернову согласиться на лапоратомію, которая безусловно была необходима для спасенія больной. Послѣдняя долго не соглашалась, но черезъ нѣкоторое время дала свое согласіе. Когда больную приготовляли къ операціи, давали ей слабительное, накладывали бинтъ на животъ, то Чернова рѣшительно никому не жаловалась на то, что ее хотятъ оперировать безъ ея согласія. Ни одна изъ фельдшерицъ, по крайней мѣрѣ, не передавала ему, Коцубею, объ этомъ, а онъ не говорилъ и Модлинскому. Когда же приступили къ операціи, было обнаружено, что у Черновой мезентеріальная киста, которая вслѣдствіе утонченности стѣнокъ лопнула, и содержимое вылилось. Сейчасъ же Модлинскій принялъ всѣ мѣры къ удаленію жидкости, но вѣроятно, осталось нѣсколько капель, отъ которыхъ и произошло септическое воспаленіе брюшины. Единственнымъ средствомъ спасти больную было произвести вторичную лапоратомію, но это не помогло, не смотря на то, что все было сдѣлано для предотвращенія грозившей опасности: больная 10 марта умерла. Родители же покойной неоднократно бывали въ лѣчебницѣ и даже благодарили Модлинскаго: не надо забывать, что всѣ операціи производились безплатно.

Второй ассистентъ Модлинскаго, докторъ Неймаркъ, показалъ, что онъ при всѣхъ операціяхъ хлороформировалъ больную. По его мнѣнію, согласіе было выражено, иначе къ операціямъ не приступилъ бы хирургъ, да и изъ служащихъ въ лѣчебницѣ никто не говорилъ ему о несогласіи больной на операцію.

Тутъ, между прочимъ, Модлинскій, не будучи въ состояніи переносить тягости своего положенія, сталъ говорить снова и, весь дрожа отъ волненія, разсказалъ о томъ, что онъ переживалъ, когда обнаружилъ у Черновой присутствіе опухоли въ животѣ. Онъ не виновенъ въ ея смерти, онъ отдалъ всю свою жизнь наукѣ дѣйствовалъ все время въ интересахъ Черновой, чтобы спасти ее. Черезъ его руки прошли десятки тысячъ больныхъ, онъ дѣлалъ самыя сложныя операціи, но здѣсь было что-то роковое. Два года онъ страдаетъ уже изъ этого дѣла, онъ слышитъ со всѣхъ сторонъ незаслуженныя обиды за то, что онъ хотѣлъ спасти человѣка, стоявшаго одной ногой у порога смерти. Отецъ

покойной называлъ его «живодеромъ, живорѣзомъ», но чувства отца одержали верхъ надъ его разумомъ, иначе онъ не оцѣнилъ бы такъ отношеній врача, отношеній, полныхъ любви къ страждущему, руководимыхъ однимъ желаніемъ избавить ее отъ страданій. Больше Модлинскій не могъ говорить и въ крайне подавленномъ состояніи тяжело вздохнулъ и оборвалъ свою рѣчь.

Изъ другихъ свидѣтелей были вызваны фельдшерицы Рейнгольдъ, Блау и Югаръ, няньки Кузнецова и Колпакова, врачи Князьковъ и Мокіевскій. Фельдшерицы не явились въ засѣданіе суда, представивъ суду уважительныя причины неявки. Судъ поэтому постановилъ огласить ихъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Характернымъ является то, что всѣ три фельдшерицы первоначально удостовѣряли наличность согласія Черновой и ихъ родителей на производство второй операціи и при первомъ допросѣ всѣ онѣ показали, что не знаютъ точно, давала ли прямо согласіе Чернова, но полагаютъ, что таковое было. При вторичныхъ же допросахъ онѣ, руководствуясь желаніемъ показать всю правду, скорѣе отрицали фактъ выраженія согласія, напротивъ того, выражали увѣренность, что Чернова и не подозрѣвала ничего о предстоящей операціи. Что касается до порядковъ, господствующихъ въ лѣчебницѣ Модлинскаго, гдѣ онѣ прежде служили, то, по мнѣнію свидѣтельницъ, многаго оставляютъ желать эти порядки. Больныхъ кормятъ плохо, обращаются довольно грубо какъ съ больными, такъ и со всѣмъ персоналомъ служащихъ.

Врачи Мокіевскій и Князьковъ показали, что они видѣли Чернову, когда у нея образовался перетонитъ. Операціи, сдѣланныя Модлинскимъ, на которыхъ свидѣтель Князьковъ присутствовалъ, произведены безукоризненно, съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и ловкостью. И если у Черновой была обнаружена мезентеріальная киста, то для Модлинскаго это было совершенной неожиданностью. Князьковъ хорошо помнитъ, какъ хирургъ былъ пораженъ, ощупавъ у больной опухоль въ животѣ, какъ осторожно вырѣзывалась опухоль, чтобы не повредить ничѣмъ и не задѣть организма больной, какъ киста лопнула и содержимое вылилось вслѣдствіе утонченности стѣнокъ, и это обстоятельство было роковымъ для Черновой.

Послѣ нихъ давали показанія няньки Колпакова и Кузнецова. Онѣ въ общемъ нисколько не выясняли инересовавшаго судъ вопроса о согласіи Черновой, и ихъ показанія оказались несущественными.

Показаніями послѣднихъ былъ законченъ допросъ свидѣтелей, и

судъ перешелъ къ допросу экспертовъ, профессора-гинеколога В. Ѳ. Снегирева, професоровъ И. И. Нейдинга и Дьяконова. Мнѣнія экспертовъ раздѣлились. Такъ, проф. В. Ѳ. Снегиревъ, настаивая на заключеніи, данномъ имъ при предварительномъ слѣдствіи при судебно-медицинской экспертизѣ, добавилъ лишь, что надъ Черновой не слѣдовало бы дѣлать вторичной операціи особенно потому, что больная страдала болѣзнію почекъ (церрозомъ), при такихъ же случаяхъ операціи чревосѣченія даютъ огромный процентъ смертности. Само собой разумѣется, согласіе больной или ея родителей было необходимымъ, и безъ такого согласія, по мнѣнію эксперта, къ производству операціи приступать нельзя. Смерть Черновой послѣдовало отъ гнойнаго воспаленія брюшины, такъ какъ содержимое кисты было весьма злокачественнаго свойства. Операція произведена была правильно Модлинскимъ, въ его рукѣ виденъ опытный хирургъ, но жизненныхъ показаній на операцію, произведенную вторично имъ, экспертъ не усматриваетъ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ того, чтобы Чернова страдала отъ опухоли въ животѣ, чтобы эта опухоль быстро увеличилась и стѣсняла больную, а потому она не было неотложной. По мнѣнію же остальныхъ экспертовъ, Нейдинга и Дьяконова, поведеніе Модлинскаго является вполнѣ согласнымъ съ требованіями хирургіи. Было бы очень преступно со стороны хирурга ждать показаній на операцію, и они вполнѣ понимаютъ Модлинскаго. Что Чернова все-таки умерла, это одинъ изъ несчастныхъ случаевъ въ хирургіи, но здѣсь важно было не пропустить минуты, а это сдѣлано имъ. Экспертамъ между прочимъ предлагались вопросы защитникомъ, достаточно ли согласіе 18-ти лѣтней дѣвушки не производство операціи, на что отвѣтъ былъ данъ утвердительный.

На этомъ и закончилось судебное слѣдствіе. Судъ приступилъ къ преніямъ сторонъ. Слово было предоставлено обвинителю въ лицѣ товарища прокурора Цубербиллера. «Нелегкое предстоитъ суду дѣло», началъ свою рѣчь представитель обвиненія. Нелегкое оно не только по послѣдствіямъ, какія оно имѣло для Черновой, но и потому, что дѣло это единственное въ русской судебной практикѣ: суду приходится высказаться впервые по вопросу, не разрѣшавшемуся ни въ литературѣ, ни въ практической дѣятельности. Сенатъ, насколько мнѣ извѣстно, также не высказывался по этому поводу. Докторъ П. И. Модлинскій обвиняется въ томъ, что онъ произвелъ операцію безъ согласія больной и ея родителей, послѣдствіемъ коей была смерть ея, а это предусмотрѣно 142 ст. уст. о нак. и 1466 улож. Дѣяніе его заключаетъ въ себѣ два элемента: оно, во-первыхъ, дѣя-

ніе самоуправное, а, во-вторыхъ, закономъ воспрещенное. Что онъ совершилъ операцію, не получивъ на это согласія, это явствуетъ изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній. Отецъ и мать покойной, свидѣтельницы Рейнгольдъ, Блау и Югаръ, а также няньки Кузнецова и Колпакова—всѣ онѣ сходятся на утвержденіи этого факта. Правда, нѣкоторыя изъ свидѣтельницъ первоначально показали одно, а затѣмъ другое, но именно послѣднее заслуживаетъ довѣрія, въ виду того именно, что прежнія отношенія свидѣтельницъ къ Модлинскому не позволяли имъ «говорить всю правду», выражаясь собственными ихъ словами. Вотъ почему, не подлежитъ сомнѣнію, что Модлинскій дѣйствовалъ на собственный страхъ и рискъ. Отсутствіе согласія доказывается и дальнѣйшими показаніями другихъ свидѣтелей. Ассистентъ Коцубей, давъ намъ крайне неустойчивыя и разнорѣчивыя показанія, ничуть но доказалъ того, что имъ было испрошено согласіе. Напротивъ того, Чернова долго не соглашалась, родители ея, повидимому, ничего не знали о предстоящей операціи, съ ними никто не совѣтовался, имъ никто не говорилъ о предстоящей операціи, никто не говорилъ даже о приготовленіяхъ къ операціи, объ обнаруженной Модлинскимъ опухоли въ животѣ больной, а эти слова заслуживаютъ полной вѣры, такъ какъ они проникнуты простотою и непосредственностью.

Но перейдемъ къ показаніямъ экспертовъ. Мнѣнія ихъ, правда не сходятся вполнѣ. Одинъ изъ нихъ не призналъ необходимости въ немедленномъ производствѣ операціи и даже, наоборотъ, утверждаетъ, что жизненныхъ показаній не имѣлось, а болѣзнь почекъ, которою она страдала, еще больше должна было остановить рѣшительную руку хирурга. Другіе же два эксперта склонны видѣть въ поведеніи Модлинскаго опытнаго хирурга, который принялъ сейчасъ же мѣры къ спасенію больной, не дожидаясь показаній на операцію. Я не могу судить о томъ, кто изъ экспертовъ правъ, чье мнѣніе заслуживаетъ бо̀льшаго уваженія, но для меня несомнѣннымъ представляется лишь одно: ни согласія больной, ни ея родителей не послѣдовало, а это обстоятельство даетъ право суду не стать на сторону Модлинскаго. Онъ совершилъ посягательство на правовую сферу человѣка, на его жизнь, правда, во имя науки, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ или иныхъ цѣлей, но судъ долженъ оградить общество отъ такихъ посягательствъ. Никто безъ согласія человѣка не можетъ посягнуть на его правовую сферу. Врачъ не можетъ лѣчить больного безъ его согласія, а тѣмъ менѣе подвергать его опе-

раціонному ножу. Я не отрицаю, Модлинскій, быть можетъ, прекрасный хирургъ, произведшій всѣ операціи по всѣмъ требованіямъ науки; онъ можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, убѣжденный въ своей правотѣ, но онъ забылъ одно, что жизнь человѣка—это высшее благо и что каждый самъ воленъ въ своей жизни или смерти, что онъ самоуправно распорядился жизнью Прасковьи Черновой и что за это онъ долженъ понести наказаніе.

Защитникъ, присяжный повѣренный Ледницкій произнесъ слѣдующую рѣчь:

Гг. судьи! Я не могу скрыть отъ васъ того смущенія, въ которомъ нахожусь. Смущеніе это достигло крайнихъ предѣловъ, когда пришлось выслушать и разъяснить цѣлый рядъ научныхъ вопросовъ, въ которыхъ я являюсь профаномъ, которые исходятъ изъ чуждой намъ области медицинской науки. Я смущенъ еще и потому, что вопросъ, который предстоитъ вамъ рѣшить, вопросъ первостепенной важности.

Здѣсь судятъ не Модлинскаго, человѣка и гражданина, преступившаго общую для всѣхъ уголовную норму, а судятъ Модлинскаго—врача, хирурга, члена и представителя той профессіи, на которую законъ возлагаетъ обязанность охранять высшее благо человѣка—жизнь и здоровье, жизнь и здоровье всѣхъ насъ, всего общества. Вотъ почему въ исходѣ процесса заинтересовано все общество, всѣ мы—его члены и представители. Вотъ почему нужно особенно осторожно подойти къ разрѣшенію этого вопроса, вашъ приговоръ не долженъ быть постановленъ поспѣшно, онъ не долженъ разойтись съ закономъ, съ общественнымъ мнѣніемъ; вѣдь, сегодня, быть можетъ, врачебная дѣятельность будетъ втиснута въ такія рамки, поставлена въ такія условія. которыя тяжело отзовутся на правахъ врачей и на ихъ обязанностяхъ.

Я смущенъ, но съ годами совмѣстнаго труда я пришелъ къ убѣжденію, что передъ нашимъ судомъ все сказанное въ защиту будетъ принято во вниманіе, будетъ взвѣшено, что передъ нимъ блѣднѣютъ и меркнутъ всѣ, быть можетъ, талантливо нарисованные тѣневые виды принципіальныхъ, неразрѣшенныхъ судебной практикой вопросовъ, а лишь яркимъ свѣтомъ озаряется одна увлекающая судъ картина—справедливости, и я смѣло берусь за свою задачу.

Я защищаю д-ра Модлинскаго, котораго обвиняютъ въ самоуправствѣ, причемъ это обвиненіе осложняется ссылкой на другую статью, трактующую о совершеніи дѣяній, закономъ воспрещенныхъ. послѣдствіемъ которыхъ была смерть.

Въ хирургическую клинику Модлинскаго на Ордынкѣ 1-го марта пришла 18-лѣтняя крестьянская дѣвушка, Прасковья Чернова, дочь бѣднаго извозчика, и просила удалить портившую ея красоту, бывшую у нея на шеѣ опухоль.

Принимавшій Чернову ассистентъ Модлинскаго д-ръ Коцубей нашелъ, что опухоль кистознаго происхожденія и предложилъ больной и сопровождавшимъ ее родителямъ операцію. Черновы на это согласились и операція въ тотъ же день была произведена вполнѣ благополучно Модлинскимъ. Чернова по бѣдности была принята въ лѣчебницу безплатно.

Во время подробнаго изслѣдованія больной передъ операціей на шеѣ, д-ръ Модлинскій обнаружилъ у Черновой другую опухоль также кистознаго происхожденія въ полости живота; изслѣдовавъ опухоль, Модлинскій, какъ врачъ и хирургъ, пришелъ къ глубокому убѣжденію, что Черновой грозитъ опасность, что ее нужно спасти отъ неминуемой смерти, удаливъ кисту въ животѣ. Это сознаніе опасности больной и своего врачебнаго долга заставили Модлинскаго совершить тѣ дѣйствія, которыя по своимъ знаніямъ, закону и совѣсти онъ считалъ необходимыми и которыя сегодня ему вмѣняются въ вину, какъ преступное, наказуемое закономъ, дѣяніе.

Здѣсь свѣтила медицинской науки намъ разъяснили, что за операція была сдѣлана Модлинскимъ и что за опухоль была имъ удалена. Они установили, что нахожденіе въ организмѣ Черновой болѣзненнаго процесса, существованія и развитія кисты ежеминутно грозило опасностью для жизни Черновой, что можно было каждую минуту ожидать рокового исхода.

А если Модлинскій, какъ врачъ, спеціалистъ, посвятившій всю свою жизнь изученію медицинской науки и служенію ей, пришелъ къ убѣжденію, что опухоль у Черновой была такого свойства, что ее необходимо было оперировать, то можемъ ли, гг. судьи, мы, юристы по своей спеціальности, мало компетентные, мало свѣдущіе въ медицинской наукѣ, подвергать критикѣ, убѣжденіе врача, основанное на спеціальныхъ знаніяхъ, придти къ другому выводу и осудить Модлинскаго?

Я понимаю, если бы Модлинскій судился за то, что онъ отступилъ отъ обязательныхъ для хирурговъ требованій науки, если бы онъ обнаружилъ незнаніе или небрежность, то могла бы быть рѣчь о его виновности; но вѣдь допросомъ свидѣтелей и экспертовъ установлено, что ничего подобнаго не было, что будучи правильно убѣжденнымъ въ необходимости удаленія опухоли Черновой и имѣя ее

во время первой операціи на операціонномъ столѣ, подъ ножемъ, онъ не сдѣлалъ, однако, этого и только потому, что больная не была предупреждена объ операціи, не была къ ней готова.

Больную привели въ сознаніе, ее опросили и получили, по словамъ Копубея, согласіе и затѣмъ снова приготовили къ операціи, которая и была произведена 5-го марта.

Здѣсь на минуту надо остановиться на томъ фактическомъ матеріалѣ, который имѣетъ серьезнѣйшее, почти рѣшающее въ этомъ дѣлѣ значеніе.

Не разъ мнѣ приходилось задумываться вообще надъ превратностью судьбы, надъ въ высшей степени трагическимъ, тяжелымъ положеніемъ человѣка, попавшаго подъ судъ.

Скамья подсудимыхъ, хотя бы на ней человѣкъ очутился по несчастному стеченію обстоятельствъ, хотя бы онъ не совершилъ ничего позорнаго, сразу мѣняетъ его положеніе.

Вчера онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ, для многихъ былъ авторитетомъ, которому вѣрили и слушались, а сегодня его словамъ противопоставляются показанія уволенной прислуги; присяжному показанію, честному слову врача не вѣрятъ, а настаиваютъ на достовѣрности безприсяжныхъ, трижды мѣнявшихся показаній выгнанныхъ нянекъ.

Модлинскій распоряжался жизнью многихъ сотенъ людей, спасъ многихъ отъ смерти, за нимъ стоитъ масса благодарныхъ паціентовъ, но ему не вѣрятъ. Тщетно онъ здѣсь заявляетъ, что ему и въ голову не могло придти, что Чернова не желаетъ операціи. Врачъ Копубей подъ присягой убѣжденно говоритъ, что онъ совѣтовалъ Черновымъ согласиться на операцію, что Черновы не сразу согласились, что на другой день дали свое согласіе, что Прасковья хорошо знала о готовящейся операціи и ничѣмъ своего протеста не выражала, что онъ же сказалъ Модлинскому, что Чернова согласилась на операцію, что у нихъ въ лѣчебницѣ бывали случаи, когда больные не соглашались на операціи, и таковыя не дѣлались, что лапоратомія часто дѣлается въ ихъ клиникѣ, что научнаго интереса для Модлинскаго она не представляетъ, что Модлинскій совершенно безкорыстно, съ единственной цѣлью спасти жизнь больной, сдѣлалъ операцію,—ему также не вѣрятъ, его слова выкидываютъ за бортъ безъ всякихъ основаній, голословно заявляютъ, что врачъ Копубей лгалъ, говорилъ неправду на судѣ. Но есть такія показанія, которыя сами за себя говорятъ, довѣріе къ которымъ ничѣмъ не подорвешь,—это объективныя, фактическія данныя.

И если мы прослѣдимъ ихъ, то станетъ ясной картина болѣзни Черновой и операціи, станетъ понятно, къ кому съ большимъ довѣріемъ надо относиться—къ тому ли, кто по своему положенію врача вправѣ на большее довѣріе, или къ тѣмъ, кто трижды мѣнялъ показанія, кто однажды во всякомъ случаѣ сказалъ неправду, кто въ своемъ родительскомъ горѣ быть можетъ утратилъ чувство справедливости.

Прасковья Чернова была помѣщена въ общую хирургическую палату, т. е. въ комнату, гдѣ лежали больные, перенесшіе операцію и готовящіеся къ ней.

Я не знаю, случалось ли вамъ бывать въ больницахъ. Еще студентомъ я бывалъ въ клиникахъ и знакомился съ жизнью въ нихъ.

Хирургическая палата—это тѣсно сплоченная семья, живущая одной общей жизнью; здѣсь только и разговора, что объ операціяхъ. Перенесшіе ее со всѣми подробностями разсказываютъ объ испытанныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, съ какимъ-то злорадствомъ передаютъ жадно слушающимъ товарищамъ по несчастью, со страхомъ ожидающимъ своего дня, о томъ, что ихъ ждетъ, что надъ ними будутъ дѣлать. А тѣ,—тѣ съ любопытствомъ, съ ужасомъ и страхомъ разспрашиваютъ о мельчайшихъ подробностяхъ операціи, о томъ, что и когда дѣлаютъ. И вотъ въ такой обстановкѣ, гдѣ лежали трудно больные, Чернова живетъ четыре дня, готовясь къ операціи и ничего не знала. Да мыслимо ли это? Ее готовили 2 дня, въ этомъ спору нѣтъ. Ей ставили клизму, давали слабительное и мыли,—вы помните, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ ее мыли—ужъ это одно должно было убѣдить 18-лѣтнюю дѣвушку, что не на шеѣ ей будутъ дѣлать операцію; ей брили волосы, наложили на животъ бинтъ. И все-таки Чернова не знала объ операціи? Чернова, которая уже перенесла операцію, которая испытала всѣ приготовленія, которой каждый день по нѣсколько разъ дѣлали перевязку раны на шеѣ? Очевидно, это неправдоподобно, невѣроятно. А разъ она знала, что ей будутъ дѣлать операцію, то чѣмъ же выразила свой протестъ?

Гдѣ же доказательства?

Но до момента операціи все шло гладко, хорошо, никто не спорилъ. Приготовили больную, перенесли въ операціонную комнату изъ общей палаты на носилкахъ: неужели и эту минуту не знала Чернова, что ее ждетъ? Не знала того, что было извѣстно каждому больному? Я утверждаю, что этого не можетъ быть, не только вслѣдствіе психологическаго анализа душевнаго состоянія больныхъ, лежащихъ въ одной палатѣ, а и потому, что слѣдственная власть

не представила на судъ этихъ больныхъ. Развѣ обвиненіе не имѣло возможности этого сдѣлать? почему же оно не сдѣлало? да потому, что больныхъ, полезныхъ обвиненію, не было и нѣтъ.

Хлороформировали Чернову въ присутствіи цѣлой массы врачей, фельдшерицъ, прислуги. Отчего она тутъ не кричала, не протестовала? Оттого, что согласна была, оттого, что сознавала то, что съ ней будутъ дѣлать.

Да развѣ можно допустить, чтобы Модлинскій рискнулъ представить въ операціонную комнату, гдѣ находились посторонніе врачи, фамилій которыхъ врачи-ассистенты даже не знали, которыхъ было болѣе десяти, показать больную, которая закричала бы, что она не согласна на то, чтобы ее рѣзали, что противъ ея воли ее сюда принесли! Какъ же поступаетъ Модлинскій послѣ операціи, когда увидѣлъ, что киста лопнула, что Черновой грозитъ опасность? Если бы операція была сдѣлана безъ воли и вѣдома Черновой, естественно онъ постарался бы скрыть слѣды, удалить лишнихъ свидѣтелей.

Но Чернову положили опять въ ту же общую палату, не побоялись свидѣтелей, всѣхъ родныхъ пускали, не скрывали положенія больной.

Что же, жаловалась больная постороннимъ на то, что ее безъ ея вѣдома оперировали? Но свидѣтелей такихъ обвиненіе не дало. Значитъ ихъ нѣтъ. Няньки да родители, родители да няньки!

Вотъ тѣ фактическія обстоятельства, которыя едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что Чернова и ея родители хорошо знали о предстоящей операціи и противъ производства ея не возражали.

Но мнѣ здѣсь нужно остановиться на показаніи фельдшерицы Блау, которому г. прокуроръ придаетъ такое большое значеніе. Свидѣтельница говоритъ, что очнувшись послѣ операціи, больная металась и жаловалась, громко кричала и плакала. Нужно остановиться и на показаніяхъ родителей Черновой.

Г. г. судьи, вы люди жизни, вы хорошо знаете тѣ условія, при которыхъ приходится врачу работать. Я не знаю, случалось ли вамъ имѣть у себя дома врача, когда серьезно боленъ близкій вамъ человѣкъ, когда врачъ спасаетъ вашего ребенка, дорогого вамъ, сердечно любимаго больного человѣка.

Какъ постоянно въ зависимости отъ хода болѣзни мѣняется положеніе врача! Больному лучше,—врачъ дорогой другъ, не знаютъ, какъ его благодарить! Больному хуже,—недовѣріе, гнѣвъ, часто злоба—вотъ тѣ чувства, которыя идутъ на смѣну дружбѣ и уваженію!

Больной умеръ—врача готовы ненавидѣть.

Люди интеллигентные, культурные, съ высоко развитымъ чувствомъ справедливости, и то не всегда могутъ сдержать эти несправедливыя, родящіяся въ душѣ человѣка чувства. А толпа, толпа некультурная, Черновы, сѣрые мужики съ ихъ врожденнымъ предубѣжденіемъ противъ врачей, тѣ прямо обвиняютъ врача въ убійствѣ, хотя онъ не покладая рукъ спасалъ человѣка!

Прочтите «Записки врача», Вересаева. Это выстраданныя, стонущіи строки врача-литератора.

Вы увидите, что врачъ по лицамъ встрѣчающихъ его въ передней узнаетъ о положеніи больного.

Глаза встрѣчающихъ свѣтятся радостью, любовью — больному лучше; но ночью ребенка лихорадило и на утро мать ненавистнымъ взглядомъ провожаетъ врача въ комнату больного; мальчику къ вечеру лучше стало, врачъ лучшій другъ, со слезами радости и любви на глазахъ мать благодаритъ врача, не знаетъ мѣры въ восхваленіи его ума, знаній и добросовѣстности!

Въ этомъ горечь врачебной профессіи, въ этомъ и ея услада!

Вотъ и я, гг. судьи, защищаю по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія, вкладываю душу въ свою защиту... пошли совѣщаться—меня хвалятъ, благодарятъ, но вынесли обвинительный приговоръ—я виноватъ, плохо защищалъ!

«Горе побѣжденнымъ» и «побѣдителей не судятъ» вотъ девизъ нашихъ профессій!

Блау говоритъ, что Чернова послѣ операціи металась, жаловалась и плакала.

Да что же въ этомъ удивительнаго? Вѣдь ей только-что сдѣлали тяжелую, болѣзненную операцію, каждый фибръ ея организма нылъ и страдалъ; что же страннаго въ томъ, что ей свѣтъ былъ не милъ, что она обвиняла ближайшаго виновника ея страданій—доктора? Да, она страдала, плакала и кричала; но этотъ стонъ больного, измученнаго человѣка нельзя ставить въ доказательство вины того, кто его спасалъ. Жаловались послѣ операціи и Черновы, собрали толпу и кричали: дочь зарѣзали! Но вѣдь это такъ понятно; люди необразованные, люди слѣпые, какъ говоритъ самъ Черновъ, они въ своемъ горѣ обвиняли врача въ томъ, что онъ убилъ ихъ дочь. Обвинитель не только утверждаетъ, что на производство операціи необходимо согласіе больного, но требуетъ неоспоримыхъ доказательствъ полученія таковаго, не довѣряя присяжнымъ показаніямъ врачей, заявленію и увѣренію самого обвиняемаго.

Вотъ почему вашъ приговоръ можетъ измѣнить дѣятельность вра-

чей и многіе изъ нихъ будутъ поставлены въ совершенно невозможное положеніе, если къ нимъ будутъ предъявляться со всей строгостью закона о доказательствахъ требованія представлять таковыя въ полученіи согласія на операціи. Вѣдь тогда врачъ долженъ запасаться письменными разрѣшеніями, пожалуй засвидѣтельствованными у нотаріуса.

Да и какъ же врачу поступить? Здѣсь, въ столицѣ, въ блестяще устроенной клиникѣ онъ очутился въ положеніи обвиняемаго, не могущаго доказать своей невиновности. Что же будетъ съ десятками тысячъ врачей, которые работаютъ въ глухихъ городахъ, селахъ, земствахъ? Что будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больной безграмотный, когда ему нельзя сказать о неизбѣжности операціи? А что, если онъ не согласится и умретъ, не потому, что хочетъ умереть, а потому, что хочетъ жить. И вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ спасти эту жизнь?

Сколько же вреда приноситъ обществу такая система, стѣсняющая врачей въ отправленіи ими своихъ священнѣйшихъ обязанностей! Какъ отразится прежде всего на обществѣ, на массѣ, сѣрой массѣ, которая первая принесетъ многочисленныя жертвы этой системѣ, людей, умирающихъ на законномъ основаніи!

Но въ немъ же вина Модлинскаго съ точки зрѣнія уголовнаго закона?

Для насъ юристовъ, для людей привыкшихъ работать и разсматривать поступки людей подъ вліяніемъ положительнаго закона, нужны точныя доказательства того, что данное дѣяніе противозаконное и что оно наказуемо.

Nullum crimen, nulla poena sine lege.

Устраните одинъ изъ двухъ этихъ элементовъ состава преступленія, противоправность или наказуемость,—и преступленія не будетъ. Модлинскаго обвиняютъ по 142 ст. Уст. о нак., т. е. въ самоуправствѣ и по 1466 ст. Улож., т. е. въ совершеніи дѣянія, закономъ воспрещеннаго.

Первая изъ этихъ статей предусматриваетъ самоуправство или насиліе, но безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчія.

Отсюда выводъ, что для состава самоуправства нужно самоуправное осуществленіе помимо установленныхъ властей воображаемаго или дѣйствительнаго права.

Но развѣ операція есть право хирурга?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо остановиться на дѣйствующихъ законоположеніяхъ, нормирующихъ дѣятельность врача.

Что такое врачъ?

Врачъ есть лицо, обладающее специальными знаніями и обязанное лечить больныхъ.

Жизнь и здоровье есть безспорно высшее благо человѣка, но въ то же время жизнь каждаго гражданина—интересъ государства.

Вотъ почему государство пользуется прерогативой государственной власти и въ своемъ политическомъ интересѣ учреждаетъ особое сословіе врачей, помимо которыхъ никто не вправѣ лечить и которые обязаны врачевать всѣхъ, къ нему обращающихся.

Вручая лекарю дипломъ, государство отбираетъ отъ него присягу свято исполнять свой долгъ, а долгъ врача, говоритъ законъ—81 и 82 стт., т. XIII—лечить больныхъ. Это же подтверждается и ст. 690 Уст. Мед. Полиц. и 872 ст. Улож. о Нак.

Такимъ образомъ спасеніе жизни людей, охрана ихъ здоровья составляетъ первѣйшую обязанность врачей, какъ агентовъ государства. А если это такъ, то развѣ можетъ быть рѣчь о правѣ врачей лечить. Здѣсь исполненіе обязанностей, возложенныхъ закономъ и совѣстью, а не самовольное осуществленіе воображаемаго права, помимо установленныхъ властей, какъ этого требуетъ составъ самоуправства.

Мнѣ напрашивается здѣсь одно сравненіе. Представители прокурорскаго надзора по праву считаютъ себя общественными хирургами которые въ цѣляхъ оздоровленія общественнаго организма удаляютъ порочныхъ, вредныхъ членовъ, какъ бы отрѣзая ихъ. Что если прокуроръ въ этомъ исполненіи своей обязанности выйдетъ за предѣлы данной ему государствомъ власти, развѣ онъ совершитъ самоуправство. Очевидно нѣтъ—онъ можетъ совершить особый проступокъ, предусмотрѣнный специальнымъ закономъ: превышеніе власти, бездѣйствіе и т. п.—но не самоуправство.

Я, адвокатъ, имѣю общую довѣренность кліента, но не уполномоченъ специально вести данное дѣло. Пользуясь формальнымъ правомъ защищать интересы кліента, я вступилъ и въ это дѣло: дѣло проиграно, кліентъ сѣтуетъ, зачѣмъ я самовольно выступилъ въ защиту его интересовъ. Что же я совершилъ самоуправство? нѣтъ. Я исполняю свои профессіональныя обязанности и въ предѣлахъ таковыхъ могу совершить профессіональное преступленіе, злоупотребленіе довѣріемъ и т. п., но не общее преступленіе, не самоуправство.

Такъ и врачъ. У него одно право—получить вознагражденіе за трудъ и у него одна обязанность—лечить, по первому зову: его можно ночью съ постели поднять къ ложу больного и онъ не вправѣ отказать. А что такое хирургическая операція? вѣдь это то же лекарство,

сильно дѣйствующее, но даваемое въ предѣлахъ требованія медицинской науки.

Вопросъ о наказуемости хирургической операціи, не разрѣшенный совершенно нашимъ закономъ, возбуждался въ юридической литературѣ и разно разрѣшался. Одни считаютъ, что хирургическая операція есть видъ тѣлесныхъ поврежденій, нанесеніе тяжкихъ ранъ, но нанесенная врачемъ она не наказуема, такъ какъ врачъ вправѣ дѣлать операцію—отсутствуетъ элементъ противозаконности. Другіе полагаютъ, что вообще хирургическая операція, какъ лѣченіе, не наказуема,—отсутствуетъ умыселъ. Наконецъ, третьи требуютъ наказанія при наличности dolus eventualis—небреженія, плохого ухода за больнымъ. Но теоретическія изслѣдованія слишкомъ далеко меня увлекутъ и я возвращаюсь къ данному случаю. Но не могу, однако, не замѣтить, что послѣдовательнѣе было бы примѣнять и къ Модлинскому законъ о нанесеніи тяжкихъ ранъ, по крайней мѣрѣ, здѣсь хоть одинъ объективный признакъ присутствуетъ, а въ самоуправствѣ и этого нѣтъ. Мнѣ кажется доказаннымъ, что врачъ, производя операцію, исполняетъ долгъ, но не осуществляетъ самовольно воображаемаго права.

Теперь посмотримъ, есть ли второй элементъ самоуправста—насиліе. Намъ говорятъ, что моментомъ насилія слѣдуетъ считать хлороформированіе. Но хлороформированіе есть составная часть операціи, нельзя же расчленять одно и то же дѣяніе на отдѣльныя составныя части: такимъ образомъ все что угодно можно доказать. Одно изъ двухъ: или операція наказуема, или же нѣтъ. Если нѣтъ, то не можетъ быть преступнымъ элементомъ и хлороформированіе. Возьмемъ примѣръ. Я нанесъ рану ножемъ, но прежде чѣмъ ударить, я взялъ за рукавъ; значитъ; я совершилъ преступленіе; конечно, нѣтъ. Это часть одного дѣянія—нанесенія ранъ, а не самостоятельное дѣйствіе. Отсутствуетъ и третье требованіе, предъявляемое къ самоуправству теоріей, чтобы оно не переходило въ другое преступленіе. Но вѣдь обвиненіе одно и тоже дѣйствіе—операцію—подводитъ и подъ 1466 ст. Улож. Значитъ, это дѣйствіе перешло въ другое болѣе тяжкое преступленіе и имъ поглощено.

Здѣсь очевидное противорѣчіе: одно изъ двухъ или самоуправство или совершеніе дѣянія, закономъ воспрещеннаго. Ссылка на 28 ст. Улож. положенія не мѣняетъ. Статья эта не примѣнима къ настоящему случаю. Она предусматриваетъ одинъ видъ проступка, указаннаго въ Уст. о Нак. и исходящаго въ составъ родового понятія, предусмотрѣннаго Улож. о Нак. и, мнѣ кажется, о самоуправствѣ не можетъ быть и рѣчи.

Теперь есть ли возможность примѣненія 1466 ст. Улож. о Нак.

И буквальный текстъ закона и сенатская практика требуютъ для примѣненія этой статьи нарушенія особо существующаго, ограждающаго личную безопасность и общественный порядокъ, постановленія.

Гдѣ же оно?

Развѣ существуетъ законъ, воспрещающій производство операціи? но вѣдь это закономъ дозволенное лѣченіе больного.

Развѣ есть законъ, предписывающій врачу испрашивать согласіе на производство операціи? Обвиненіе его не приводитъ, а я его не знаю.

Ссылаются на мнѣніе медицинскаго департамента, но вѣдь это учрежденіе административное, законовъ не издающее, и его мнѣнія для меня не обязательно.

Предъ волею законодателя мы склоняемся, а не предъ заключеніями административныхъ мѣстъ и лицъ.

Такое же значеніе имѣютъ слова экспертовъ. При всемъ моемъ къ нимъ уваженіи я долженъ сказать, что я не раздѣляю ихъ взгляда. Я думаю, что они ошибаются. Указываютъ на этику врачебную. Да развѣ есть какая-то особая, отличная отъ общечеловѣческой, основанной на принятыхъ правилахъ нравственности и морали, врачебная, адвокатская этика.

Такой нѣтъ. Политика—да, но не этика.

Я думаю, что могутъ въ жизни встрѣтиться случаи, когда врачъ по долгу совѣсти обязанъ совершить операцію помимо согласія больного или его окружающихъ, его опекуновъ.

У меня въ рукахъ брошюра д-ра Соколова. Она замѣчательна, между прочимъ тѣмъ, что снабжена эпиграфомъ: «отъ сумы да тюрьмы не отказывайся», это врачъ пишетъ, къ себѣ относитъ. И дѣйствительно, рѣдко къ кому больше слова эти относятся, какъ къ врачу; каждый изъ нихъ рискуетъ ежедневно очутиться на скамьѣ подсудимыхъ.

Д-ръ Соколовъ приводитъ въ своемъ докладѣ, разсматривавшемся на шестомъ Пироговскомъ съѣздѣ русскихъ врачей, нѣсколько случаевъ, гдѣ врачъ стоялъ лицомъ къ лицу съ дилеммой, спасти ли жизнь человѣку, или сохранить свою свободу и спокойствіе. Въ больницу приносятъ ребенка, задыхающагося отъ дифтерита зѣва; только немедленная операціи можетъ спасти ему жизнь, но мать, невѣжественная крестьянка, не согласна.

Что же врачъ, какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, не обязанъ вырвать изъ рукъ безумуной матери, желающей жизни ребенка, но

убивающей его своимъ невѣжествомъ, сдѣлать трахеотомію и спасти его отъ смерти? Такъ врачъ и поступилъ—ребенокъ остался живъ. Другой случай Д-ръ Кеслеръ въ «Петер. Медицин. Журналѣ» разсказываетъ слѣдующее. Въ клинику поступила женщина, у которой была гангрена ноги. Хирургъ находилъ необходимымъ немедленно отнять ногу. Мужъ не согласенъ—говоритъ: «на что мнѣ жена съ одной ногой, пускай лучше умираетъ». Врачъ не рѣшился насильно сдѣлать операцію и больная умерла.

Кто же, по вашему, господа Судьи, изъ двухъ врачей былъ правъ?

Профессоръ Энгельманъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда родители, опекуны, сами больные невѣжественны или проявляютъ преступный умыселъ и потому не позволяютъ произвести операцію, то врачъ обязанъ ее сдѣлать насильно.

Я думаю, что эту обязанность врача и вытекающія отсюда его права можно обосновать и съ юридической точки зрѣнія.

Жизнь каждаго изъ насъ есть высшее благо, но въ то же время это интересъ государства. И когда сталкиваются двѣ власти: моя, какъ распорядителя своимъ «Я» и врача, какъ представителя государства, призваннаго охранять жизнь гражданъ, то преимущество должно быть на сторонѣ врача. Отсюда не слѣдуетъ, что врачъ имѣетъ право всегда насильно лѣчить. Нѣтъ, государственная политика предоставляетъ каждому о себѣ заботиться и посему врачи обязаны по приглашенію больныхъ лѣчить, но это право заботиться о себѣ ограничивается своею личностью, а не здоровьемъ малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ опекаемыхъ, а, во, вторыхъ, ограничивается моментомъ приглашенія врача для опредѣленной цѣли и приступленія къ исполненію имъ своей обязанности. Больная поступила въ больницу, врачъ отвѣчаетъ за ея здоровіе и обязанъ все сдѣлать для спасенія ея жизни. Въ фактѣ поступленія въ больницу можно видѣть подчиненіе знанію и уму врача, его лѣченію.

Чернова лежала въ клиникѣ Модлинскаго. Что если онъ, не сдѣлавъ операціи, выпустилъ изъ больницы, а на порогѣ ея у Черновой лопнула киста. Что же, тогда не примѣняли бы къ врачу обвиненія по 1616 ст. Ул. о Нак. или по какой-нибудь другой.

Правъ д-ръ Соколовъ, говоря: не довернется—бьютъ, перевернется—опять бьютъ.

И чтожъ, можно сегодня Модлинскаго обвинять въ томъ, что онъ сдѣлалъ то, что считалъ нужнымъ сдѣлать, и сдѣлалъ прекрасно. Хирургія есть наука, говоритъ Вересаевъ; но это въ то же время и искусство, требующее творчества, не поддающееся шаблону.

Мнѣ кажется, я съ достаточной ясностью доказалъ невозможность примѣненія 142 ст. и 1466 ст., но Суду принадлежитъ право устанавливать свои квалификаціи дѣянія и посему я долженъ разсмотрѣть возможность примѣненія 1468 ст. Улож. о Нак., т. е. той, по которой Модлинскій первоначально привлекался. Статья эта имѣетъ въ виду совершеніе дѣянія явно неосторожнаго, послѣдствіемъ чего была смерть. Модлинскій сдѣлалъ операцію, но развѣ операція есть дѣяніе неосторожное? Очевидно нѣтъ. Неосторожность усматриваютъ въ томъ, что согласіе не испрошено.

Но вѣдь для состава преступленія по данной статьѣ нужно, чтобы дѣяніе, какъ физическое дѣйствіе, было неосторожнымъ, а здѣсь неосторожность пріурочиваютъ къ психологическому моменту—дачѣ согласія.

Кромѣ того, нужна причинная связь между дѣяніемъ и смертью. Неосторожность заключается въ отсутствіи согласія на операцію, отъ чего послѣдовала смерть. Значитъ, логическое послѣдствіе изъ этого будетъ таково, что если бы операція была сдѣлана съ согласія, то больная осталась бы жива. Но вѣдь это явный абсурдъ.

Мнѣ говорятъ, да, но согласіе не было бы дано, операція не была бы сдѣлана, а отъ чего умерла бы Чернова, остается неизвѣстнымъ.

Такими разсужденіями можно доказать наличность неосторожности въ чемъ угодно и гдѣ угодно.

Я послалъ прислугу съ письмомъ, горничная попала подъ трамвай, ее раздавили. Я виноватъ: если бы я горничной не посылалъ, она не попала бы подъ трамвай, ее бы не раздавило, а умерла бы она отъ чего-нибудь другого,—остается неизвѣстнымъ.

Черновы дали согласіе на операцію, Прасковья все равно бы умерла, но тогда Модлинскаго нельзя было бы обвинять, но за то можно было бы самихъ Черновыхъ, ибо, давъ согласіе, они совершили явную неосторожность. Все это наглядным образомъ доказываетъ невозможность примѣненія 1468 ст. Ул. о Нак.

Я понимаю, если бы Модлинскій проявилъ неосторожность въ самомъ производствѣ операціи, тогда—такъ; допустимъ, онъ забылъ пинцетъ, марлю въ животѣ—произошло зараженіе крови, хирурга можно обвинять въ неосторожности, но здѣсь этого не было.

Всѣ эксперты согласно говорятъ, что операція произведена правильно, безукоризненно.

Проф. Снегиревъ говоритъ, что къ производству операціи жизненныхъ показаній не было, что нужно было изслѣдовать мочу, но

при этомъ оговаривается, что это въ наукѣ нововведенiе, что оно встрѣчаетъ много возраженiй и не всегда примѣняется. А что, если Модлинскiй здѣсь встанетъ и заявитъ, что онъ это нововеденiе считалъ вреднымъ, ненужнымъ. Кто изъ нихъ возьметъ на себя смѣлость рѣшить вопросъ, кто правъ изъ нихъ.

Медицинская наука, наука живая, не законченная, не установившаяся, въ ней субъективизмъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ и развѣ можетъ уголовный законъ обвинять эту науку, предписывая ей идти и развиваться по заранѣе указаному пути.

Что вчера было хорошо, то сегодня худо и наоборотъ.

Скажутъ—мнѣнiе эксперта имѣетъ рѣшающее значенiе. А мнѣнiе такого же ученаго проф. Дьяконова, который, возражая проф. Снегиреву, сказалъ, что онъ считалъ бы преступленiемъ со стороны хирурга ждать жизненныхъ показанiй. Я думаю, правъ Дьяконовъ, ибо хирургiя есть презерватива, нечего человѣку рѣшать, когда ему все равно умирать; рѣжьте пока есть надежда на спасенiе. А что же сказалъ третiй ученый авторитетъ проф. Нейдингъ! «Я вполнѣ понимаю этого хирурга, который произвелъ операцiю. Моча и почки здѣсь не причемъ, Чернова умерла отъ того, что киста лопнула и наступилъ перетонитъ, киста каждую минуту грозила лопнуть. И не съ косметической цѣлью Чернова хотѣла, чтобы ей удалить опухоль на шеѣ, она страдала удушьемъ и что въ этомъ отношенiи вѣрить Черновымъ нельзя!» Вотъ вамъ три мнѣнiя.

А выводъ одинъ: Модлинскiй не допустилъ ни малѣйшаго упущенiя, сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать, что подтверждаютъ и эксперты и врачи—свидѣтели Мокiевскiй и Князьковъ.

Клиника Модлинскаго устроена превосходно, по всѣмъ правиламъ науки. Все это, все заведенiе, весь свой талантъ и знанiе онъ отдалъ для спасенiя Черновой, такъ въ чемъ же его вина?

Да, въ чемъ его обвиняютъ и въ чемъ его я защищаю? Развѣ Модлинскiй преслѣдовалъ корыстную цѣль? Развѣ не безплатно, даромъ помѣстилъ къ себѣ Чернову и лечилъ ее по крайнему своему разумѣнiю, обнаруживъ при этомъ знанiе и опытъ врача, талантъ хирурга? Намъ говорили: изъ личныхъ видовъ Модлинскiй оперировалъ Чернову, имъ руководили профессiональное желанiе удалить болѣзненный процессъ изъ организма больной, научный интересъ! Хороши личные виды! А мы, юристы, развѣ не виновны въ такихъ же личныхъ видахъ, не преслѣдуемъ ли мы той же цѣли, въ которой другихъ обвиняемъ, разрѣшить принципiальные вопросы, довести до высшихъ инстанцiй казусы, юридическую вивисекцiю сдѣлать на

живомъ человѣкѣ? А развѣ Модлинскій въ этомъ виноватъ? Вѣдь вы слыхали, что для Модлинскаго лапоратомія операція заурядная, что въ этотъ день онъ сдѣлалъ 7 другихъ труднѣйшихъ операцій, что она для него научнаго интереса не представляла?

Что же, Модлинскій здѣсь научные опыты дѣлалъ, «науку черезъ горы труповъ», по выраженію Биллърота, «двигалъ», или исполнялъ свой долгъ, спасалъ жизнь Черновой. Я не могу допустить, чтобы стремленіе врача спасти жизнь человѣку можно ему вмѣнить въ вину.»

Д-ръ Модлинскій, въ своемъ послѣднемъ словѣ, сказалъ слѣдующее:

«Господа судьи! я не юристъ и не знаю статей закона. Я знаю только человѣческое отношеніе къ больнымъ и преданность къ своему любимому дѣлу, которымъ занимаюсь десятки лѣтъ. Тысячи больныхъ прошли черезъ мои руки и никогда, кромѣ самой теплой и сердечной благодарности, я ничего не слыхалъ. Я много потрудился для своей клиники, чтобы медицинское дѣло, столь трудное и отвѣтственное, поставлено было въ ней на должную высоту. Неужели же теперь изъ-за одного случая, которому способствовали несчастныя случайности, должно все рухнуть, все погибнуть сразу... Я и мои ассистенты нашли, что операція необходима, согласіе было получено и операція сдѣлана совершенно правильно. Если же въ данномъ случаѣ былъ смертельный исходъ, то вѣдь врачи-же не чародѣи и судьба человѣка въ рукахъ Божіихъ, который одинъ только и воленъ въ животѣ и смерти... Я не виноватъ, господа судьи, и теперь судите меня»...

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, окружной судъ, на основаніи результатовъ произведеннаго судебнаго слѣдствія пришелъ, между прочимъ, къ тому выводу, что Модлинскій долженъ быть признанъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступномъ дѣяніи, которое по признакамъ своимъ вполнѣ подходитъ подъ ту квалификацію, подъ которую оно подведено обвинительнымъ актомъ: производство опасной операціи безъ согласія оперированной составляетъ посягательство на личную ея неприкосновенность и безопасность, посягательство ближе всего подходящее въ данномъ случаѣ къ самоуправству, такъ какъ Модлинскій, приступая къ операціи, воображалъ, да и нынѣ, какъ видно изъ объясненій его на судѣ, воображаетъ, что онъ, какъ врачъ, свободно, по собственному усмотрѣнію, можетъ распоряжаться поступившимъ къ нему для леченія совершенно другой болѣзни паціентомъ; согласіе больного при такомъ взглядѣ играетъ самую ничтожную роль, а можетъ быть никакой не играетъ, и самъ больной низво-

дитой на положеніе безсловеснаго животнаго или вещи; но съ такимъ взглядомъ судъ не можетъ согласиться и полагаетъ, что такое принудительное насильственное лечение взрослаго, сознающаго себя человѣкомъ, не только хирургическое, опасное для жизни, но и общее, не можетъ быть допущено, какъ проявленіе насилія надъ личностью человѣка, какъ самоуправство со стороны врача; и это самоуправство будетъ одинаково таковымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда врачъ по какимъ-либо соображеніямъ не отобралъ согласія больного на его леченіе, такъ и въ томъ, когда онъ не заручился этимъ согласіемъ просто по неосторожности (рѣш. касс. деп. Прав. Сената 1871 г. № 1664 по д. Алифери). Самоуправное дѣяніе Модлинскаго, предусмотрѣнное такимъ образомъ 142 ст. уст. о нак., въ данномъ случаѣ осложняется особо увеличивающими его вину послѣдствіями — смертью оперированной, а потому, въ виду 28 ст. того же устава и 1466 ст. улож., онъ и долженъ бы подлежать указанному въ этой послѣдней статьѣ наказанію.

IV. Апелляціонное производство.

По апелляціонному отзыву повѣреннаго подсудимаго Модлинскаго, присяжнаго повѣреннаго Ледницкаго, дѣло перешло на разсмотрѣніе Московской судебной палаты, которая нашла, что въ принесенномъ на приговоръ окружнаго суда отзывѣ указывается на нарушеніе основныхъ принциповъ уголовнаго правосудія и указывается, во 1-хъ), что вышеописанное обвиненіе Модлинскаго представляется недоказаннымъ, ибо операціи надъ Черновой 5 марта 1900 г., какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній врачей Копубея, Неймарка, Макіевскаго и Князькова, а также и изъ предварительныхъ приготовленій Черновой къ означенной операціи, произведена была Модлинскимъ, вопреки показаніямъ Ивана и Матрены Черновыхъ, Югаръ, Блау, Рейнгольдъ и Кузнецовой, съ вѣдома и согласія самой оперированной Черновой и не безъ вѣдома родителей ея, каковое обстоятельство можетъ быть установлено также и показаніемъ вновь обнаруженнаго свидѣтеля Степана Филатова, котораго апелляторъ и проситъ допросить; 2) что Модлинскій не можетъ быть отвѣтственнымъ за неиспрошеніе будто бы согласія на операцію, ибо согласіе оперированной Черновой и ея родителей на производство операціи для удаленія кистозной опухоли въ ея животѣ дано было помянутыми Черновыми товарищу Модлинскаго по лечебницѣ,

врачу Кочубею, который по своей обязанности, въ виду распредѣленія между ними занятій, и доложилъ объ этомъ Модлинскому, а изъявленіе больной или ея родителями согласія на операцію, данное врачу Кочубею, равносильно выраженію этого согласія самому Модлинскому, такъ какъ предъ закономъ тотъ и другой врачъ имѣютъ одинаковое въ этомъ случаѣ значеніе; 3) что признаніе въ дѣяніи Модлинскаго—производствѣ лапаратоміи Черновой—проступка самоуправства или насилія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак., не соотвѣтствуетъ ни законному опредѣленію этого проступка, ни обстоятельствамъ дѣла, такъ какъ подъ самоуправствомъ по закону разумѣется насильственное, помимо установленныхъ властей, осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права; а по смыслу 690 ст. уст. мед. пол. (т. XIII св. зак.) леченіе больныхъ есть долгъ, обязанность врачей, а не право, и врачъ, леча больного, не осуществляетъ свое право, а исполняетъ свою обязанность, такъ что не можетъ быть преслѣдуемъ за это исполненіе обязанности, какъ за самоуправное дѣяніе; по обстоятельствамъ же дѣла въ дѣяніи Модлинскаго никоимъ образомъ нельзя усматривать насилія надъ Черновой, въ виду того, что Чернова сама, въ сопровожденіи своихъ родителей, явилась къ доктору Модлинскому и по своему собственному желанію легла въ больницу, поручивъ леченіе своей болѣзни помянутому врачу, а послѣдній, усмотрѣвъ у больной присутствіе кисты, которая, какъ видно изъ показаній профессоровъ Нейдинга и Дьяконова, ежеминутно грозила Черновой смертью и которую можно было удалить лишь посредствомъ лапаротоміи, обязанъ былъ произвесть эту операцію и произвелъ таковую согласно съ требованіемъ 82 ст. уст. мед. полиц., и 4) что равнымъ образомъ примѣненіе къ дѣянію Модлинскаго 1466 ст. улож. о нак., представляется совершенно невозможнымъ, ибо статья эта требуетъ, чтобы виновный нарушилъ спеціальное постановленіе, ограждающее личную безопасность или общественный порядокъ, но окружный судъ не приводитъ такихъ постановленій, ссылаясь лишь на 28 статью уст. о нак., которая къ настоящему случаю не имѣетъ никакого отношенія, какъ предусматривающая видъ преступленія, входящаго въ составъ родового понятія преступленія, предусмотрѣннаго улож. о нак.; при отсутствіи же закона, который обязывалъ бы врача производить операцію съ особаго каждый разъ согласія больного нѣтъ возможности примѣнить къ такому поступку, если онъ вызванъ, какъ въ данномъ случаѣ, единственною цѣлью помочь больному,—уголовные законы, такъ какъ въ этомъ поступкѣ врача не только отсутствуетъ элементъ противоправ-

ности,—а въ данномъ случаѣ у подсудимаго не было и умысла на правонарушеніе, ибо Модлинскій былъ убѣжденъ въ согласіи больной на операцію,—но и нѣтъ наказуемости дѣянія. По изложеннымъ соображеніямъ, а также и въ виду добраго намѣренія Модлинскаго производствомъ операціи у Черновой спасти молодую жизнь отъ неминуемой гибели, повѣренный подсудимаго проситъ судебную палату по вызовѣ и допросѣ какъ вышеупомянутаго свидѣтеля Филатова, такъ и всѣхъ свидѣтелей и экспертовъ, допрошенныхъ окружнымъ судомъ, отмѣнить приговоръ окружнаго суда и признать Модлинскаго по суду оправданнымъ.

Разсмотрѣвъ означенное дѣло въ связи съ апелляціоннымъ отзывомъ и выслушавъ показанія свидѣтелей Степана Филатова, Ивана и Матрены Черновыхъ,—(въ вызовѣ же для допроса другихъ свидѣтелей и экспертовъ, допрошенныхъ въ засѣданіи окружнаго суда, было отказано опредѣленіями судебной палаты отъ 9 января и 2 марта 1902 года, по изложеннымъ въ тѣхъ опредѣленіяхъ соображеніямъ), а также и заключительныя пренія сторонъ и объясненія подсудимаго Модлинскаго, судебная палата находитъ, что подробно и обстоятельно изложенные въ приговорѣ Московскаго окружнаго суда доводы означеннаго суда о томъ, что согласіе покойной Черновой или ея родителей на операцію лапаратоміи (чревосѣченія) 5 марта 1900 года не было испрошено ни Модлинскимъ, ни Коцубеемъ, и таковое не было изъявлено Черновыми, являются вполнѣ правильными, такъ какъ эти доводы основаны на свидѣтельскихъ показаніяхъ родителей покойной, Ивана и Матрены Черновыхъ, а также на показаніяхъ свидѣтельницъ Югаръ, Блау, Рейнгольдъ, Кузнецовой и Колпаковой, причемъ данныя на предварительномъ слѣдствіи и прочитанныя на судѣ показанія неявившихся въ судъ по законнымъ причинамъ свидѣтельницъ Югаръ, Блау, Рейнгольдъ и Кузнецовой въ существѣ своемъ совпадаютъ по означенному вопросу съ показаніями допрошенныхъ судомъ свидѣтелей Черновыхъ и Колпаковой, изъ коихъ первые были передопрошены и въ засѣданіи судебной палаты, а потому и въ виду внутренняго содержанія показаній помянутыхъ свидѣтельницъ, касающагося различныхъ моментовъ передаваемыхъ ими событій, эти показанія должны быть признаны заслуживающими довѣрія. Болѣе же подробныя показанія свидѣтельницъ Югаръ, Блау и Рейнгольдъ, при вторичномъ допросѣ ихъ, не могутъ подрывать достовѣрности этихъ показаній и указываютъ лишь на пробудившееся въ этихъ свидѣтельницахъ сознаніе необходимости показать все, что имъ извѣстно по дѣлу безъ утайки.

Показанія свидѣтелей Ивана и Матрены Черновыхъ (родителей покойной Прасковьи Черновой), въ виду ихъ безыскусственной простоты, отсутствія противорѣчій и побудительныхъ причинъ говорить неправду, внушаютъ къ себѣ полное довѣріе, особено послѣ очной ставкѣ Матрены Черновой съ новымъ, допрошеннымъ впервые въ засѣданіи судебной палаты, свидѣтелемъ Степаномъ Филатовымъ, который, не показавъ ничего опредѣленнаго относительно согласія или несогласія Черновыхъ на операцію, чревосѣченія (5 Марта), пытался, хотя и безуспѣшно, доказать, что Матрена Чернова, между первою и второю операціями, почти бузотлучно находилась въ лечебницѣ, при своей дочери, каковсе обстоятельство безусловно отвергнуто Черновыми и не подкрѣпляется никакими другими данными дѣла. Переходя же къ показаніямъ свидѣтелей врачей Коцубея, Неймарка, Мокіевскаго и Князькова, судебная палата находитъ, что, въ виду подробно изложенныхъ въ приговорѣ окружнаго суда соображеній, показаніе перваго изъ нихъ по вопросу о согласіи Черновой и ея матери на операцію чревосѣченія не можетъ служитъ опроверженіемъ вышеуказанныхъ свидѣтельскихъ показаній Черновыхъ, Югаръ, Блау, Рейнгольдъ, Кузнецовой и Колпаковой, а показанія остальныхъ трехъ врачей не разрѣшаютъ вопроса о согласіи или несогласіи Черновыхъ на операцію, такъ какъ свидѣтель Неймаркъ высказалъ лишь предположеніе свое о томъ, что Прасковья Чернова догадывалась о предстоящей операціи—въ виду того, что ей наканунѣ была наложена на животъ повязка, но догадываться—не значить выразить согласіе на опирацію, притомъ же Чернова едва ли могла догадываться объ опасной операціи чревосѣченія; свидѣтель же Мокіевскій показалъ лишь о обстоятельствахъ случившихся послѣ операціи 5 марта, когда въ состояніи здоровья Прасковьи Черновой послѣдовало значительное ухудщеніе, а свидѣтель Князькова даже не былъ спрошенъ по тому вопросу, который, по словамъ свидѣтельницы Югаръ, былъ предложенъ покойной Черновой въ операціоной комнатѣ предъ самою операціей 5 марта. Что же касается указанія опеллятора на то, что самымъ фактомъ поступленія въ лечебницу Модлинскаго, Чернова вполнѣ поручила свое леченіе помянутому врачу и этимъ уже самымъ какъ бы изъявила согласіе и на операцію удаленія кисты въ животѣ, то надлежитъ замѣтить, что Чернова поступила въ лечебницу лишь для удаленія у ней незначительной опухоли на шеѣ; но, поступивъ съ этою цѣлью въ лечебницу Модлинскаго, она не отдавала себя въ полное—хотя бы и съ лечебною цѣлью—распоряженіе доктора Модлинскаго; удаленіе же опухоли на шеѣ не имѣетъ ника-

кого отношенія къ операціи чревосѣченія для извлеченія мезентеріальной кисты. Признавая, такимъ образомъ, согласно съ мнѣніемъ окружнаго суда, что Модлинскимъ, равно какъ и Коцубеемъ, не было надлежащимъ образомъ испрошено и получено согласія Черновой или ея родителей на операцію чревосѣченія 5 марта 1900 г., для удаленія кисты, и что эта операція произведена была безъ согласія оперированной или ея родителей, и допуская, что о необходимости испрошенія такого согласія, въ силу врачебнаго обычая, основаннаго на врачебной этикѣ и удостовѣреннаго экспертами—врачами и медицинскимъ совѣтомъ, было извѣстно доктору Модлинскому,—судебная палата, тѣмъ не менѣе вопреки приговору окружнаго суда находитъ, что производство врачемъ операціи съ лечебной цѣлью, хотя бы и безъ согласія оперированной или ея родителей, не составляетъ ни самоуправства, ни насилія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак., такъ какъ подъ самоуправствомъ законъ разумѣетъ самовольное осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права, какъ это справедливо указано и апелляторомъ; леченіе же больныхъ не есть право врача, а его долгъ или обязанность, исполняемая врачемъ при условіяхъ, указанныхъ въ 81, 82 и 690 ст. уст. врач., а наказуемое насиліе надъ личностью, граничащее, какъ видно изъ ст. 142 уст. о нак., съ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, предполагаетъ намѣренное или умышленное причиненіе страданія или вреда потерпѣвшему, каковое намѣреніе въ настоящемъ дѣлѣ не приписывается подсудимому Модлинскому, имѣвшему, напротивъ, въ виду лишь избавить больную путемъ операціи отъ болѣзни и сопряженныхъ съ ней страданій, а можетъ быть и отъ возможной смерти. Равнымъ образомъ и примѣненіе окружнымъ судомъ къ дѣянію Модлинскаго 1466 ст. улож. о нак., въ виду, какъ сказано въ приговорѣ суда, 28 ст. уст. о нак., не соотвѣтствуетъ смыслу ни той, ни другой статей закона: ст. 28 уст. о нак. могла бы имѣть примѣненіе лишь въ томъ случаѣ, если бы въ дѣяніи Модлинскаго заключались признаки проступка, предусмотрѣннаго 142 ст. помянутаго устава, и если бы этотъ проступокъ совершенъ былъ при особо увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, указанныхъ именно въ этой 142 ст. уст. и заключающихся въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, какъ это очевидно при сопоставленіи между собою означенныхъ двухъ статей уст. о нак. Но ни того, ни другого условія въ настоящемъ случаѣ не имѣется: дѣяніе Модлинскаго не можетъ быть отнесено, какъ выше уже указано, къ самоуправству или насилію, а если бы и допустить, согласно съ мнѣніемъ окружнаго

суда, что совершеніе Модлинскимъ операціи чревосѣченія составляетъ самоуправство или насиліе, то и въ такомъ случаѣ примѣненіе 28 ст. уст. о нак. является несоотвѣтствующимъ ни смыслу этой статьи закона, ни условіямъ настоящаго дѣла, такъ какъ особо увеличивающимъ обстоятельствомъ дѣянія подсудимаго въ настоящемъ случаѣ является смерть потерпѣвшей, а не нанесеніе тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, о коихъ трактуютъ 142 и 28 ст. уст. о нак. Отсюда слѣдуетъ, что ссылка въ приговорѣ окружнаго суда на 28 ст. уст. о нак. послужила лишь искусственнымъ и неоснованнымъ на законѣ переходомъ отъ 142 ст. этого устава къ 1466 ст. улож., причемъ по этой послѣдней статьѣ уложенія и назначено судомъ наказаніе подсудимому Модлинскому, безъ объясненія, однако же, основаній къ ея примѣненію. Между тѣмъ, по означенной 1466 ст. улож. подвергается наказанію тотъ, «кто, безъ намѣренія учинить убійство, дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго, хотя и неожиданнымъ, причинится кому-либо смерть». Но изъ данныхъ дѣла не видно и въ приговорѣ окружнаго суда не указано, чтобы Модлинскій, «дозволилъ себѣ какое-либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ», операція же чревосѣченія, которую совершилъ Модлинскій и неожиданнымъ послѣдствіемъ которой была смерть оперированной Черновой, не относится къ дѣйствіямъ, противнымъ какому-либо постановленію, ограждающему личную безопасность и общественный порядокъ, ибо производство такихъ операцій закономъ не воспрещено,—а признать такимъ дѣйствіемъ упущеніе Модлинскаго, заключающееся въ неиспрошеніи согласія оперированной или ея родителей на совершеніе операціи, невозможно—какъ потому, что смерть оперированной послѣдовала не отъ этого упущенія Модлинскаго,—ибо и при согласіи больной и ея родителей на операцію смерть могла бы послѣдовать отъ такой операціи, такъ и потому, что въ законѣ не имѣется прямого постановленія о необходимости испрошенія согласія больного или родителей его, или заступающихъ ихъ мѣсто лицъ на производство операціи кромѣ неопредѣленныхъ указаній въ 81, 82 и 690 ст. уст. врач. на поданіе врачемъ или операторомъ помощи больнымъ «по приглашенію» или «призыву» послѣднихъ. Въ виду изложенныхъ соображеній, судебная палата приходитъ къ заключенію, что за отсутствіемъ въ инкриминируемомъ дѣяніи Модлинскаго признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., примѣненіе къ дѣянію его означенныхъ

статей закона и назначеніе Модлинскому наказанія по 1466 ст. улож. о нак. является неправильнымъ, почему и надлежитъ приговоръ окружнаго суда въ этомъ отношеніи отмѣнить. Но не признавая въ дѣяніи подсудимаго Модлинскаго наличности признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож., судебная палата, однако же, усматриваетъ: 1) что, какъ видно изъ заключенія медицинскаго совѣта и изъ общаго смысла заключеній врачей-экспертовъ, допрошенныхъ окружнымъ судомъ, смерть 18-ти лѣтней крестьянской дѣвицы Черновой, обладавшей въ общемъ, по показанію ея родителей, до поступленія въ лечебницу доктора Модлинскато, хорошимъ состояніемъ здоровья и производившей сельскія работы наравнѣ съ мужчинами, находится несомнѣнно въ связи съ операціей чревосѣченія, произведенной Модлинскимъ 5 марта 1900 г. для удаленія мезентеріальной кисты, дурного вліянія которой на здоровье свое покойная не замѣчала; 2) что такая операція по заключенію тѣхъ же экспертовъ-врачей и даже по собственному объясненію доктора Модлинскаго, представлялась опасною для жизни оперированной, такъ какъ извлеченіе мезентеріальной кисты, особенно при страданіи цирозомъ (болѣзнь почекъ), даетъ высокій процентъ смерности; 3) что въ производствѣ этой операціи въ то время, именно 5 марта 1900 г., по заключенію медицинскаго совѣта, не было безусловной необходимости; 4) что дѣвица Чернова поступила въ лечебницу доктора Модлинскаго для удаленія лишь опухоли (нароста) на шеѣ, а операція чревосѣченія для извлеченія кистозной опухоли въ области живота произведена докторомъ Модлинскимъ безъ согласія оперированной Черновой и безъ предварительныхъ объясненій по этому поводу съ родителями ея, и 5) что согласіе больной или ея родителей на такую операцію, по заключенію медицинскаго совѣта, для врача обязательно. Исходя изъ такихъ безспорно установленныхъ по дѣлу положеній и принимая во вниманіе: 1) что смерть 18-ти лѣтней крестьянской дѣвицы Черновой, послѣдовавшая 10 марта 1900 г., причинилась, судя по общему смыслу заключеній экспертовъ—врачей и медицинскаго совѣта, отъ произведенной у ней докторомъ Модлинскимъ 5 марта того года, операціи чревосѣченія для удаленія кистозной опухоли въ области живота; 2) что такая операція и не воспрещена закономъ и нельзя было съ полною вѣроятностію ожидать вредныхъ отъ оной послѣдствій, однакожъ представлялась завѣдомо для Модлинскаго опасною для жизни Черновой и не вызывалась въ то время, по состоянію больной, безусловною необходимостью, и 3) что на производство такой опасной операціи, не пред-

ставлявшей притомъ же безусловной и неотложной необходимости, но дающей весьма значительный процентъ смертности, Модлинскій не только не испросилъ согласія оперированной или ея родителей, но и не былъ вызванъ жалобами первой или приглашеніемъ вторыхъ, а при переговорахъ съ ними объ этомъ, онъ несомнѣнно имѣлъ бы большую возможность обсудить состояніе больной и, проникнувшись важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія въ отношеніи здоровья и жизни своей паціентки, въ случаѣ несогласія ихъ на такую рискованную и не безусловно необходимую въ то время операцію, воздержался бы отъ совершенія таковой, судебная палата приходитъ къ заключенію, что совершеніе Модлинскимъ надъ Черновой при такихъ условіяхъ операціи чревосѣченія для извлеченія мезентеріальной кисты представляется явно неосторожнымъ дѣяніемъ, причинившимъ смертъ оперированной Черновой, и что такое дѣяніе подсудимаго Модлинскаго составляетъ, по своимъ вышеописаннымъ признакамъ, преступленіе, предусмотрѣнное 1468 ст. улож., въ каковомъ преступленіи Модлинскій и долженъ быть признанъ виновнымъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію слѣдующаго подсудимому Модлинскому наказанія по закону и имѣя въ виду, что за преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ, предусмотрѣнное 1468 ст. улож., постановлено нѣсколько одно другое замѣняющихъ наказаній, выборъ коихъ въ каждомъ случаѣ, смотря по важности вины, состоянію подсудимаго и обстоятельствамъ дѣла, зависитъ, согласно 149 ст. улож., отъ суда, рѣшающаго дѣло, что дѣяніе подсудимаго Модлинскаго, по существу своему, независимо отъ наступившихъ послѣдствій онаго, не было прямо воспрещено закономъ, что при совершеніи такого дѣянія операціи чревосѣченія надъ больной Черновой для извлеченія мезентеріальной кисты, Модлинскій увлекался излишнею въ исполненіи долга врача ревностью, что такую сложную и трудную операцію онъ предпринялъ безкорыстно и произвелъ, по удостовѣренію экспертовъ—врачей и заключенію медицинскаго совѣта, хирургически правильно и что послѣ этой операціи, 5 марта 1900 г., онъ принялъ, также безвозмездно, всѣ, какія онъ считалъ необходимыми, мѣры къ спасенію жизни оперированной Черновой, хотя и безуспѣшно—судебная палата, согласно 1468, 110 и 149 ст. улож., считаетъ справедливымъ назначить подсудимому Модлинскому наименьшее изъ указанныхъ въ вышеозначенной статьѣ закона наказаній, а именно подвергнуть подсудимаго строгому выговору въ присутствіи суда и, сверхъ того, предать его, какъ христіанина, церковному покаянію по распоряженію его духовнаго началь-

чальства, съ возложеніемъ на осужденнаго Модлинскаго, согласно 977 и 977 ст. уст. угол. суд., и судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ. На основаніи вышеизложеннаго Московская судебная палата опредѣляетъ: признавъ доктора медицины Петра Игнатьева Модлинскаго виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1468 улож., на основаніи этой статьи, а также ст. 149 улож., подвергнуть его строгому выговору въ присутствіи суда и, сверхъ того, церковному покаянію по распоряженію его духовнаго начальства; судебныя по дѣлу издержки обратить на обвиняемаго Модлинскаго; приговоръ Московскаго окружнаго суда, состоявшійся о Модлинскомъ 15 ноября 1901 г., въ чемъ несогласенъ съ настоящимъ приговоромъ, отмѣнить.

V. Кассаціонное производство.

На приговоръ судебной палаты защитникомъ Модлинскаго, присяжнымъ повѣреннымъ Ледницкинъ, принесена была кассаціонная жалоба въ угол. касс. деп. Правительствуюшаго Сената. Въ означенной жилобѣ указывается: 30 марта объявленъ въ окончательной формѣ постановленный Московской судебной палатой 8 марта 1902 г. приговоръ, по которому докторъ медицины Модлинскій признанъ виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1468 ст. улож. и приговоренъ къ опредѣленному палатой наказанію. Приговоръ этотъ я нахожу неправильнымъ и въ отмѣну его имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената нижеслѣдующія соображенія. Докторъ Модлинскій по обвинительному акту былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, не будучи вынужденнымъ къ немедленному производству опасной для жизни операціи—чревосѣченія, произвелъ таковую, не испросивъ согласія самой больной Черновой или ея родителей, послѣдствіемъ чего была смерть оперируемой. Дѣяніе это обвинительная власть квалифицировала какъ преступленіе, предусмотрѣнное 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. Московскій окружный судъ призналъ обвиненіе доказаннымъ и примѣнилъ къ Модлинскому вышеприведенныя статьи уголовнаго уложенія. Московская судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ обвиняемаго, раздѣлила мнѣніе суда въ части фактической стороны обвиненія, признавъ его доказаннымъ, но, согласившись съ доводами апелляціи, отвергла примѣненіе 142 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. не найдя въ дѣяніи Модлинскаго состава преступленія, указаннаго въ этихъ статьяхъ, и съ своей стороны, подвела дѣяніе это подъ 1468 ст.

улож. Въ своемъ приговорѣ судебная палата установила слѣдующія положенія: 1) согласно 81, 82 ст. т. XIII уст. врач. и 690 ст. уст. мед. пол. производство операціи есть долгъ врача; 2) произведенныя Модлинскимъ операція чревосѣченія закономъ не воспрещается; 3) операція эта произведена правильно, и 4) совершая эту операцію, Модлинскій лишь увлекался излишнею въ исполненіи долга врача ревностію и сложную и трудную операцію произвелъ безкорыстно, даромъ, принимая для спасенія больной всѣ необходимыя мѣры. Казалось бы при такихъ данныхъ, установленныхъ палатою, не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было обвиненіи. Въ самомъ дѣлѣ, что можно поставить въ вину врачу, исполняющему свой долгъ, хотя бы и съ излишнею ревностью, безкорыстно дѣлающему все возможное для спасенія жизни больной, правильно производящему операцію? Врачъ все сдѣлалъ и смерть всетаки наступила, тогда за таковую, находящуюся внѣ воли врача и являющуюся стихійной силой, онъ отвѣчать не можетъ.

Тѣмъ не менѣе судебная палата, установивъ вполнѣ опредѣленно и точно вышеприведенныя обстоятельства, нашла возможнымъ обвинить такого врача и примѣнила къ его дѣянію 1468 ст. улож. Основаніемъ къ такому выводу палаты послужили слѣдующія соображенія, какъ это видно изъ ея приговора. 1) Произведенная Модлинскимъ операція «не вызывалась въ то время по состоянію больной безусловной необходимостью». 2) Модлинскій произвелъ операцію, «не испросивъ согласія оперированной или ея родителей». 3) «Не былъ вызванъ на производство операціи жалобами первой и просьбами вторыхъ». 4) Не обсудивъ состоянія больной, не проникся важностью, опасностью предпринимаемаго дѣянія. При такихъ условіяхъ, палата пишетъ, производство операціи является дѣяніемъ явно неосторожнымъ, т. е. палата во всемъ этомъ усмотрѣла признаки неосторожности или, иначе, непринятіе мѣръ предосторожности. Но, все это невѣрно. Для состава преступленія, предусмотрѣннаго 1468 ст. улож., необходимо, чтобы, во 1-хъ) дѣяніе было закономъ не воспрещенное и притомъ такое, что отъ него нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ нея послѣдствій; 2) чтобы была явная неосторожность, выражающаяся въ непринятіи при производствѣ такого дѣянія мѣръ предосторожности и 3) чтобы послѣдствіемъ этой неосторожностибыла чья—либо смерть. Первый изъ вышеуказанныхъ признаковъ палата установила, но за то два послѣдующихъ въ дѣяніи Модлинскаго совершенно отсутствуютъ. 1) Судебная палата ставитъ въ вину Модлинскому и въ этомъ усматриваетъ фактическій признакъ преступле-

нія по 1468 ст. улож., что онъ произвелъ операцію, не вызывающуюся необходимостью по состоянію больной. Обвиненіе это можно понять только такъ: врачъ сдѣлалъ опасную операцію, которая была излишней, ненужной, но вѣдь это равносильно обвиненію по врачебной ошибкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 870 ст. улож., но Модлинскаго въ этомъ не обвиняли и онъ отъ такого обвиненія не защищался. Наоборотъ, сама палата установила, что Модлинскій произвелъ операцію правильно, т. е. обнаружилъ полное знаніе хирургическаго и врачебнаго искусства. Слѣдовательно обвиненіе его въ этомъ направленіи не мыслимо. Не могу, однако, въ этомъ мѣстѣ не обратить вниманія Правительствующаго Сената на допущенную палатой явную неправильность, процессуальную ошибку, послѣдствіемъ чего былъ несоотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла и закону выводъ палаты о виновности Модлинскаго. Приговоръ суда несомнѣнно долженъ быть основанъ на всей совокупности установленныхъ обстоятельствъ дѣла и представленныхъ сторонами доказательствъ. Палата свое заключеніе о производствѣ Модлинскимъ, не вызывавшейся необходимостью, операціи основала на заключеніи медицинскаго департамента и экспертовъ врачей. Между тѣмъ въ этихъ заключеніяхъ содержится категорическій отвѣтъ на поставленный судомъ вопросъ о необходимости производства операціи, что операція была показана, т. е. что съ медицинской точки зрѣнія она подлежала къ производству. Этимъ исчерпывается объективное требованіе науки, за этимъ уже слѣдуетъ субъективный взглядъ каждаго даннаго врача, не поддающійся провѣркѣ уголовнаго суда о томъ, когда именно эту операцію нужно сдѣлать. Такъ и здѣсь Модлинскій находилъ, что операція была произведена слишкомъ поздно, экспертъ профессоръ Дьяконовъ говорилъ, что было бы преступленіемъ со стороны врача ждать жизненныхъ показаній, т. е. откладывать операцію, а экспертъ профессоръ Нейдингъ сказалъ, что онъ вполнѣ понимаетъ того хирурга, который произвелъ операцію 5 марта, и лишь профессоръ Снегиревъ указывалъ, что хотя операція была показана, но онъ, Снегиревъ, ея не произвелъ бы по приводимымъ имъ соображеніямъ, спорность которыхъ самъ же подтвердилъ. Спрашивается, можетъ ли судъ взять на себя рѣшеніе вопроса, кто изъ этихъ врачей, людей науки, болѣе правъ? Въ данномъ случаѣ важно одно, что операція была показана и что въ своемъ діагнозѣ Модлинскій не ошибся. Судебная палата сослалась на вышеуказанныя заключенія медицинскаго департамента и экспертовъ врачей, но при этомъ обошла полнымъ молчаніемъ серьезнѣйшее обстоятельство, установленное этими су-

дебными доказательствами о показанiи къ операцiи. Если бы судебная палата остановилась на этомъ обстоятельствѣ и обсудила силу и значенiе его, то палата не могла бы обвинить врача въ томъ, что онъ произвелъ, хотя не вызывавшуюся въ то время безусловной необходимостью, но ту операцiю, которая признана показанной, т. е. подлежащей къ производству конечно тогда, когда врачъ найдетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и которую онъ находилъ безусловно необходимой. Въ этомъ, несомнѣнно, палата нарушила 797 и 892 ст. у. у. с. Возвращаясь къ значенiю приведеннаго палатой довода о необходимости показанной операцiи, я нахожу, что разъ Модлинскiй не обвинялся въ допущенiи врачебной ошибки, разъ палала признала, что операцiю произвелъ правильно, не ошибся въ дiагнозѣ, то вопросъ, была ли эта операцiя въ то время, 5 марта, безусловно необходима, не можетъ служить фактическимъ признакомъ преступленiя по 1468 ст. улож. и относится всецѣло къ субъективному взгляду врача, не подлежащему провѣркѣ уголовнаго суда. 2) Ранѣе этого палата установила, что законъ не требуетъ согласiя больного для производства операцiи, но затѣмъ ставитъ въ вину Модлинскому, зачѣмъ онъ не испросилъ согласiя больной. Не говоря уже о явномъ противорѣчiи въ разсужденiяхъпалаты вопреки 3 п. 797 ст. у. у. с., ибо нельзя же меня обвинить въ томъ, что я не сдѣлалъ того, чего отъ меня законъ не требуетъ, трудно рѣшить, какое значенiе имѣетъ согласiе или несогласiе больной на производство операцiи съ точки зрѣнiя явной неосторожности, наказуемой 1468 ст. улож. Гдѣ же здѣсь требуемая закономъ причинная связь? Если неосторожность усматривать, какъ это дѣлаетъ палата, въ неиспрошенiи согласiя больной, то, логически разсуждая, слѣдуетъ придти къ выводу, что если бы операцiя была произведена съ согласiя больной, то больная осталась бы жива, что̀ очевидно невѣрно. Вообще трудно понять, какимъ образомъ одинъ и тотъ же поступокъ производства операцiи можетъ считаться осторожнымъ или неосторожнымъ, смотря по тому, получено ли согласiе на него или нѣтъ. Поступокъ можетъ считаться осторожнымъ или неосторожнымъ по самому существу своему, а вовсе не потому, получено ли на него согласiе, которое, какъ чисто психологическое явленiе, никакого явленiя на существо поступка не имѣетъ. 3) Лишено всякаго значенiя, съ точки зрѣнiя фактическаго признака, указанiе палаты на то, что операцiя не вызывалась жалобами больной, ни просьбами ея родителей. Разъ палата установила, что больная Чернова пришла добровольно въ клинику Модлинскаго, чувствуя очевидно потребность въ леченiи, то,

конечно не больная Чернова должна была указывать врачу, какъ и гдѣ ее лѣчить, а это относилось всецѣло къ обязанности послѣдняго и вытекало изъ того довѣрія, которое законъ къ врачу питаетъ, давая ему право лѣчить другихъ. Вполнѣ умѣстно и въ этомъ случаѣ указаніе на отсутствіе той же причинной связи между чисто психологическимъ явленіемъ—отсутствіемъ жалобъ на болѣзнь и смертью больной. 4) Наконецъ палата усматриваетъ фактически признакъ преступной неосторожности въ томъ, что Модлинскій не обсудилъ состоянія больной, не проникся важностью и опасностью предпринимаемаго дѣянія. Не говоря уже о полной неопредѣленности этихъ обвиненій палаты о томъ, что гдѣ же тотъ масштабъ или критерій, по которому палата приходитъ къ заключенію о неудовлетворительности чисто душевной и умственной дѣятельности обвиняемаго, дѣятельности, являющейся сокровенной для всякаго посторонняго и неподдающейся контролю уголовнаго закона и суда, я не могу опять не указать на то, что въ этомъ никакъ нельзя видѣть неосторожности уголовно-наказуемой, ибо таковая должна выразиться въ чисто-физическомъ, по своему существу неосторожномъ, дѣйствіи. Кромѣ того, какъ и во всемъ предыдущемъ, такъ и здѣсь нѣтъ той связи между смертью Черновой и тѣми обвиненіями, которыя палатой къ Модлинскому предъявлены. Ибо очевидно, что еслибы Модлинскій лучше, старательнѣе, такъ, какъ угодно палатѣ, хотя и неизвѣстно какъ именно, обсудилъ положеніе больной, то все таки онъ операцію произвелъ бы такъ-же правильно, съ такимъ же знаніемъ дѣла, а больная тѣмъ не менѣе умерла бы. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ то обвиненіе, которое предъявлено палатой и признано ею доказаннымъ, не содержитъ въ себѣ законныхъ признаковъ 1468 ст. улож. Съ своей стороны, находя, что въ дѣяніи Модлинскаго нѣтъ признаковъ какого-либо преступленія, я позволю себѣ привести въ подтвержденіе этого слѣдующія соображенія. Законъ 81, 82 ст. уст. врач. 960 ст. уст. мед. пол. и 872 ст. улож. обязываютъ всякаго врача оказывать нуждающимся врачебную помощь, т. е. леченіе больныхъ есть прямая обязанность, священный долгъ врача. Долгъ этотъ врачъ исполняетъ по мѣрѣ обращенія къ нему, но полагаю—не больной указываетъ врачу, отчего и какъ его надо лѣчить, а наоборотъ. Слѣдовательно, если на попеченіе врача, въ особенности въ больницу, поступилъ больной, то врачъ всецѣло отвѣчаетъ за его здоровье и принятыя врачемъ всякія врачебныя средства, употребленныя для возстановленія здоровья больного, хотя бы это была опе-

рація или сильно дѣйствующіе яды, разъ они допущены медицинской наукой и врачъ не обнаружилъ незнанія врачебнаго искусства, не могутъ составлять преступнаго дѣянія. А коль скоро законъ не ставитъ условіемъ для выбора того или другого способа леченія больного согласія послѣдняго, то отсутствіе этого согласія также нельзя ставить въ вину врачу. Это можетъ быть предметомъ нравственныхъ упрековъ, требованій морали, но никакъ не уголовнаго суда. Врачъ можетъ обвиняться или въ незнаніи медицинской науки, или въ производствѣ неосторожнаго дѣянія, но послѣднее должно выражаться не въ психологическихъ моментахъ сознанія врача, а въ реальныхъ физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными, какъ-то: врачъ забылъ въ хирургической ранѣ пинцетъ, губку, подмѣнилъ лекарство, имѣлъ загрязненные инструменты и т. п. Въ данномъ же случаѣ Модлинскій ничего подобнаго не сдѣлалъ и, если въ чемъ либо виноватъ, то развѣ только въ томъ, что слишкомъ ревниво и притомъ совершенно безкорыстно исполнялъ свою обязанность, стремился къ спасенію приговоренной къ смерти больной дѣвушки Черновой и для этого lege artis сдѣлалъ операцію. Но едва ли возможно допустить, чтобы такія дѣйствія врача могли повлечь за собою уголовную отвѣтственность. Дѣло это является дѣломъ исключительной важности, оно затрогиваетъ серьезнѣйшія права цѣлой группы общественныхъ дѣятелей-врачей, оно касаются существеннѣйшихъ интересовъ самаго общества, судебныя инстанціи одыскиваютъ разныя статьи уголовнаго закона и приходятъ къ разнымъ выводамъ, защита же все время настаиваетъ на полномъ отсутствіи состава преступленія. Въ виду этого я почтительнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ обратить вниманіе на всѣ обстоятельства этого выдающагося съ общественной точки зрѣнія дѣла и освободить доктора Модлинскаго отъ незаслуженнаго наказанія, указавъ, что онъ ничего преступнаго не совершилъ, что уголовной вины въ его дѣяніи нѣтъ. На основаніи всего вышеизложеннаго я, за силою 1 ст. улож., 1 ст. уст. угол. суд., покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ отмѣнить преданіе суду доктора Модлинскаго и состоявшійся по этому дѣлу приговоръ Московской судебной палаты и дѣло производствомъ прекратить, или же, по нарушенію 1468 ст. улож. и 797, 892 и 912 ст. уст. угол. суд., отмѣнить приговоръ палаты и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ ту же палату, но въ другомъ составѣ присутствія.

19 ноября дѣло это слушалось въ судебномъ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

Защитникъ д-ра Модлинскаго прис. повѣр. Ледницкій произнесъ слѣдующую рѣчь: Господа Сенаторы. Наше дѣйствующее законодательство весьма не богато нормами, регулирующими взаимныя отношенія врачей и общества. Лишь нѣсколько, статей: 690 ст. Уст. Медиц. полиціи 82 и 81 ст. Уст. Врачебнаго, 870 и 872 ст. улож. нак.

Источникомъ для этихъ статей послужилъ утвержденный Императоромъ Павломъ I докладъ Медицинской Коллегіи 19 Января 1797 года, въ параграфѣ 33 коего говорилось: «хотя каждаго врача есть первый долгъ быть человѣколюбиву и во всякомъ случаѣ готову къ поданію помощи людямъ, болѣзнями одержимымъ, но качество сіе для оператора несравненно нужнѣе, поелику дѣйствуетъ его рука и безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, ниже облегчить болѣзни».

Этотъ докладъ медицинской коллегіи и былъ источникомъ двухъ изъ приведенныхъ раньше статей, изъ которыхъ первая 690 устанавливаетъ, что подавать врачебную помощь людямъ, болѣзнями одержимымъ, есть долгъ всѣхъ врачей, не оставившихъ практики, а вторая—82 ст. устава Врачебнаго указываетъ, что хирургъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, не долженъ, буде время и обстоятельства позволятъ, совершать ее безъ совѣта другихъ врачей, особенно въ важныхъ случаяхъ.

Изъ этихъ законоположеній вполнѣ ясно, что леченіе больныхъ есть долгъ врачей, который они исполняютъ по мѣрѣ обращенія къ нимъ. Этимъ исчерпывается требованіе общаго закона къ русскому врачу. Исходя изъ понятій, усвоенныхъ прежнимъ полицейскимъ государствомъ, нашъ законъ ставитъ врачей въ положеніе агентовъ государства, ввѣряя ихъ заботамъ жизнь и здоровье гражданъ, обязывая ихъ, подъ страхомъ уголовной кары по 872 ст. Улож., не отказываться отъ исполненія этой обязанности и воспрещая всѣмъ прочимъ, не имѣющимъ разрѣшенія государства въ видѣ докторскаго диплома, врачевать больныхъ, воспрещая даже самимъ гражданамъ обращаться за врачебной помощью къ не врачамъ. Изъ этого видно, что ни гдѣ въ нашемъ законѣ не говорится о согласіи больного на то или другое леченіе вообще и на хирургическую операцію въ частности, какъ условіи правомѣрности врачебной дѣятельности. Съ точки зрѣнія нашего закона такая правомѣрность по существу своему не

нуждается ни въ какомъ другомъ основаніи, кромѣ врачебной цѣли въ связи съ профессіональнымъ правомъ врача и призывомъ его къ ложу больнаго. И указаніе закона, что врачъ лечитъ по приглашенію, влечетъ за собою допущеніе широкаго простора для законной презумпціи о согласіи больного, разъ онъ врача къ себѣ призываетъ; слѣдовательно, въ самомъ фактѣ обращенія больного къ врачу необходимо видѣть изъявленіе воли на подчиненіе врачебному леченію, а такое изъявленіе воли тѣмъ болѣе должно быть презумировано, разъ больной добровольно ложится въ хирургическую больницу. Умолчаніе закона о согласіи больного, какъ основаніи правомѣрности врачебной дѣятельности, я не склоненъ объяснять недостаткомъ закона, пробѣломъ. Наоборотъ, я думаю, что законодатель считался съ условіями нашей страны, населенной въ 80 o/o необразованной и непросвѣщенной массой, не могущей разобраться въ своемъ положеніи; и допуская возможность злоупотребленій со стороны врачей, исполняющихъ свою обязанность, законодатель оставляетъ злоупотребленія безнаказанными; руководствуясь утилитарной точкой зрѣнія, избираетъ меньшее зло, ибо въ противномъ случаѣ при предъявленіи слишкомъ строгихъ формальныхъ требованій къ врачамъ общество потерпитъ большій ущербъ. Вѣдь нельзя же не считаться съ тѣмъ, что злоупотребленія со стороны врачей сравнительно рѣдки, что лучше всего доказывается тѣмъ, что Правительствующему Сенату пришлось впервые разбирать подобное дѣло; отъ такихъ злоупотребленій общество охраняютъ условія дѣятельности свободной профессіи врачей, врачебная этика, врачебная политика, ихъ личный интересъ возбуждать къ себѣ довѣріе, уваженіе, популярность среди больныхъ. Зато случаи обратнаго явленія, когда общество страдаетъ отъ узкаго формализма, весьма и весьма часты.

Петербургскій врачебный органъ послѣ рѣшенія Суда по дѣлу Модлинскаго писалъ, что все врачебное сословіе будетъ ждать съ напряженнымъ чувствомъ приговора по кассаціонной жалобѣ, ибо послѣдствія его неисчислимы, ибо отъ него зависитъ судьба русской хирургіи. И дѣйствительно, уже послѣ настоящаго процесса былъ цѣлый рядъ случаевъ, наводящихъ на тяжелыя размышленія. Въ Елисаветградѣ, въ больницу къ доктору привозятъ мальчика съ раздробленнымъ на мукомольной мельницѣ предплечьемъ; для спасенія жизни больного нужно немедленно было сдѣлать отнятіе руки, но отецъ не согласился; врачъ, опасаясь уголовной отвѣтственности, операціи не сдѣлалъ, и больной былъ обреченъ на неминуемую смерть. Въ одну изъ Московскихъ Клиникъ поступилъ мальчикъ съ гнойнымъ

воспаленіемъ уха; профессоръ немедленно бы приступилъ къ операціи, но послалъ за родителями спросить, согласны ли они на операцію; родители жили въ деревнѣ,—прошло четыре дня, и мальчикъ умеръ. А случай съ профессоромъ Кеселеромъ въ Юрьевѣ, гдѣ не была сдѣлана операція ампутаціи гангренозной ноги у женщины, мужъ которой не согласился на операцію,—женщина умерла. Въ кіевскую больницу привезли ребенка, задыхающагося отъ дифтерита зѣва; мать противилась операціи; врачъ силой удалилъ мать изъ больницы, сдѣлалъ трахеотомію и спасъ жизнь ребенка.

Вотъ, что жизнь даетъ, какіе вопросы, какія коллизіи выдвигаетъ на первый планъ!

Скажутъ, что нужно дѣлать исключенія для малолѣтнихъ, безумныхъ; но вѣдь ихъ замѣняютъ опекуны, т. е. мы имѣемъ дѣло съ полноправной стороной; и одно изъ двухъ: либо врачъ имѣетъ право дѣлать операцію, либо онъ не въ правѣ дѣлать таковую безъ согласія опекуновъ. А цѣлый рядъ другихъ случаевъ подачи помощи раненымъ во время желѣзнодорожныхъ катастрофъ, спасенія самоубійцы, развѣ и тутъ необходимо согласіе?

Нельзя притомъ не считаться съ психологіей больныхъ; вѣдь только люди съ сильной волей рѣшаютъ смѣло вопросъ объ операціи, а большинство слабыхъ, въ подавленномъ вслѣдствіе болѣзни состояніи, сами не знаютъ, хотятъ ли они операціи или же нѣтъ, и ихъ рѣшеніе зависитъ отъ постоянно мѣняющагося настроенія, колеблющагося между надеждой на выздоровленіе и опасеніемъ ухудшить свое положеніе, и даютъ-то они согласіе полусловомъ, возлагая отвѣтственность на врача: «если находите нужнымъ». и т. д.

Развѣ можно при такихъ условіяхъ дѣятельности врача ставить таковую въ зависимость отъ формальностей, соблюденіе которыхъ заставитъ врача вмѣсто того, чтобы заботиться о спасеніи жизни больного, думать о своей собственной безопасности. Я убѣжденъ, что многіе врачи пожертвуютъ своимъ спокойствіемъ, своимъ «я», во многихъ случаяхъ спасутъ больного безъ его согласія, но сколько же будетъ случаевъ обратнаго отношенія, строго формальнаго, сколько будетъ тяжелыхъ послѣдствій его.

Все это приводитъ меня къ твердому убѣжденію, что нашъ законодатель со всѣми этими жизненными условіями считался, и поэтому одно лишь требованіе къ врачу предъявляетъ—лечить по приглашенію больного. Разсматривая врача, какъ своего агента, какъ свое довѣренное лицо, нашъ законъ создаетъ привиллегію врачу—право врачеванія и неотвѣтственность таковаго подъ однимъ лишь условіемъ,

чтобы это леченіе отвѣчало требованіямъ науки и было добросовѣстно.

Отсюда и право хирурга производить операцію, отсюда и основаніе неотвѣтственности хирурга, которое кроется не въ волѣ больного, а въ цѣли операціи и въ правѣ врача.

Этимъ положеніе русскаго врача значительно отличается отъ положенія другихъ врачей, наприм. американскихъ, гдѣ каждый имѣетъ право лечить, или германскаго его собрата, гдѣ врачебная профессія является простымъ свободнымъ ремесломъ, не создающимъ никакихъ профессіональныхъ въ отношеніи государства обязанностей,—хочу лечу, хочу нѣтъ. Тамъ и разсужденія могутъ быть другія, какъ это видно изъ приведеннаго въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ рѣшенія германскаго рейхсгерихта 1893 года; но и въ этомъ рѣшеніи говорится о необходимости широкаго толкованія, предположительнаго согласія, выводимаго изъ конклюдентныхъ дѣйствій больного, въ особенности, если больной пришелъ въ больницу и тѣмъ самымъ выразилъ волю на подчиненіе больничному режиму. Въ нѣмецкой судебной практикѣ на нашихъ дняхъ былъ случай, весьма сходный съ настоящимъ. Къ профессору Дирзену, по указанію другого врача, явилась больная, и профессоръ произвелъ ей немедленно тяжелую женскую операцію. Больная возбудила обвиненіе въ производствѣ операціи безъ ея согласія. Берлинскій апелляціонный судъ оправдалъ профессора Дирзена, установивъ, что у него должно было сложиться убѣжденіе въ согласіи больной на операцію, коль скоро она къ нему, хирургу, гинекологу, явилась, и онъ объ ея приходѣ былъ извѣщенъ постоянно ее пользующимъ врачемъ. И въ настоящемъ случаѣ, какъ Судебная Палата установила, Чернова сама явилась въ больницу Модлинскаго: Модлинскій все время утверждалъ, что онъ со словъ ассистента-врача былъ твердо убѣжденъ въ согласіи больной; а Палата ему поставила въ вину, что онъ не проникся важностью операціи и самъ не испросилъ согласія. Все это идетъ вразрѣзъ съ вытекающей изъ вышеприведенныхъ разсужденій презумпціей.

Но если дѣйствующій законъ не требуетъ согласія больного для правомѣрности операціи, то возможно ли подвергать врача уголовной отвѣтственности за нарушеніе этого несуществующаго закона? Nullum crimen sine lege.

Правительствующій Сенатъ, согласно 201 ст. Учр. Прав. Сен., можетъ возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ изданіи новаго закона, но едва ли можно допустить, чтобы кто-либо несъ уголовную кару за совершеніе того, что прямо закономъ не воспрещается.

Судебная Палата, установивъ, что нѣтъ закона, ни обязывающаго врача испрашивать согласіе на операцію, ни возбраняющаго дѣлать таковую безъ этого согласія, тѣмъ не менѣе подвела дѣяніе Моллинскаго подъ 1468 ст. Улож., т. е. обвинила въ неосторожномъ убійствѣ.; но едва ли это вѣрно.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что при производствѣ операціи смерть—явленіе случайное, внѣ воли врача стоящее. Отъ самой легкой операціи больной можетъ умереть и самую тяжелую можетъ вынести. Есть же въ хирургіи такъ называемые несчастные случаи. А разъ это такъ, то стало быть явленіе, чисто случайное,—смерть оперируемаго будетъ создавать вину и отвѣтственность врача. Значитъ, врачъ, сдѣлавшій безъ согласія больного весьма серьезную операцію, скажемъ: отнятіе ноги, вынутіе глаза и т. п., останется безнаказаннымъ, ибо къ его дѣянію нельзя примѣнить 1468 ст., кореннымъ условіемъ примѣненія которой является наличность смерти, какъ послѣдствія неосторожности.

Далѣе, статья эта, трактующая о совершеніи дѣянія, закономъ не воспрещеннаго, но явно неосторожнаго, отъ котораго однако нельзя было ждать вредныхъ послѣдствій, не примѣнима къ настоящему случаю, ибо, какъ разъяснено въ кассац. рѣш. 1890 г. № 42, неосторожность должна выражаться въ чисто физическомъ дѣйствіи: врачъ забылъ губку, пинцетъ въ ранѣ,—а не въ психологическомъ моментѣ—сознаніи врача о согласіи или несогласіи больного на операцію; нужно при этомъ, чтобы была причинная связь между неосторожностью и смертью, чтобы, логически разсуждая, можно было прійти къ такому выводу: операція по неосторожности сдѣлана безъ согласія больной—больная умерла, а если бы эту неосторожность устранить, то смерти не послѣдовало бы. Но, допустимъ, операція сдѣлана съ согласія больной, и что же? больная тоже умерла.

Мнѣ возражали на это «что согласіе не было бы дано, операція не была бы сдѣлана, а отчего бы умерла больная, остается неизвѣстнымъ. Но такимъ разсужденіемъ можно доказать все, что угодно. Я послалъ прислугу съ письмомъ; прислуга попала подъ трамвай и была убита,—я виноватъ: если бы я не посылалъ прислуги, она не попала бы подъ трамвай, а отчего бы она умерла, остается неизвѣстнымъ» Если бы Модлинскій получилъ согласіе родителей Черновой, операція была бы сдѣлана, больная умерла бы, то Модлинскій былъ бы правъ, но виноваты родители, ибо если бы они не дали согласія, то операція не была бы произведена и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, отсутствіе согласія на производство операціи

никакъ не можетъ разсматриваться, какъ фактическій признакъ преступной неосторожности, и въ этомъ отношеніи приговоръ Палаты постановленъ съ явнымъ нарушеніемъ 1468 ст. Улож.

Неосновательно заключеніе Палаты и о томъ, что Модлинскій не проникся важностью операціи, сдѣлалъ операцію, не вызывавшуюся жалобами больной, ибо это обвиненіе, въ высшей степени неопредѣленное, лишено всякаго значенія съ точки зрѣнія наличности законныхъ признаковъ инкриминируемаго Модлинскому преступнаго дѣянія.

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ соображеніи Палаты, что Модлинскій произвелъ операцію, не бывшую неотложной 5 марта. Но Палата, основавъ это свое заключеніе на мнѣніи Медицинскаго Департамента и экспертовъ, упустила изъ вида, что какъ Департаментъ, такъ и эксперты, категорически указываютъ, что операція была показана къ производству, а обнаруженная Модлинскимъ въ полости живота Черновой мезентеріальная киста тѣмъ болѣе показывала ея удаленіе, какъ явно угрожающая жизни больной, т. е. что Модлинскій не ошибся въ діагнозѣ и сдѣлалъ такую операцію, которая къ производству вообще пользуется. Вотъ эти-то объективныя данныя обязательны для всякаго врача, а дальше уже слѣдуетъ субъективный взглядъ каждаго хирурга, не поддающійся провѣркѣ уголовнаго суда. Хирургія есть наука, но въ то же время это и искусство, и успѣхъ ея зависитъ отъ индивидуальныхъ способностей хирурга, отъ его смѣлости, опыта, таланта. И эту постоянно развивающуюся, идущую впередъ науку едва ли возможно подвергать контролю положительнаго уголовнаго закона. Вѣдь нельзя же возстановлять упоминаемую Геродотомъ «священную книгу», имѣвшую въ древности своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе всякой иниціативы врача и дальнѣйшаго развитія врачебной науки. А въ медицинѣ современной, въ особенности въ хирургіи, то, что вчера было невозможнымъ, чего никто не рѣшался дѣлать, то нынче спасаетъ жизнь людямъ, и всѣми врачами практикуется, какъ, напримѣръ, извѣстныя операціи Спенсера Уэльса, впервые рѣшившагося произвести удаленіе оваріальной кисты.—А вопросъ, когда нужно дѣлать операцію, можетъ рѣшить только хирургъ, ее дѣлающій, согласно убѣжденію своей совѣсти, согласно своему знанію. Здѣсь субъективизмъ врача играетъ первѣйшую роль. Лучшей иллюстраціей служитъ данное по этому дѣлу заключеніе экспертовъ, гдѣ одинъ—Снегиревъ говоритъ, что онъ произведенной Модлинскимъ операціи не дѣлалъ бы, ввиду отсутствія жизненныхъ показаній, а другой—Дьяконовъ,—что откла-

дывать операцію и ждать жизненныхъ показаній онъ считалъ бы преступленіемъ.

Не находя такимъ образомъ законныхъ признаковъ состава преступленія по 1468 ст. Улож о наказ., я долженъ остановиться на возможности примѣненія 142 ст. Уст. и 1466 ст. Улож., примѣненныхъ къ дѣянію Модлинскаго Окружнымъ Судомъ. Вторая статья явно не примѣнима къ настоящему случаю, ибо нужно указать нарушеніе какого-либо спеціальнаго постановленія, ограждающаго личную безопасность или общественный порядокъ, но вѣдь въ данномъ процессѣ этого нѣтъ: врачебная операція не есть же закономъ дѣяніе воспрещенное. Не примѣнима и 142 ст., такъ какъ самоуправство предполагаетъ самовольное осуществленіе, помимо установленныхъ властей, какого-либо воображаемаго права и при томъ по преимуществу имущественнаго, а у врача нѣтъ права, а есть долгъ—обязанность; но если и допустить, что право это есть, то осуществленію его не могутъ способствовать никакія установленныя власти. Нѣтъ и другого элемента самоуправства—насилія. Если считать насиліемъ моментъ хлороформированія, то оно не составляетъ самостоятельнаго поступка и является необходимымъ условіемъ производства операціи. Одно изъ двухъ: если операція преступленіе, то она поглощаетъ составную часть его—насиліе, если же она не преступленіе, то и хлороформированіе, какъ составная часть этого непреступнаго дѣянія, не можетъ быть наказуема.

Я нанесъ кому-либо рану ножемъ, но прежде чѣмъ ударить, я взялъ за рукавъ,—я совершилъ насиліе,—но вѣдь оно поглощается бо̀льшимъ преступленіемъ—нанесеніемъ раны.

Вопросъ объ операціи, съ точки зрѣнія уголовнаго права, не разрѣшенный нашимъ кодексомъ, не разрѣшенъ и доктриной, ибо существующія теоріи основанія правомѣрности врачебной дѣятельности—къ разнымъ выводамъ приходятъ. Но думается мнѣ, что во всякомъ случаѣ согласіе больного не создаетъ безотвѣтственности хирурга, ибо безцѣльная или съ преступной цѣлью операція, хотя бы и съ согласія оперируемаго не можетъ быть оставлена безъ наказанія. Врачъ, съ цѣлью способствовать кому-либо въ уклоненіи отъ воинской повинности, сдѣлалъ съ его согласія хирургическую рану, отъ которой уклоняющійся умеръ,—развѣ врачъ будетъ обвиняться только въ пособничествѣ членовредительству съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности?—я думаю нѣтъ, къ нему будетъ предъявлено обвиненіе въ нанесеніи тяжкихъ ранъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть.

Стоя на точкѣ зрѣнія дѣйствующаго закона, я думаю, что и съ

теоретической точки зрѣнія слѣдуетъ придти къ выводу, что правомѣрность врачебной дѣятельности покоится на врачебной цѣли операціи, на профессіональномъ правѣ врача и на призывѣ больнаго.

Судебная Палата въ своемъ приговорѣ всѣ эти три фактора твердо установила: операція была для спасенія жизни Черновой, сдѣлана была Модлинскимъ, врачемъ, къ которому Чернова сама обратилась, придя въ его клинику. При такихъ условіяхъ трудно примириться съ обвинительнымъ приговоромъ Палаты.

Въ заключеніе я не могу не обратить вниманія Правительствующаго Сената на допущенное Палатой въ приговорѣ противорѣчіе, въ явное нарушеніе 797 и 892 ст. Уст. Угол. Суд.—Палата говоритъ: «нѣтъ закона, обязывающаго врача испрашивать согласіе больного на операцію»; казалось бы, прямымъ послѣдствіемъ такого утвержденія должно быть признаніе безотвѣтственности врача за операцію больного, а Палата, въ конечномъ выводѣ, вопреки первому своему положенію, какъ разъ и обвинила Модлинскаго за производство операціи безъ согласія Черновой.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и поддерживая въ остальныхъ частяхъ мою кассаціонную жалобу, я покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ, за силою 1 ст. Улож. о Нак. и 1 ст. Уст. Угол. Суд., приговоръ Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу отмѣнить и дѣло производствомъ прекратить.

Оберъ-прокуроръ В. Н. Случевскій въ заключеніи своемъ нашелъ, что кассаціонная жалоба Модлинскаго вѣрно указываетъ на исключительную важность этого дѣла. Оно дѣйствительно затрогиваетъ серьезнѣйшіе интересы цѣлой группы общественныхъ дѣятелей—врачей, равно какъ и самого общества. Врачамъ нужно знать, что могутъ и чего не могутъ по закону предпринимать они въ отношеніи паціентовъ и когда уголовный законъ угрожаетъ имъ за содѣяніе, а когда за оставленіе больного безъ помощи. Но, въ этомъ дѣлѣ есть еще и другая важная сторона; выдвигается вопросъ о томъ, насколько личность человѣка, обратившагося къ врачу за помощью, гарантирована отъ непрошенныхъ услугъ его, создающихъ страданія, опасность для здоровья и жизни.

Главнымъ вопросомъ, выдвигаемымъ въ кассаціонной жалобѣ, представляется вопросъ о томъ, есть-ли наличность состава преступленія въ дѣйствіяхъ Модлинскаго, установленныхъ судебною палатою и выразившихся въ томъ, что онъ совершилъ надъ Черновою операцію безъ ея согласія, операцію опасную, не вызванную неотложною необходимостью, и повлекшую за собою смерть Черновой.

Нашъ уголовный законъ знаетъ двѣ группы преступныхъ дѣйствій врачей: 1) Ст. 870 улож. о нак. предусматриваетъ въ отдѣлѣ о нарушеніяхъ Уставовъ врачебныхъ случаи неправильнаго леченія, ошибокъ и незнанія, обнаруженныхъ въ немъ, и 2) къ врачамъ находятъ примѣненіе постановленія карательнаго закона объ общихъ преступленіяхъ противъ здоровья и жизни, совершаемыхъ врачами при помощи врачебныхъ способовъ дѣйствія. По статьѣ 870 улож. Модлинскій не обвиняется и какой-бы ни состоялся о немъ окончательный приговоръ, онъ выйдетъ изъ суда съ незапятнанною репутаціею врача, знающаго свое дѣло. Онъ обвиняется по второй группѣ преступленій, а именно по ст. 1468 улож., предусматривающей случай неосторожнаго причиненія смерти.

Преступленіе это, какъ и всякое преступленіе, имѣетъ двѣ стороны—внѣшнюю, объективную и, кромѣ того, сторону внутреннюю, заключающуюся въ свойствахъ воли и намѣреній, выразившихся въ преступномъ дѣйствіи. Кассаціонная жалоба возражаетъ противъ обѣихъ сторонъ приписываемаго Модлинскому преступленія.

Въ отношеніи внѣшней стороны преступленія жалоба находитъ, что Модлинскій дѣйствовалъ въ предположеніи, что имѣетъ согласіе Черновой на операцію и что во всякомъ случаѣ, при данныхъ условіяхъ, по долгу врача онъ могъ рѣшиться на операцію и не имѣя согласія Черновой. Кромѣ того, указывается на отсутствіе причинной связи между дѣйствіями подсудимаго и послѣдовавшею смертью Черновой.

Останавливаясь на первомъ доводѣ, оберъ-прокуроръ нашелъ, что судебная палата признала, что Модлинскій дѣйствовалъ безъ согласія Черновой и ея родителей, и этотъ фактъ, за силою ст. 5 учр., имѣетъ обязательное для кассаціоннаго суда значеніе. Приходится слѣдовательно только обсудить вопросъ о томъ, могъ ли Модлинскій произвести операцію безъ согласія потерпѣвшей и ея родственниковъ.

Согласіе паціента, или его представителей—существенное условіе для приступа врача къ операціи, въ особенности операціи, по собственному признанію подсудимаго, опасной. О необходимости согласія паціента говоритъ намъ авторитетное мнѣніе высшаго медицинскаго установленія—медицинскаго Совѣта, и Модлинскій, какъ профессіональный врачъ, долженъ былъ знать о существованіи этой этической заповѣди врача. Но есть кромѣ того и серьезныя правовыя основанія, говорящія за необходимость этого согласія. Признаніе неприкосновенности такого права личности, какъ право

на жизнь, должно быть присуще всякому живущему въ обществѣ человѣку. Сознаніе этого непреложнаго права живетъ въ совѣсти каждаго въ качествѣ повелительныхъ нормъ: «не убій», «не учиняй насилій надъ ближнимъ», и т. п.; законъ не создаетъ этихъ нормъ, а только пользуется ими какъ готовыми, живущими въ сознаніи людей правилами, и такъ какъ безъ соблюденія ихъ жизнь общественная была-бы немыслима, то законъ охраняетъ ихъ неприкосновенность силою своихъ разнообразныхъ постановленій, принадлежащихъ преимущественно къ области права полицейскаго и уголовнаго. Поэтому, казалось бы, нельзя придать значенія аргументаціи защиты, построенной на утвержденіи, что Модлинскій могъ не знать того, что можно рѣшиться на произведеніе опасной для жизни операціи, не интересуясь согласіемъ паціента или его представителей. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, могъ-ли врачъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, пренебречь этимъ основнымъ началомъ этической и соціальной жизни. Оберъ-Прокуроръ полагаетъ, что не существуетъ такихъ особыхъ правовыхъ основаній, по которымъ бы врачъ, въ уклоненіе отъ другихъ профессіональныхъ дѣятелей, могъ безнаказанно вторгаться въ правовую сферу другого лица, безъ согласія послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ можно было-бы построить эти исключительныя основанія? Казалось-бы, только на одномъ, на увѣренности врача въ безошибочности установленнаго имъ діагноза и средствъ леченія. Но современная медицина далека отъ убѣжденія въ своей непогрѣшимости. Еще немного десятилѣтій отдѣляютъ насъ отъ высказаннаго знаменитымъ французскимъ физіологомъ Клодъ-Бернаромъ утвержденія, что безошибочно врачъ можетъ установить свой діагнозъ не у постели больного, а только соотвѣтственно результатамъ медицинскаго вскрытія трупа своего бывшаго паціента.

Для признанія правъ врача вторгаться въ правовую сферу паціента, помимо его согласія, нужно подыскать основанія юридическія, а между тѣмъ найти ихъ невозможно. Право не живетъ жизнью изолированною, оно всегда предполагаетъ существованіе соотвѣтствующей ему «обязанности». Тотъ, кто признаетъ, что врачъ имѣетъ право безъ согласія паціента располагать для операціи его тѣломъ, долженъ доказать, что паціентъ обязанъ подчиниться требованію врача, но очевидно, что такой обязанности не существуетъ, а между тѣмъ право, осуществляясь внѣ соотвѣтствующихъ сферы обязанностей, есть мнимое право или вѣрнѣе есть насиліе. Можно-ли утверждать,

что въ наше время существуютъ мѣста, вступивъ въ которыя, человѣкъ теряетъ право располагать своими естественными, личными правами? Можно-ли утверждать, что, переступивъ порогъ больницы или квартиры врача, человѣкъ перестаетъ быть «личностью» и превращается въ «объектъ», находящійся въ полномъ распоряженіи вооруженнаго научными познаніями врача?

Независимо отъ изложенныхъ соображеній можно и въ постановленіяхъ дѣйствующаго законодательства нашего найти указаніе на то, что согласіе паціента должно обусловить собою возможность совершенія надъ нимъ операціи. Уставы врачебные (какъ напримѣръ въ ст. 81, 82, 690) характеризуютъ обязанность врача въ качествѣ лежащаго на немъ долга, оказывать «помощь» и «пособіе» больнымъ. Иными словами, законъ признаетъ медицинскую дѣятельность врача дѣятельностью вспомогательною и служебною въ отношеніи больного и только при эпидемическихъ болѣзняхъ рекомендуетъ священникамъ ст. 746) внушать прихожанамъ «чтобы были спокойны», «полагались на благость Божію» и «повиновались безропотно совѣтамъ и приказаніямъ врачей». Внѣ такихъ крайнихъ проявленій болѣзни, угрожающихъ общественнымъ бѣдствіемъ, не встрѣчается въ законѣ указаній на «безропотное» повиновеніе врачамъ, да и въ приведенномъ случаѣ оно рекомендуется устами священниковъ и слѣдовательно имѣетъ не болѣе, какъ значеніе совѣта. Соотвѣтствующія указанія можно вывести и изъ постановленій уголовнаго закона. Съ точки зрѣнія послѣдняго, согласіе на операцію есть согласіе на причиненіе тѣлеснаго поврежденія. Мы не находимъ въ общей части Уложенія о наказаніяхъ постановленія, которое-бы установляло значеніе для тѣлесныхъ поврежденій согласія потерпѣвшаго, въ особенной же части существуютъ статьи, указывающія на случаи совершенія тѣлесныхъ поврежденій, при которыхъ согласіе потерпѣвшаго не уничтожаетъ преступности. Такъ, по ст. 201 улож. оскопленіе другихъ, хотя бы и съ ихъ согласія, преступно, также какъ по 514 ст. улож. преступно изувѣченіе съ цѣлью воспрепятствованія къ поступленію на воинскую службу, совершенное по желанію или съ согласія изувѣченнаго. Отсюда неизбѣженъ выводъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель умалчиваетъ о согласіи въ составѣ преступленій, согласіе уничтожаетъ ихъ преступность. Значитъ согласіе при тѣлесныхъ поврежденіяхъ уничтожаетъ ихъ преступность и вредъ, причиняя тѣлесное поврежденіе оперируемому больному, нуждается въ этомъ согласіи для того, чтобы не подпасть подъ дѣйствіе уголовнаго закона.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на возбуж-

денный кассаціонною жалобою вопросъ—со стороны этической, правовой или законной—врачъ, приступившій къ операціи (а тѣмъ болѣе операціи, угрожавшей жизни) безъ согласія паціента, или его ближнихъ, является отвѣтственнымъ предъ уголовнымъ закономъ лицомъ.

Выводъ этотъ не можетъ быть опровергнутъ указаніемъ кассаціонной жалобы на то, что больной не можетъ указывать врачу «какъ и гдѣ лечить», а также соображеніемъ, что согласіе не отъ всѣхъ больныхъ получать возможно—какъ напр., отъ сумасшедшихъ, находящихся въ агоніи, малолѣтнихъ.

Въ отношеніи этого вывода необходимо прежде всего замѣтить, что сознаніе должно относиться къ моменту приступа операціи, а не къ послѣдующимъ моментамъ производства ея. Несомнѣнно, что врачъ, съ согласія паціента начавшій операцію и во время производства ея убѣждающійся о необходимости отступить отъ первоначальной программы, на которую получилъ согласіе, можетъ не затрудняться объемомъ и содержаніемъ даннаго ему согласія. Паціентъ, давъ согласіе, уничтожаетъ существовавшее для операціи препятствіе и тѣмъ самымъ даетъ свободу дѣйствіямъ врача, безпрепятственно руководствующемуся затѣмъ указаніями своей совѣсти, знаній и опыта. Что касается до препятствій на полученіе согласія, существующихъ въ моментъ приступа къ операціи и заключающихся въ личномъ состояніи субъекта, то разнообразіе могущихъ здѣсь встрѣтиться случаевъ дѣлаетъ невозможнымъ подысканіе одного общаго начала, по которому всѣ бы они разрѣшались. Все будетъ зависѣть тутъ отъ индивидуальныхъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая. При производствѣ, напр., трепанаціи мы встрѣтимся съ случаемъ, по которому искать основаній для установки правового момента можетъ быть прійдется въ ученіи о состояніи крайней необходимости. При спасеніи врачемъ лица, покушавшагося на самоубійство, можетъ быть, даже противъ воли послѣдняго, врачу придется имѣть дѣло съ явленіями противуправоваго дѣйствія, неизбѣжно оказывающаго вліяніе на юридическія свойства поступка врача. При оказаніи врачемъ помощи въ случаяхъ эпидеміи, онъ встрѣтится съ интересами публичными, съ требованіями охраненія народнаго здравія, и подъ вліяніемъ этого фактора, согласіе паціента на вторженіе въ его правовую сферу должно получить совершенно особое освѣщеніе. Но изъ-за этихъ индивидуальныхъ особенностей не слѣдуетъ терять изъ виду общаго, руководящаго правоваго начала, заключающагося въ томъ,

что врачъ не долженъ своими врачебными средствами дѣйствія посягать на права личности паціента безъ его на то согласія, а вѣдь только съ этой принципіальной стороны и выдвигается вопросъ о значеніи согласія паціента по дѣлу Модлинскаго. Нужно полагать, что врачъ, который добросовѣстно проникнется убѣжденіемъ важности значенія для него согласія паціента на производство операціи, обыкновенно не встрѣтитъ особыхъ препятствій для исполненія своего врачебнаго долга. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что согласіе паціента можетъ выразиться въ разнообразныхъ формахъ. Оно должно быть только непринужденно и разъ это условіе есть на-лицо, то не только словесно выраженное согласіе больного, но и конклюдентныя дѣйствія могутъ служить для врача показателемъ согласія больного. Въ трудныхъ, затруднительныхъ и неясныхъ случаяхъ дѣйствія врача будутъ находиться подъ защитою постановленій закона объ ошибкѣ и заблужденіи, какъ причины невмѣненія въ вину совершеннаго. Въ данномъ дѣлѣ судебная палата признала, что Модлинскій дѣйствовалъ безъ согласія Черновой и что въ состояніи послѣдней въ моментъ операціи не было данныхъ, оправдывавшихъ производство ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ палата не установила, чтобы подсудимый встрѣтилъ какія-либо препятствія для полученія согласія Черновой или ея родителей. Судебная палата удостовѣряетъ, что подсудимый не только не испросилъ согласія, но что даже дѣйствія его не были вызваны жалобою на болѣзнь Черновой.

Въ отношеніи значенія согласія больного, кассаціонная жалоба дѣлаетъ еще другое замѣчаніе, что нѣтъ причинной связи между отсутствіемъ согласія Черновой и послѣдовавшей смертью ея. По мнѣнію защиты, для осужденія подсудимаго по 1468 ст. улож. нужно, для признанія его виновнымъ въ преступной неосторожности, чтобы было доказано, что смерть Черновой не послѣдовала-бы, если бы испрошено было согласіе ея на операцію. Защита полагаетъ, что причинная связь должна выразиться въ реальныхъ, физическихъ дѣйствіяхъ виновника а не въ психологическомъ моментѣ, каковымъ является моментъ согласія. Хозяинъ, пославшій прислугу въ лавку, не можетъ, полагаетъ защита, отвѣчать за смерть этой прислуги, если ее переѣдетъ конка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для примѣненія указанной статьи уложенія, требуется наличность причинной связи между дѣйствіями подсудимаго и послѣдовавшею смертью потерпѣвшей. Непреложно также, что для вмѣненія въ вину совершеннаго уголовный законъ

требуетъ установки не всѣхъ причинъ создавшихъ данное преступленіе, а только тѣхъ изъ нихъ, которыя стоятъ въ извѣстномъ отношеніи съ преступною волею, вслѣдствіе чего, за отсутствіемъ такого отношенія, хозяинъ раздавленной прислуги, въ приведенномъ примѣрѣ, и не можетъ быть обвиняемъ въ преступной неосторожноти. На почвѣ этого соотношенія, установляющіяся условія дѣйствія могутъ выразиться какъ въ формѣ положительной, активной, такъ и въ формѣ отрицательной, какъ упущеніе и бездѣйствіе. Условія дѣйствія, образующія причинную связь событія преступленія и преступной воли, могутъ выразиться и въ моментахъ невѣдѣнія и заблужденія виновника относительно нѣкоторыхъ условій его дѣйствія. Эти послѣдніе моменты, исключая вину умышленную, вполнѣ уживаются съ виною неосторожною, такъ какъ сущность послѣдней и заключается именно въ небрежности обнаруженныхъ виновникомъ въ отношеніи тѣхъ или иныхъ условій его дѣйствій. Ошибочно также предполагаетъ защита, что причинная связь, соединяющая преступное дѣйствіе съ его результатомъ, можетъ выразиться только въ моментахъ реальной, физической стороны дѣйствій, и не можетъ выразиться въ моментахъ психологическихъ или соціальныхъ. Машинистъ, безъ предупредительныхъ свистковъ подъѣзжающій къ станціи и причиняющій кому либо смерть, не можетъ оправдываться тѣмъ, что локомотивъ его былъ въ порядкѣ, и что онъ управлялъ имъ по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ отвѣтитъ за неосторожное убійство потому, что небрежно отнессся къ безопасности частныхъ лицъ, къ обстановкѣ среди которой онъ дѣйствовалъ и къ условіямъ своего дѣйствія.

Вмѣняемая Модлинскому въ вину преступная неосторожность, повлекшая за собою смерть Черновой, относилась не къ физической сторонѣ его дѣйствій—къ оперативнымъ пріемамъ, а къ правовымъ интересамъ Черновой, къ юридической сторонѣ его дѣянія, къ закону. Изъ фактовъ, установленныхъ судебною палатою, приходится заключить, что подсудимый небрежно отнесся къ стоявшему на пути его дѣйствій вопросу о согласіи Черновой на операцію, что этимъ небрежнымъ своимъ отношеніемъ къ этому вопросу онъ неосторожно устранилъ одно изъ существенныхъ условій операціи—согласіе Черновой, и что не устрани онъ по небрежности это условіе—могло бы произойти одно изъ двухъ: или Чернова не согласилась бы на операцію или изъявила бы на нее согласіе. При запретѣ Черновой производить операцію, послѣдняя не могла бы найти мѣсто, а вмѣстѣ съ нею не произошла бы та смерть Черновой, которая по удостовѣренію судебной палаты, не подлежащей нашей провѣркѣ, находилась въ

связи съ операціею. При согласіи Черновой на операцію, дѣйствія Модлинскаго, по совершеніи ея, были бы правомѣрны и было бы слѣдовательно немыслимо предъявлять противъ него обвиненіе въ причиненіи неосторожной смерти Черновой, такъ какъ никакой неосторожности въ технической сторонѣ операціи онъ не проявлялъ. Въ обоихъ слѣдовательно случаяхъ, если бы Модлинскій не отнесся небрежно къ вопросу о согласіи Черновой, онъ не могъ бы быть привлеченнымъ къ уголовному суду, а изъ этого приходится заключить о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ въ настоящемъ обвиненіи отсутствіе согласія Черновой на операцію, совершенную Модлинскимъ.

Не ограничиваясь указаніемъ на отсутствіе состава преступленія во внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія, кассаціонная жалоба указываетъ еще, что нѣтъ элементовъ преступности и во внутренней сторонѣ дѣйствій Модлинскаго. Онъ только, по заявленію кассаціонной жалобы, увлекся въ исполненіи дѣла врача излишнею ревностью и, совершивъ сложную и трудную операцію для спасенія больной, обнаружилъ полное свое безкорыстіе.

При оцѣнкѣ этой части кассаціонной жалобы, не слѣдуетъ терять изъ виду, что подсудимый обвиняется въ совершеніи не умышленнаго. а только неосторожнаго преступленія, послѣднее же и не предполагаетъ наличности напряженной преступной воли. Сущность его выражается лишь въ недостаточной осмотрительности и небрежности, проявленной къ условіямъ преступнаго дѣйствія. Къ тому же добрые мотивы не въ состояніи восполнить недостатки правовыхъ основаній совершенія операціи Черновой. Они не могутъ служить источникомъ права врача на вторженіе въ правовую сферу паціента. Во что превратилась бы наша жизнь, если бы не правовой характеръ нашихъ дѣйствій, а добрыя, руководящія нами побужденія служили основаніемъ для установки нашихъ отношеній къ людямъ? По предположеніямъ поэта, и адъ будетъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Къ тому же судъ не уполномоченъ закономъ обусловливать примѣненіе правовыхъ нормъ измѣнчивыми указаніями нравственнаго чувства отдѣльныхъ лицъ.

Признавая такимъ образомъ, что къ установленнымъ судебною палатою фактамъ правильно примѣненъ законъ о наказаніи, и что судебная палата, при изложеніи въ приговорѣ обстоятельствъ дѣла, не допустила указанныхъ въ кассаціонной жалобѣ противорѣчій и неясностей, оберъ-прокуроръ полагалъ оставить кассаціонную жалобу Модлинскаго безъ послѣдствій.

VI. Опредѣленіе уголовнаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Правительствующій Сенатъ слушалъ: жалобу защитника доктора медицины Петра Модлинскаго, присяжнаго повѣреннаго Ледницкаго, на приговоръ Московской судебной палаты, по обвиненію Модлинскаго по 1468 ст. улож. о наказ.

1 марта 1900 года въ лечебницу доктора медицины Модлинскаго въ Москвѣ, поступила на излеченіе крестьянская дѣвица Прасковья Чернова, 18 лѣтъ, съ опухолью на шеѣ, которая и была удалена въ тотъ же день оперативнымъ путемъ. При осмотрѣ больной докторъ Модлинскій усмотрѣлъ у нея опухоль въ области живота, подлежавшую, по мнѣнію Модлинскаго, немедленному удаленію, вслѣдствіе чего 5 марта надъ Черновою произведена была операція лапаратоміи, причемъ при отдѣленіи опухоли часть содержимаго излилась въ полость брюшины. Въ слѣдующіе дни послѣ операціи положеніе больной ухудшилось и явилось предположеніе, что у нея перетонитъ, или же механическое препятствіе къ проходимости кишекъ, вслѣдствіе чего рѣшено было приступить ко второй операціи лапаратоміи, которая и была произведена 9 марта; причемъ обнаружилось, что у Черновой гнойцый перитонитъ, и въ 7 часовъ утра на 10 марта она умерла при явленіяхъ упадка дѣятельности сердца. Вслѣдствіе заявленія отца Черновой, что операція надъ его дочерью произведена безъ согласія какъ его, такъ и его жены, и что смерть Черновой послѣдовала, какъ надо предполагать, отъ неправильно сдѣланной операціи, возбуждено было предварительное слѣдствіе, къ которому докторъ Петръ Модлинскій привлеченъ былъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1468 ст. улож. о наказ., а затѣмъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, опредѣливъ у бывшей у него на излеченіи крестьянки Черновой кистозную опухоль въ области живота, зная, что операція чревосѣченія и извлечія этой опухоли представляетъ опасность для жизни больной, и не будучи вынужденъ обстоятельствами къ немедленному производству этой операціи, онъ Модлинскій, безъ согласія больной или ея родителей самовольно приведя Чернову въ безсознательное состояніе посредствомъ хлороформа, произвелъ означенную операцію,

вслѣдствіе которой Чернова умерла. Московскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ Модлинскаго виновнымъ по означенному обвиненію и приговорилъ его, на основаніи 142 и 28 ст. уст. о нак. и 1466 ст. улож. о нак., къ аресту при тюрьмѣ на семь дней и церковному покаянію. Московская судебная палата, въ которую дѣло это перешло по апелляціонному отзыву Модлинскаго, нашла: 1) что смерть Черновой причинилась, судя по общему смыслу заключеній экспертовъ врачей и Медицинскаго совѣта, отъ произведенной докторомъ Модлинскимъ операціи чревосѣченія; 2) что хотя такая операція и не воспрещена закономъ и нельзя было съ положительною вѣроятностью ожидать вредныхъ отъ нея послѣдствій, однакоже представлялась завѣдомо для Модлинскаго опасною для жизни Черновой и невызывалась въ то время, по состоянію больной безусловно необходимостью, и 3) что на производство такой опасной операціи, дающей весьма значительный прецентъ смертности, Модлинскій не только не испросилъ согласія Черновой или ея родителей, но и не былъ вызванъ жалобами первой или приглашеніемъ вторыхъ. Признавая въ виду этого дѣяніе Модлинскаго явно неосторожнымъ, причинившимъ смерть, Черновой, судебная палата нашла, что оно по признакамъ своимъ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 1468 ст. улож. о нак., на основаніи которой, а равно 110 и 149 ст. улож. о нак., приговорила Модлинскаго къ строгому выговору въ присутствіи суда и церковному покаянію по распоряженію его духовнаго начальства. На этотъ приговоръ защитникъ Модлинскаго, присяжный повѣренный Ледницкій, подалъ кассаціонную жалобу, въ которой указываетъ на неправильное примѣненіе статьи 1468 улож. о нак. и нарушеніе судебною палатою 797 и 892 ст. уст. угол. суд., выразившееся въ томъ что ссылаясь на заключенія экспертовъ врачей и мнѣніе медицинскаго депертамента, палата обошла полнымъ молчаніемъ установленное этими судебными доказательствами серьезнѣйшее обстоятельство о показаніи къ опереціи. Если бы палата обсудила силу и значеніе этого обстоятельства, то не могла бы обвинить врача въ томъ, что онъ произвелъ хотя не вызывавшуюся безусловной необходимостью, но ту операцію, которая признана показанной, т. е. подлежащей къ производству, конечно тогда, когда врачъ найдетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, и которую онъ находилъ безусловно необходимой. Далѣе, установивъ, что законъ не требуетъ согласія больнаго на производство операціи, палата затѣмъ ставитъ въ вину Модлинскому, что онъ не испросилъ согласія больной. Этимъ палата допустила явное противорѣчіе въ своихъ

разсужденіяхъ, вопреки 3 п. 797 ст. уст. угол. суд.. такъ какъ нельзя кого либо обвинять въ томъ, что онъ не сдѣлалъ того, чего законъ не требуетъ. Что же касается до неправильнаго примѣненія 1468 ст. улож. о нак., то, по мнѣнію жалобщика, въ дѣяніи Модлинскаго не заключается, и палатою не установлено, двухъ существенныхъ признаковъ означеннаго преступнаго дѣянія, а именно: явной неосторожности, выразившейся въ непринятіи мѣръ предосторожности при производствѣ закономъ не воспрещеннаго, и притомъ такого дѣянія, отъ коего нельзя было съ вѣроятностью ожидать вредныхъ послѣдствій, и чтобы послѣдствіемъ этой неосторожности была смерть. Въ виду этого защитникъ Модлинскаго проситъ или: отмѣнить преданіе Модлинскаго суду и состоявшійся о немъ приговоръ судебной палаты, за силою 1 ст. улож. о нак. и 1 ст. уст. угол. суд.; или же отмѣнивъ приговоръ палаты по нарушенію 1468 ст. улож. о нак., 797, 892 и 912 ст. уст. угол. суд., передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія Московской судебной палаты.

Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прукурора и объясненіе защитника, Правительствующій Сенатъ находитъ, что статья 1468 улож. о нак. предусматриваетъ причиненіе смерти отъ дѣянія, хотя закономъ не воспрещеннаго, но явно неосторожнаго, то есть такого, при совершеніи коего виновникомъ онаго не было принято надлежащихъ мѣръ предосторожности, и это упущеніе повлекло за собою чью либо смерть. По силѣ 110 ст. улож. о нак., на которую сдѣлана ссылка въ означенной 1468 статьѣ, большая или меньшая строгость наказанія за преступленіе, учиненное безъ намѣренія, зависитъ отъ того, обязанъ ли былъ учинившій оное, по званію своему или обстоятельствамъ дѣла, дѣйствовать съ особою осмотрительностью. И въ тѣхъ случаяхъ, когда вредныя послѣдствія дѣянія не могли быть легко предвидѣны, или же, когда виновный увлекался излишнею, въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, ревностью, статья 110 не освобождаетъ совершившаго неосторожное дѣяніе отъ отвѣтственности, а признаетъ эти обстоятельства лишь основаніемъ къ уменьшенію строгости слѣдующаго виновному наказанія. Московская судебная палата, находя, что совершенное докторомъ Модлинскимъ дѣяніе — операція чревосѣченія надъ крестьянской дѣвицей Черновой, послѣ которой она умерла, должно быть признано, по сопровождавшимъ оное обстоятельствамъ, явно неосторожнымъ, и что смерть Черновой причинилась именно отъ этой операціи, установила наличность слѣдующихъ со стороны Модлинскаго неосторожныхъ дѣйствій:

1, что онъ совершилъ операцію, хотя закономъ и не воспрещенную, но такую, которая завѣдомо для Модлинскаго представлялась опасною для жизни Черновой, какъ дающая весьма значительный процентъ смертности, и притомъ невызывавшуюся, по состоянію больной, безусловною и неотложною необходимостью; 2, что Модлинскій приступилъ къ такой операціи, не только не испросивъ согласія оперированной, или ея родителей, но и не будучи вызванъ къ тому жалобами первой, или приглашеніемъ вторыхъ; 3, что если бы операціи предшествовали переговоры съ больною или ея родителями, то Модлинскій имѣлъ бы большую возможность обсудить состояніе больной и, проникнувшись важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія, въ отношеніи здоровья и жизни своей паціентки, въ случаѣ несогласія на операцію, воздержался бы отъ совершенія таковой. Защитникъ Модлинскаго, указывая на отсутствіе причинной связи между дѣяніемъ Модлинскаго и смертью Черновой, находитъ съ своей стороны: 1, что такъ какъ Модлинскій не обвинялся въ допущеніи врачебной ошибки, а напротивъ по дѣлу установлено, что онъ въ діагнозѣ болѣзни Черновой не ошибся, и произвелъ операцію, которая была показана, то есть подлежала производству, когда врачъ найдетъ это необходимымъ, и что притомъ самая операція произведена была правильно, то вопросъ о томъ: была ли эта операція, въ то время, когда Модлинскій предпринялъ ее, необходимой, не можетъ служить фактическимъ признакомъ преступленія, предусмотрѣннаго 1468 ст. улож., а относится всецѣло къ субъективному взгляду врача, не подлежащему провѣркѣ уголовнаго суда; 2, что законъ не требуетъ согласія больнаго на совершеніе операціи, а посему и нельзя ставить Модлинскому въ вину неиспрошеніе такого согласія, отсутствіе коего не можетъ имѣть никакого значенія съ точки зрѣнія явной неосторожности, наказуемой по 1468 ст. улож.; 3, что такъ какъ Чернова добровольно пришла въ лечебницу Модлинскаго, чувствуя потребность въ леченіи, то не она должна была указывать врачу, гдѣ и какъ ее лечить, а это всецѣло относилось къ обязанности послѣдняго и вытекало изъ того довѣрія, которое питаетъ къ нему законъ, давая ему право лечить другихъ; 4, что врачъ тогда только можетъ обвиняться въ неосторожномъ дѣяніи, когда это послѣднее выразилось не въ психологическомъ моментѣ сознанія врача, не проникшагося важностью и опасностью предпринимаемаго имъ дѣянія, а въ реальныхъ, физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными.

Сопоставляя эти указанія кассаціонной жалобы съ установлен-

ными судебною палатою и не подлежащими, за силою 5 ст. учр. суд. уст., кассаціонной повѣркѣ, обстоятельствами дѣла, а равно съ опредѣленіями закона, какъ объ обязанностяхъ врачей, такъ и признакахъ уголовно-наказуемой, явной неосторожности, Правительствующій Сенатъ находитъ необходимымъ остановиться прежде всего на разрѣшеніи вопроса о томъ, обязательно ли для врача, считающаго нужнымъ производство операціи, испросить на совершеніе оной согласіе больнаго, или близкихъ къ нему лицъ, имѣющихъ о немъ попеченіе, и если обязательно, то въ какой мѣрѣ отвѣтственъ предъ уголовнымъ закономъ врачъ, произведшій, неиспросивъ такого согласія, операцію, повлекшую за собою смерть больнаго. Въ статьяхъ врачебнаго устава, касающихся обязанностей врачей (т. XIII св. зак. изд. 1892 г. ст. 81, 690), обязаноости эти опредѣляются, какъ долгъ врача быть готовымъ къ оказанію помощи, пособія, лицамъ, одержимымъ болѣзнями. Врачъ, не оставившій практики, обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія помощи, а въ случаѣ неисполненія сего безъ особыхъ законныхъ къ тому препятствій, подвергается отвѣтственности по 872 ст. улож. о наказ. Такимъ образомъ, какъ общее правило, врачеваніе обусловливается обращеніемъ больнаго къ содѣйствію врача. Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при эпидеміяхъ, угрожающихъ общественнымъ бѣдствіямъ, законъ предусматриваетъ необходимость, для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, безропотнаго повиновенія совѣтамъ и приказаніямъ врачей, но и въ этихъ случаяхъ повиновеніе не устанавливается какъ непремѣнная подлежащая безусловному исполненію обязанность, а лишь рекомендуется внушать населенію, чрезъ посредство священниковъ, о необходимости такого повиновенія (ст. 746). Въ виду такихъ указаній закона, дѣятельность врача слѣдуетъ признать какъ бы служебною въ отношеніи лицъ, обращающихся къ нему за помощью; обязанности подчиняться врачеванію для частнаго лица не существуетъ. Но затѣмъ, если больной, или близкіе къ нему люди, сознавъ необходимость врачебной помощи, обратились къ врачу, то слѣдуетъ ли изъ этого, что больной тѣмъ самымъ отдается въ полное распоряженіе врача для примѣненія всѣхъ тѣхъ способовъ леченія, которые врачъ признаетъ необходимыми и въ частности для совершенія, по его усмотрѣнію, всякихъ операцій надъ внѣшними и внутренними органами больнаго? Законъ придаетъ особую важность дѣятельности оператора, поелику безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, но и облечить болѣзни (ст. 81 ус. врачеб.). Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится постановле-

ніе 82 статьи того же устава, о томъ, что операторъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, буде время и обстоятельства терпятъ, не долженъ совершать оную безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, а особливо при важныхъ случаяхъ. Такая заботливость закона, объ условіяхъ производства операцій, вызывается несомнѣнно исключительною важностью тѣхъ правъ и интересовъ личности, которые могутъ потерпѣть ущербъ при совершеніи операціи, такъ какъ всякая операція неизбѣжно соединяется съ нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности оперируемаго лица. Право на тѣлесную неприкосновенность, равно какъ и право на жизнь, есть естественное право каждаго человѣка, оберегаемое закономъ силою разнообразныхъ постановленій, въ томъ числѣ и относящихся къ области уголовнаго права.

Дѣятельность врача, хотя бы право на леченіе принадлежало исключительно лицамъ, получившимъ медицинское образованіе, подчиняется тѣмъ же правиламъ, которыя установлены для всякаго рода закономѣрной дѣятельности. Однимъ изъ этихъ основныхъ правилъ является то, что тѣлесная неприкосновенность личности не можетъ быть, безъ ея разрѣшенія, нарушаема въ ея существенныхъ функціяхъ, разумѣя подъ этимъ не причиненіе преходящей физической боли, или незначительное измѣненіе покрововъ тѣла, а таковое измѣненіе организма, которое грозитъ опасностью здоровью, утратою органа, или способности его функціонировать, или смертью. Если не существуетъ обязанности подчиняться врачеванію, то и не можетъ быть признано право врача осуществлять это врачеваніе, а въ томъ числѣ и оперативное воздѣйствіе на больнаго въ указанныхъ выше случаяхъ безъ выраженнаго въ той или другой формѣ, или хотя бы по достаточнымъ основаніямъ и предполагаемаго, согласія и разрѣшенія сего послѣдняго. Обращаясь къ врачебной помощи, больной не теряетъ права располагать своими личными, естественными правами и не поступаетъ въ полное распоряженіе врача, хотя бы и получившаго, въ силу его научныхъ познаній, привилегію на леченіе. Несомнѣнно, что могутъ встрѣтиться случаи, когда по состоянію личности больнаго, не владѣющаго сознаніемъ, и при отсутствіи въ данную минуту лицъ близкихъ къ больному, имѣющихъ о немъ попеченіе, явится препятствіе къ полученію согласія, тогда какъ операція, по убѣжденію врача, должна быть произведена для спасенія жизни больнаго. Въ такихъ случаяхъ врачъ можетъ, конечно, исходить изъ предположенія о наличности согласія. Возможны также случаи, когда такое согласіе должно быть подразумѣваемо, если, напримѣръ, при совершеніи

операціи, на которую было испрошено согласіе больнаго, врачъ убѣдится въ необходимости производства другой дополнительной операціи, надъ другимъ органомъ или въ другомъ объемѣ. Но всѣ такія исключенія не могутъ поколебать общаго руководящаго начала, что врачъ не долженъ своими врачебными средствами дѣйствія посягать на существенныя права личности паціента безъ его на то согласія. Это руководящее начало выражено и въ заключеніи, данномъ по настоящему дѣлу высшимъ медицинскимъ установленіемъ въ Имперіи, медицинскимъ совѣтомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, признавшимъ, что согласіе больной или ея родителей на производство операціи, слѣдуетъ считать обязательнымъ. Въ виду всего этого, испрошеніе согласія на совершеніе операціи, могущей грозить опасностью жизни или утратою важнаго органа тѣла должно быть разсматриваемо какъ подлежащее непремѣнному исполненію со стороны врача, развѣ только этому не будутъ препятствовать какія либо исключительныя условія, въ коихъ находится личность больнаго въ моментъ приступа къ безусловно необходимой для спасенія его жизни операціи. Но на такія исключительныя условія въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, такъ какъ судебная палата, признавая, что операція была произведена Модлинскимъ не только безъ испрошенія согласія Черновой, или ея родителей, но и не вызывалась жалобою на такого рода болѣзнь со стороны Черновой, не установила вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подсудимый встрѣтилъ какія либо препятствія для полученія согласія. При такой обстановкѣ неиспрошеніе Модлинскимъ согласія Черновой несомнѣнно является признакомъ явной небрежности, обнаруженной имъ въ отношеніи такого условія его врачебной дѣятельности, которое было для него обязательно и несоблюденіе коего, въ виду послѣдовавшей смерти Черновой, придаетъ его дѣйствіямъ характеръ уголовно-наказуемой неосторожности. Вполнѣ правильно признана затѣмъ палатою наличность явной неосторожности и въ томъ, установленномъ палатою, условіи производства операціи, что таковая, завѣдомо для Модлинскаго, представлялась опасною для жизни Черновой, какъ дающая весьма значительный процентъ смерности, и не вызывалась въ то время, по состоянію больной, безусловною необходимостью. То обстоятельство, что операція эта была, съ медицинской точки зрѣнія, при наличности правильно опредѣленной болѣзни Черновой, показана, и что самая операція произведена съ технической стороны вполнѣ правильно, не устраняетъ отвѣтственности Модлинскаго въ томъ, что приступая къ операціи онъ не принялъ во вниманіе указанное выше постановленіе 82 ст. врачеб. устава и не соблюлъ тѣхъ мѣръ

предосторожности, которыя, съ точки зрѣнія закона, представляются необходимыми для огражденія здоровья и жизни больнаго. Если, какъ указываетъ кассаціонная жалоба, онъ не руководился никакими корыстными пробужденіями, а увлекся излишнею ревностью въ исполненіи долга, то это, согласно 110 ст. улож. о нак., можетъ лишь служить основаніемъ къ смягченію для него строгости опредѣленнаго по закону наказанія, какъ это и принято во вниманіе судебною палатою при постановленіи приговора. Нельзя наконецъ, въ заключеніе, признать правильнымъ и указаніе жалобщика, что по статьѣ 1468 улож. можетъ быть наказуема лишь такая неосторожность со стороны врача при производствѣ операціи, которая выразилась въ реальныхъ физическихъ дѣйствіяхъ, по своему свойству являющихся неосторожными. Уголовно наказуемая неосторожность можетъ выразиться не только въ формѣ положительной, активной, но и отрицательной, какъ упущеніе и бездѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія, и въ примѣненіи къ врачу, достаточно установить, что онъ небрежно отнесся къ безопасности и правовымъ интересамъ больнаго, а также и къ тѣмъ условіямъ своихъ дѣйствій, безъ соблюденія коихъ дѣйствія эти теряютъ характеръ закономѣрности. А такъ какъ, затѣмъ, палатою установлена, по обстоятельствамъ дѣла, не подлежащимъ кассаціонной повѣркѣ, причинная связь между дѣйствіями Модлинскаго и смертію Черновой, то и примѣненіе къ нему 1468 ст. улож. о нак. представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ сего закона. Въ виду изложеннаго, указанія жалобщика на нарушеніе судебною палатою 797 и 892 ст. у. у. с., допущеніемъ противорѣчія въ ея соображеніяхъ и необсужденіемъ въ совокупности всѣхъ данныхъ дѣла, лишены всякаго значенія. По симъ соображеніямъ, не усматривая въ приговорѣ Московской судебной палаты по дѣлу Модлинскаго нарушенія 797 и 892 ст. у. у. с., а равно неправильнаго примѣненія 1468 ст. улож. о нак., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу защитника Модлинскаго оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. угол. суд.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Уголовная отвѣтственность хирурговъ.

Н. С. Таганцева.

Вопросъ объ основаніяхъ, условіяхъ и объемѣ врачебной практики, съ точки зрѣнія уголовнаго закона, въ особенности въ послѣднее время, послѣ извѣстнаго процесса дрезденскаго врача въ 1894 году, вызвалъ и оживленные споры среди медиковъ и юристовъ и обширную литературу [1]). Наиболѣе простое рѣшеніе вопроса, особенно соблазнительное для неюристовъ, но находящее защитниковъ и между ними, признаетъ весь вопросъ празднымъ, такъ сказать, измышленіемъ криминалистовъ, въ виду того, что, начиная съ Гиппократа, непреложно установилось положеніе, что врачъ лѣчитъ, а не причиняетъ вреда и тогда, когда прибѣгаетъ къ желѣзу или огню, и что лѣчебныя дѣйствія, причиняющія паціенту страданія, поврежденіе или потерю органа тѣла, даже самую смерть, не могутъ быть подводимы ни подъ тѣлесныя поврежденія, ни подъ понятіе лишенія жизни [2]). Врачъ, говоритъ Геймбергеръ (стр. 45), ампутируя какой-нибудь зараженный органъ тѣла, производитъ рядъ патологическихъ измѣненій въ больномъ, но въ результатѣ получается сохраненіе здоровья и жизни. Признавать причиненія врачемъ тѣлесныхъ страданій паціенту—тѣлесными поврежденіями, значитъ, признать почти всякую дѣятельность врача непрерывнымъ причиненіемъ поврежденія здоровью, а врачебное дѣйствіе, направленное къ возстановленію здоровья, не можетъ быть почитаемо его поврежденіемъ. Но такая постановка и теоретически весьма спорна, и практически малопригодна. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія, направленныя къ удаленію изъ организма предметовъ или процессовъ, ему вредящихъ, уничтоженіе условій, способствующихъ его разрушенію, или направленныя къ возстановленію разстроенныхъ функцій, уничтоженію или облегченію страданій и т. д.,—составляютъ врачеваніе, которое можетъ

---

[1]) Oppenheim, Das ärztliche Recht zu körperlichen Eingriffen an Kranken und Gesunden, 1902; Dietrich, Die Straflosigkeit ärztlicher Eingriff. 1896; C. Stoos, Chirurgische Operation und ärztliche Behandluug. 1898; подробный разборъ его взглядовъ сдѣланъ Фингеромъ въ L. Z. XX. стр. 12 и сл.; I. Heimberger, Strafrecht und Medicin, 1896; Lilienthal, die pflichtmässige ärztliche Handlung und das Strafrecht, 1899.

[2]) Quod medicamentum non sanat, ferrum sanat, quod ferrum non sanat ignis sanat. За это положеніе высказываются Stoos, Heimberger, комментаторы германскаго уложенія—Франкъ, Ольсгаузенъ и др.

быть удачно или неудачно, дозволено или не дозволено, но которое само по себѣ не можетъ быть подводимо подъ преступное посягательство на тѣлесную неприкосновенность; но о такомъ подведеніи не возникаетъ и вопроса. Не было еще примѣровъ уголовнаго преслѣдованія за употребленіе медикомъ, по отношенію къ обратившемуся къ его помощи паціенту, лѣкарствъ или хирургическихъ пріемовъ, какъ за истязанія и мученія. Вопросъ ставится иначе: подходятъ ли причиненіе, посредствомъ примѣненія средствъ врачеванія, смерти паціенту, лишеніе его врачующимъ какого-нибудь органа тѣла, причиненіе ему раны и т. п., подъ соотвѣтственныя понятія тѣлесныхъ поврежденій или подъ лишеніе жизни? Сторонники разбираемаго мнѣнія категорически говорятъ, что нѣтъ, но почему?

Если въ чьемъ-либо носу, безъ вѣдома его хозяина, помѣстился полипъ, или на немъ, по винѣ владѣльца, образовалась опасная, заразная язва, то тѣмъ не менѣе этотъ больной носъ остается органомъ тѣла, и отнятіе его будетъ увѣчьемъ или обезображеніемъ лица. Даже если этотъ носъ или другой органъ пораженъ настолько, что утратилъ способность функціонировать, то можно спорить о томъ, можетъ ли онъ считаться органомъ тѣла, но онъ, несомнѣнно, остается частью тѣла, и посягательство на него со стороны объективной безусловно подойдетъ подъ понятіе тѣлеснаго поврежденія. Значитъ, различіе заключается въ сторонѣ субъективной? Но мы знаемъ, что для общаго понятія виновности необходимо, чтобы виновный сознавалъ то, что онъ дѣлалъ, и руководствовался сознаннымъ, или безразлично относился къ предполагаемому возможнымъ результату его дѣйствій. Но едва ли можно сомнѣваться, что хирургъ, ампутирующій зараженную руку или ногу, сознательно направляетъ свои дѣйствія именно къ произведенію этого послѣдствія. Значитъ, такое рѣшеніе вопроса неудовлетворительно, и надо искать другихъ основаній для признанія такой врачебной практики не только ненаказуемой, но и непреступною [1]). Такихъ основаній представляется нѣсколько. Первое и несомнѣнно весьма существенное—это согласіе пострадавшаго. Больной, обращаясь къ врачу за помощью отъ извѣстной болѣзни, согласившись на извѣстную операцію, конечно, не можетъ претендовать на тѣ страданія, которыя онъ затѣмъ испыталъ, на происшедшее искаженіе; просящій вырвать зубъ не можетъ расчи-

[1]) Нельзя не обратить вниманія, что Heimberger, не считающій возможнымъ признать въ дѣйствіяхъ врача наличности тѣлесныхъ поврежденій, совершенно неожиданно (стр. 55 и сл.) подводитъ тѣ изъ нихъ, которыя были предприняты безъ согласія больного, подъ понятіе посягательствъ на свободу.

тывать на то, что онъ при этомъ будетъ испытывать неземное блаженство; согласившійся на ампутированіе глаза или носа не можетъ претендовать на то, что красота его испорчена. Но какъ ни важно условіе согласія, оно не разрѣшаетъ вполнѣ всѣ случаи этого рода. Не говоря уже о производствѣ операцій надъ психически больными, дѣтьми, какъ будетъ требовать врачъ изъявленія согласія отъ находящагося въ состояніи безсознательности, если операція представляется немедленно необходимою? Кромѣ того, нельзя забывать тѣ, указанныя ранѣе, юридическія условія, при которыхъ согласіе устраняетъ преступность. Во-1-хъ, всѣ законодательства, а въ томъ числѣ и наше, считаютъ наказуемымъ лишеніе жизни съ согласія потерпѣвшаго. Какъ же смотрѣть на предпринятую врачемъ операцію со смертельнымъ исходомъ, когда при самомъ приступѣ къ таковой, врачъ считалъ благополучный исходъ маловѣроятнымъ, хотя и возможнымъ? А какъ будетъ рѣшаться вопросъ тамъ, гдѣ согласіе не устраняетъ наказуемости и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій? Далѣе, согласіе должно быть опредѣлено по отношенію къ отчуждаемому благу и должно предшествовать посягательству, но въ какомъ положеніи будетъ врачъ, который, чтобы не лишить больного мужества, необходимаго для успѣха операціи, скроетъ отъ него нѣкоторыя подробности, или послѣдствія, неизбѣжныя даже при благопріятномъ исходѣ? Можетъ ли врачъ прекратить операцію, необходимую по ходу болѣзни, когда паціентъ, подъ вліяніемъ физической боли, происходящей отъ операціи, требуетъ ея прекращенія? Можетъ ли врачъ приступить къ операціи покушавшагося на самоубійство, имѣя основаніе предполагать, что тотъ, по оживленіи, заявитъ полное несочувствіе его успѣшнымъ дѣйствіямъ? Особенно важно установленіе момента согласія при преступленіяхъ публичныхъ, при которыхъ позднѣйшее прощеніе учинившаго, даже выраженіе ему признательности, не устраняетъ возможности привлеченія учинившаго къ отвѣтственности прокурорскимъ надзоромъ, а таковы тяжкія тѣлесныя поврежденія.

Такимъ образомъ, согласіе больного не представляется единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ непреступности дѣйствій врача. Въ дополненіе къ этому условію указываютъ и на другія: врачебную цѣль дѣятельности и соотвѣтствіе дѣятельности обязанностямъ званія. Если первое условіе, значительно расширяя объемъ лицъ, дѣйствія коихъ признаются непреступными, является и по существу своему неопредѣленнымъ [1]), то второе, господствующее въ

[1]) Такъ, Oppenheim видитъ основаніе безнаказанности не въ исполненіи обязанностей профессіи, а въ медицинской цѣли дѣйствія, кѣмъ бы

литературѣ [2]), представляется и мнѣ наиболѣе удовлетворительнымъ. Если лѣчебное дѣйствіе вызывалось состояніемъ больного, соотвѣтствовало тому, что разумный врачъ могъ, сообразно требованіямъ медицины, предпринять для борьбы съ болѣзнію и для блага больного, оно не можетъ почитаться преступнымъ, хотя бы согласіе паціента на это дѣйствіе и могло быть установляемо лишь предположительно; и лишь въ случаяхъ трудныхъ операцій, лишающихъ органа или способности его функціонировать, или грозящихъ опасностью его жизни, врачъ, сообразно требованіямъ врачебной этики, долженъ сообщать больному или лицамъ, ему близкимъ, о предполагаемыхъ имъ средствахъ лѣченія и о возможномъ исходѣ операціи, такъ какъ больной можетъ иногда предпочесть вѣроятную смерть въ будущемъ—мучительной и тяжкой операціи. При такой постановкѣ вопроса, думается мнѣ, будутъ ограждены: врачъ—отъ неожиданнаго уголовнаго процесса и больной—отъ излишней самоувѣренности врача. Само собою разумѣется, что этою безнаказанностью профессіональной дѣятельности и даже съ согласія больного не устраняется отвѣтственность за небрежность, а тѣмъ болѣе за сознательную неправильность врачеванія [3]).

Подъ эту категорію подводятся и случаи совершенія врачемъ перфораціи при невозможности естественнаго родоразрѣшенія или цесарскаго сѣченія. Родильница, потребовавшая перфораціи, можетъ ссылаться на состояніе крайней необходимости, а врачъ—на исполненіе обязанностей званія. При этомъ такая оправдательная ссылка вполнѣ возможна не только въ тѣхъ случаяхъ, когда перфорація предпринята при согласіи матери, безъ согласія отца перфорированнаго ребенка, но, думается мнѣ, даже и безъ прямого согласія родильницы, какъ скоро врачъ докажетъ, что эта операція являлась неизбѣжною для того, чтобы изъ двухъ неминуемыхъ смертей и матери, и ребенка, устранить, по крайней мѣрѣ одну—матери.

таковое ни предпринималось, насколько это дозволяется обычаями. Къ такимъ случаямъ онъ относитъ (стр. 20 и сл.) и дѣйствія, предпринятыя съ лѣчебною цѣлью: для спасенія жизни, для уменьшенія страданій, для предупрежденія болѣзней, для исправленія тѣлесныхъ недостатковъ, даже для врачебнаго опыта. Но можно ли признать безнаказаннымъ всякаго знахаря, шарлатана, даже самомнительнаго врача, уморившаго больного, безъ его на то согласія, въ видѣ опыта? Heimberger, стр. 38, опредѣляетъ врачебное дѣйствіе, какъ всякое примѣненіе врачемъ или не врачемъ, съ цѣлью врачеванія, внутренняго или внѣшняго средства. На цѣль обращаетъ главное вниманіе и Лиліенталь.

[2]) Г. Мейеръ, Листъ, Гейеръ, Бернеръ, Биндингъ, Меркель и др.

[3]) Heimberger, Ueber die Straflosigkeit der Perforation.

II.

Рѣшеніе германскаго имперскаго суда (Reichsgericht'а) отъ 31 Мая 1894 года.

13 Іюня 1893 г. страдающая туберкулезнымъ пораженіемъ костей ноги семилѣтняя дочь хозяина гостинницы К. приведена была въ госпиталь его женой, послѣ того какъ врачъ, пользовавшій ранѣе ребенка, заявилъ о необходимости операціи. 23 іюня 1893 г. старшій врачъ этого госпиталя пытался задержать развитіе болѣзни резекціей костей ноги, но безуспѣшно. Дальнѣйшее распространеніе туберкулезнаго зараженія, по мнѣнію свѣдущихъ лицъ, угрожало «хронической болѣзненностью» ребенка и «окончательно смертью». Затѣмъ 28 іюля 1893 г. въ госпиталѣ замѣняющимъ старшаго врача лицомъ сдѣлана была ребенку ампутація ноги. Въ этотъ періодъ времени между обвиняемымъ, старшимъ врачемъ госпиталя, и отцомъ паціентки, содержателемъ гостинницы К., происходили по поводу операціи переговоры, изъ коихъ обнаружилось, что К., сторонникъ лѣченія природой, принципіальный врагъ хирургіи, заявилъ лично обвиняемому уже 20 или 21 іюня 1893 г., что онъ согласенъ идти навстрѣчу всякой опасности, лишь бы его ребенокъ не былъ калѣкой, и что онъ противится какой бы то ни было операціи. Обвиняемый утверждаетъ, что онъ съ своей стороны изъ этого разговора вынесъ такое впечатлѣніе, будто, вслѣдствіе его доводовъ, К. въ концѣ концовъ согласился на ампутацію. Затѣмъ 22 іюня К. явился снова въ больницу, говорилъ тамъ только со служащей сестрой С. и повторилъ ей «ясно и опредѣленно», что онъ не разрѣшаетъ предполагаемой операціи. Хотя С. передала въ тотъ же день это вторичное запрещеніе отца обвиняемому, сей послѣдній, однако, этого не помнитъ. Непосредственно передъ началомъ резекціи 23 іюня 1893 г., К. явился въ третій разъ въ больницу, чтобы уже отнять своего ребенка. Сестра О., къ которой обратился по этому предмету К., тотчасъ передала это заявленіе обвиняемому, сказавъ: «отецъ находится здѣсь и желаетъ взять ребенка». Обвиняемый на это отвѣтилъ: «теперь уже поздно, я потомъ поговорю съ отцомъ»—(паціентка тогда лежала приготовленная къ операціи, въ наркозѣ), и приступилъ къ резекціи. Послѣ ампутаціи ноги туберкулезныя явленія уже не возобновлялись, силы прибавились, и ребенокъ до сихъ поръ развивался далѣе нормально. Обжалованнымъ приговоромъ подсудимый, обвинявшійся въ тѣлесномъ поврежденіи по §§ 223, 223—а уголов. улож., оправданъ вслѣдствіе двоякаго рода соображеній. Разъ объективно установлено

то юридическое положеніе, что причиненныя дочери К. операціею резекціи костей ноги тѣлесныя поврежденія (Körperverletzungen) не могутъ быть разсматриваемы ни какъ поврежденія здоровья (Gesundheitsschädigungen), ни какъ истязанія (Misshandlungen) въ смыслѣ § 223 угол. улож., такъ какъ здоровье паціентки вслѣдствіе операціи не ухудшилось, а улучшилось, и что было бы противорѣчіемъ признавать истязаніями цѣлесообразное, разумное, даже необходимое обхожденіе въ видѣ оперативныхъ дѣйствій, то въ данномъ случаѣ безразлично, оперировалъ ли обвиняемый находящагося подъ властью отца малолѣтняго ребенка съ согласія или противъ воли отца. Далѣе, низшей инстанціей условно признается, что хотя обвиняемый, приступая къ операціи, зналъ, что отецъ ребенка не желаетъ ея, но что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что ему удастся позднѣе склонить въ пользу своего мнѣнія отца, волю котораго онъ находилъ неразумной, вредной для ребенка и потому несерьезной. Поэтому недостаетъ какъ объективной, такъ и субъективной противозаконности. Эти соображенія низшей инстанціи не могутъ служить основаніемъ къ оправданію обвиняемаго. Прежде всего, ошибочно не усматривать, какъ то сдѣлала низшая инстанція, въ хирургическихъ покушеніяхъ на цѣлость человѣческаго тѣла и его членовъ объективнаго характера «истязаній», подходящихъ подъ § 223 угол. улож., потому лишь, что въ обычномъ языкѣ подъ «истязаніемъ» понимается исключительно дѣйствіе неумѣстное, дурное или вредное, никогда разумное и цѣлесообразное. Когда, вмѣсто болѣе казуистичнаго изложенія § 187 прусскаго уголовнаго кодекса: «кто умышленно толкнетъ или ударитъ другого, или причинитъ ему другое истязаніе или поврежденіе тѣла», была принята нынѣшняя формулировка § 223 угол. улож.: «кто умышленно тѣлесно истязуетъ другого (misshandelt) или повредитъ его здоровье», то этимъ предполагалось расширить понятіе «тѣлесныя поврежденія», подводя подъ него всѣ непосредственно и физически причиненныя организму пораженія (Verletzungen). Въ виду § 224 угол. улож. не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сюда слѣдуетъ причислить и уродующія поврежденія какъ то: болѣе важныя поврежденія субстанціи, потеря отдѣльныхъ членовъ и т. под. Ст. 223 угол. улож. предполагаетъ, конечно, дѣйствіе противозаконное, изъ чего слѣдуетъ, что поврежденіе, причиненное непротивозаконно, не наказуемо. Нельзя однако «непротивозаконность» усматривать въ томъ, что цѣль или слѣдствіе поврежденія оказались цѣлебными для потерпѣвшаго и разумными. Объективно противозаконнымъ является каждое дѣйствіе, противное нормѣ, если дѣйствующему лицу не принадле-

жить самостоятельнаго права, ограничивающаго норму. Если данное лицо, по собственному убѣжденію, или по убѣжденію своихъ товарищей по профессіи, полагаетъ, что оно лучше понимаетъ интересы своего ближняго, чѣмъ самъ этотъ ближній, и умѣло примѣненными средствами лучше можетъ достигнуть тѣлеснаго или духовнаго блага своего ближняго, чѣмъ самъ онъ, то этому лицу все таки неприсуща компетенція вторгаться по собственному усмотрѣнію въ правовую сферу другого лица и причинять ему насиліе и произвольно сдѣлать его тѣло предметомъ благонамѣренныхъ лечебныхъ опытовъ. Абсурдность такого подчиненія особенно бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что основываніемъ права на разумности цѣли возводится въ факторъ, создающій права и нормы,—субъективная воля, чисто субъективная увѣренность отдѣльнаго лица въ своей способности, умѣніи дѣлать добро. Право, признаваемое низшей инстанціей за каждымъ врачемъ по отношенію къ каждому больному, должно бы быть признано съ одинаковой логической необходимостью за всякимъ, кто считаетъ себя способнымъ лечить по отношенію ко всякому, кого онъ считаетъ больнымъ. При такомъ разсужденіи остается неяснымъ, почему, напримѣръ, не разрѣшить также священнику, заботящемуся о благѣ души,—того, что должно быть дозволено врачу въ цѣляхъ исцѣленія тѣла, и отчего разумно-гуманная цѣль способна изъять изъ числа проступковъ только тѣлесныя поврежденія, а не лишенія свободы, принужденіе, поврежденіе вещей, нарушеніе домашняго спокойствія и многіе подобные проступки. Не менѣе трудностей представляютъ конфликты, которые возникнутъ на почвѣ правовыхъ понятій, высказанныхъ низшей инстанціей, когда нѣсколько врачей изберутъ одного и того же паціента предметомъ своихъ лечебныхъ дѣйствій, одинаково раціональныхъ и различающихся лишь по методу, и когда придется рѣшить, кому изъ врачей принадлежитъ преимущественное «право». Совершенно непригоднымъ для уголовнаго права является желаніе судить по случайностямъ успѣха, по послѣдствіямъ дѣянія, ожидаемымъ въ неопредѣленномъ будущемъ, о томъ, составляетъ ли проступокъ или нѣтъ дѣяніе, заключающее въ себѣ всѣ законные признаки § 223 угол. улож. Сдѣланная по этому случаю доктриной попытка признать профессіальное право врача вообще или признать его самостоятельной основой какихъ-либо правъ, принадлежащихъ врачу по отношенію къ тѣлу больного, несостоятельна и сама по себѣ, и какъ руководящее положеніе для разрѣшенія возникающихъ здѣсь вопросовъ. Въ дѣйствующемъ нынѣ германскомъ публичномъ правѣ врачеваніе является свободнымъ ремесломъ, которое открыто всякому

независимо отъ его познаній, образованія, опытности, ловкости, *утвержденія. Призваніе* принадлежитъ всякому, кто себѣ приписываетъ такое призваніе. Съ тѣхъ поръ, какъ германскимъ ремесленнымъ положеніемъ устранены послѣдніе остатки публично правовыхъ обязанностей, возлагавшихся на врачей, одинаково нельзя говорить о какихъ-либо правахъ, проистекающихъ изъ свободной профессіи. «Утвержденіе», согласно § 29 ремесленнаго положенія, даетъ право именоваться «врачемъ» и т. п. и создаетъ извѣстную квалификацію для того, чтобы лицу ввѣрялись служебныя функціи. Въ остальномъ же утвержденный врачъ ничѣмъ не отличается отъ неутвержденнаго въ области профессіональныхъ правъ и обязанностей. Во всякомъ случаѣ нельзя усмотрѣть, какимъ образомъ такъ назыв. «утвержденіе» могло бы явиться само по себѣ источникомъ конкретнаго правоваго отношенія между врачемъ А. и паціентомъ Б., и какимъ образомъ, среди многочисленныхъ «утвержденныхъ» врачей, именно данному врачу будто предоставлено господство надъ даннымъ паціентомъ. Было бы страннымъ, охотно предоставляя каждому молодому хирургу привиллегію безнаказанности за его хирургическіе опыты, если онъ выдержалъ экзаменъ и утвержденъ германскими властями, отказывать въ ней вызванному изъ-заграницы опытному оператору лишь потому, что ему недостаетъ «утвержденія» германскаго закона. Впрочемъ, и сторонники самостоятельныхъ профессіональныхъ правъ врача не могутъ отрицать, что во всякомъ случаѣ эти права находятъ себѣ границы въ противопоставляемой имъ волѣ дѣеспособнаго больного, его близкихъ, или какихъ-либо представителей ихъ правъ. Но если необходимо принять это ограниченіе, то въ немъ и заключается признаніе: 1) того, что не профессіональное право врача, а, прежде всего, воля больного даетъ ему законное основаніе безнаказанно производить тѣлесныя поврежденія тамъ, гдѣ они, совершенныя третьимъ лицомъ, стали бы наказуемымъ проступкомъ, и 2) того, что сама по себѣ профессія врача, съ ней связанныя обладаніе наукой и знаніемъ дѣла, опытность и ловкость, утвержденіе правительствомъ, служатъ къ тому, чтобы дать *волѣ*, призывающей врача къ кровати больного, разумное, достойное выраженіе. Правовыя прерогативы врача по отношенію къ его паціенту происходятъ основнымъ и существеннымъ образомъ отъ призыва, основаннаго на волѣ частнаго лица, а не отъ самого по себѣ профессіональнаго призванія. Въ отношеніяхъ между врачемъ и паціентомъ въ сферѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго права, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признавать исходной точкой существующее между двумя лицами соглашеніе. Будетъ ли

это названо порученіемъ, полномочіемъ, наймомъ услугъ, условіемъ о работѣ, или иначе, во всякомъ случаѣ, воля больного или лицъ ему близкихъ и законныхъ представителей призываетъ даннаго врача принять на себя пользованіе даннаго больного. По правилу, пока такая воля не выразилась, между обѣими категоріями лицъ, не существуетъ никакихъ юридическихъ отношеній. Разъ это твердо установлено, то изъ этого само собою вытекаетъ, что содержаніе и объемъ предоставленныхъ такимъ образомъ врачу правъ къ примѣненію всѣхъ средствъ его искусства должны регулироваться правовой волей больного. Конечно, врачъ въ правѣ предполагать, что больной или представители его воли, которые, довѣряясь его искусству, поручили ему пользованіе больного, вслѣдствіе этого подчинятся и его совѣту, послѣдуютъ его указаніямъ, и что имъ понравятся его лечебныя средства, и что вслѣдствіе этого при всѣхъ его вторженіяхъ въ организмъ больного его будетъ сопровождать согласіе больного. На почвѣ такихъ фактическихъ предположеній, для воплощенія разумной воли участвующихъ лицъ, признанное государствомъ или вообще утвержденное призваніе врача будетъ, безъ сомнѣнія, полно значенія. Конечно, исключительные случаи, въ которыхъ по причинѣ безсознательности, душевной болѣзни, невмѣняемости паціента, или при опасности въ случаѣ опозданія, вслѣдствіе отсутствія представителей больного, нельзя получить ясно выраженнаго изъявленія воли подлежащихъ лицъ, или когда выраженіе воли больного или его близкихъ звучитъ нетвердо, колеблется—даютъ пользующему врачу просторъ къ добросовѣстнымъ и основательнымъ предположеніямъ о томъ, что онъ заручёнъ въ данное время согласіемъ участвующихъ лицъ. Но такъ какъ дѣеспособный больной, призывая врача для исцѣленія своего страданія, конечно, не далъ ему неограниченнаго господства надъ своей личностью, то у врача можетъ всегда быть отнято порученіе лѣчить, одинъ врачъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и тотъ же больной, конечно, вправѣ выразить юридически дѣйствительный протестъ противъ каждаго отдѣльнаго лѣчебнаго средства, будутъ ли это внутреннія лѣкарства или оперативныя дѣйствія, и съ моментомъ такого протеста дѣеспособнаго больного или законныхъ представителей его воли прекращается право врача пользовать данное лицо и причинять ему поврежденія съ лѣчебною цѣлью. Поэтому врачъ, который умышленно причиняетъ съ лѣчебною цѣлью поврежденія тѣла, не будучи въ состояніи обосновать свое право на это существующимъ договорнымъ отношеніемъ или предполагаемымъ согласіемъ или предполагаемымъ пору-

ченіемъ лицъ, на то уполномоченныхъ, дѣйствуетъ противозаконно и подпадаетъ подъ норму § 223 угол. улож., запрещающую подобные проступки. Еще съ большей несомнѣнностью проявляется такая противозаконность, когда врачъ дѣйствуетъ вопреки выраженной волѣ больного. Эти основныя положенія, примѣненныя къ настоящему случаю, привели бы къ заключенію о невиновности обвиняемаго, если бы онъ видѣлъ въ поступленіи ребенка К. въ больницу и именно въ ея хирургическое отдѣленіе, согласіе родителей на оперативныя дѣйствія и, основываясь на этомъ, не испросилъ отъ нихъ спеціальныхъ и точныхъ объясненій и приступилъ къ операціи. Но такъ какъ установлено, что, до начала его оперативныхъ дѣйствій— отнятія костей ноги, законный представитель ребенка, котораго предполагалось оперировать, отнялъ порученіе дальнѣйшаго его врачеванія и рѣшительно отказалъ въ согласіи на операцію ноги, то дѣяніе обвиняемаго носитъ всѣ объективные признаки противозаконности. Далѣе, признано доказаннымъ, что обвиняемый сознавалъ означенную противозаконность своихъ дѣйствій. Это преступное сознаніе, пополняющее субъективный составъ дѣянія, предусмотрѣннаго § 223 угол. улож., не уничтожается тѣмъ, какъ далѣе говоритъ приговоръ, что обвиняемый разсчитывалъ получить въ будущемъ заднимъ числомъ согласіе отца, который будетъ тогда лучше освѣдомленъ. Разъ обвиняемому въ то время, когда онъ совершалъ инкриминируемыя тѣлесныя поврежденія, не принадлежало никакого права на ихъ совершеніе, и разъ онъ сознавалъ отсутствіе юридическаго полномочія, сопровождающаго его дѣйствія во время резекціи, то съ первымъ разрѣзомъ ножа, который онъ произвелъ надъ тѣломъ ребенка, проступокъ былъ законченъ, и было обосновано требованіе наказанія со стороны государства. Этотъ публично правовой фактъ никакой частной волей не могъ быть уничтоженъ. То, что судьѣ низшей инстанціи здѣсь кажется позднѣйшимъ согласіемъ и одобреніемъ, въ дѣйствительности, въ юридическомъ смыслѣ, есть не болѣе, какъ позднѣйшее прощеніе уже совершеннаго нарушенія закона. Воля человѣка можетъ дѣйствовать только на факты настоящіе и будущіе, но не на прошедшіе. Одобритъ ли позднѣе или не одобритъ ампутацію паціентъ, лишенный подъ наркозомъ костей ноги или всей ноги, случившееся не можетъ быть измѣнено ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ отношеніи. Притомъ неизвѣстно, на сколько времени должно быть отложено разрѣшеніе вопроса о законности операціи, обусловливаемой такимъ, уголовному праву совершенно неизвѣстнымъ, позднѣйшимъ согласіемъ, и другого зависящаго отъ него вопроса о

совершеніи проступка,—если предоставить оперирующему противъ воли больного врачу долговременными переговорами, научными спорами и т. п. убѣждать позднѣе больного или его близкихъ въ пользѣ и необходимости совершенной операціи; во всякомъ случаѣ должна быть объективно установлена уголовно правовая дѣйствительность такого позднѣйшаго согласія, если субъективно слѣдуетъ придавать юридическую дѣйствительность одной надеждѣ на нее врача. То, что приговоромъ признается за отсутствіе субъективной противозаконности, на дѣлѣ есть даже не вѣра обвиняемаго въ свое право, а лишь убѣжденіе въ томъ, что онъ лучше понимаетъ тѣлесное благо больного ребенка, чѣмъ его отецъ, и что у него есть болѣе вѣскія основанія для совершенія операціи, чѣмъ тѣ, которыя привелъ противъ нея К., вѣрующій въ лѣченіе природой, и что, вслѣдствіе этого, если бы въ будущемъ дошло до объясненій, онъ будетъ богаче его аргументами, О томъ, что изложеніе приговора приходитъ къ такому предпочтенію свѣдущаго врача предъ ограниченнымъ умомъ частнаго лица, явствуетъ еще изъ того, что, какъ приговоромъ признано, обвиняемый могъ бы, узнавъ передъ самой операціей о несогласіи отца, безъ всякаго вреда для больной отложить операцію на цѣлые дни и недѣли. Онъ съ полнымъ сознаніемъ пошелъ противъ несогласія не вслѣдствіе настойчивой опасности, уполномочивающей его предполагать, что необходимо теперь, и именно теперь, предпринять операцію, и потому всякій разумный человѣкъ долженъ одобрить совершенную 23 іюня резекцію, но потому, что онъ съ высоты своего положенія, какъ хирурга, считалъ несогласіе отца вообще недостойнымъ вниманія. Въ связи съ этимъ лишенъ значенія и неясный оборотъ въ мотивахъ приговора, гдѣ ставится на видъ дѣлаемое обвиняемымъ. различіе между «дѣйствительно серьезной волей» и несерьезной. Рѣшеніе, принятое даже въ аффектѣ, въ возбужденномъ состояніи является въ юридическомъ смыслѣ волей дѣйствительной, наличной, серьезной и юридически дѣйствительной. Очевидно въ такомъ случаѣ, что приговоръ хочетъ этимъ оборотомъ выразить лишь то, что обвиняемый вообще не былъ склоненъ принимать «въ серьезъ» взглядовъ и волеизъявленій содержателя гостинницы К. о хирургическихъ операціяхъ. Это можетъ оправдываться съ медицинской точки зрѣнія, съ общечеловѣческой это можетъ быть въ высшей степени простительно, но съ точки зрѣнія уголовнаго права — обвиняемый поступилъ противозаконно и совершилъ проступокъ, наказуемый §§ 223 и слѣд. угол. улож.

III.

ЗАКОНЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ВРАЧЕЙ.

Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 110. Строгость опредѣленнаго въ законѣ наказанія за преступленіе, учиненное безъ намѣренія, увеличивается, когда учинившій оное, по званію своему или обстоятельствамъ, былъ обязанъ дѣйствовать съ особенною осмотрительностью; сія строгость уменьшается, когда дѣяніе подсудимаго по существу своему было не противозаконное, а вредныя онаго послѣдствія не могли быть имъ легко предвидѣны, или же когда онъ въ семъ случаѣ увлекался излишнею въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей ревностью. Когда же неосторожность дѣянія, бывшаго причиною сдѣланнаго зла, оправдывается обстоятельствами, по коимъ никакъ нельзя было ожидать и предполагать вредныхъ онаго послѣдствій, то виновному въ сей неосторожности дѣлается только приличное на счетъ оной внушеніе

Ст. 870. Когда медицинскимъ начальствомъ будетъ признано, что врачъ, операторъ, акушеръ или повивальная бабка, по незнанію своего искусства, дѣлаютъ явныя, болѣе или менѣе важныя въономъ ошибки, то имъ воспрещается практика, доколѣ они не выдержатъ новаго испытанія и не получатъ свидѣтельства въ надлежащемъ знаніи своего дѣла.

Если отъ неправильнаго леченія послѣдуетъ кому либо смерть или важный здоровью вредъ, то виновный, буде онъ христіанинъ, предается: церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.

Ст. 871. Давшіе дозволеніе на врачебную практику лицамъ, неимѣющимъ всѣхъ требуемыхъ для сего закономъ свѣдѣній, подвергаются: взысканіямъ и наказаніямъ на основаніи правилъ, въ ст. 388 сего уложенія опредѣленныхъ.

За всякій вредъ, происшедшій отъ невѣжества лицъ, занимающихся оспопрививаніемъ, съ дозволенія медицинскаго чиновника, сей чиновникъ подвергается: денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей; а виновные оспопрививатели, если зло послѣдовало отъ не-

исполненія предписанныхъ имъ правилъ или отъ небрежности, присуждаются: къ аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль.

Ст. 1466. Кто безъ намѣренія учинить убійство дозволитъ себѣ какое либо дѣйствіе, противное ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, и послѣдствіемъ онаго, хотя и неожиданнымъ, причинится кому либо смерть, тотъ за сіе подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Если, однакожъ, за то противное установленному порядку дѣяніе опредѣлено въ законахъ другое, строжайшее наказаніе, то виновный подвергается оному, на основаніи правилъ, постановленныхъ о совокупностип реступленій. Во всякомъ случаѣ, буде онъ принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то предается церковному покаянію по усмотрѣнію своего духовнаго начальства.

Ст. 1468. Если отъ дѣянія, закономъ не воспрещеннаго и такого рода, что нельзя было съ вѣроятностію ожидать вредныхъ отъ него послѣдствій, но однакожъ явно неосторожнаго, причинится кому либо смерть, то виновный или виновные въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ дѣла и сообразно съ правилами, означенными въ статьѣ 110 сего Уложенія: или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ; или аресту на время отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ; или же строгому выговору въ присутствіи суда. Они также, буде принадлежатъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, во всякомъ случаѣ, предаются церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.

Уставъ врачебный (*Св. зак. т. XIII, изд. 1892 г.*).

Ст. 81. Первый долгъ всякаго врача или акушера есть: быть человѣколюбивымъ и во всякомъ случаѣ готовымъ къ оказанію дѣятельной помощи всякаго званія людямъ, болѣзнями одержимымъ. Качества сіи несравненно еще нужнѣе для оператора, поелику безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, но и облегчить болѣзни. Посему каждый, не оставившій практики врачъ, акушеръ, операторъ и т. п. обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія помощи.

Ст. 82. Операторъ, призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, буде время и обстоятельства терпятъ, не

долженъ совершать оную безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, а особливо при важныхъ случаяхъ.

Ст. 106. Обязанности и отвѣтственность, возложенныя на служащихъ медицинскихъ чиновъ и изъясненныя въ статьяхъ 81, 82, 87 и 88, возлагаются и на вольнопрактикующихъ врачей.

Ст. 690. Подавать врачебныя пособія людямъ, болѣзнями одержимымъ, есть долгъ врачей. Посему каждый не оставившій практики врачъ операторъ, акушеръ, фельдшеръ, повивальная бабка и тому подобные должны по приглашеніямъ являться къ больнымъ и давать имъ помощь безденежно или за плату, на основаніи правилъ, въ первой книгѣ сего устава изложенныхъ.

Законы о причисленіи къ почетному гражданству съ разъясненіями. 1902 г. Ц. 25 к.

Законы о вѣрѣ и вѣротерпимости (съ прилож. свода разъясн. по рѣшеніямъ Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Законы о бракѣ и разводѣ (Сборникъ постановленій дѣйств. законод., относящихся къ союзу брачному и расторженію браковъ, съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р 25 к.

Законы о женщинахъ (Сборникъ всѣхъ постановл. дѣйств. законод., относящихся до лицъ женскаго пола). Составилъ *Я. А. Канторовичъ* Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Законы о дѣтяхъ (Сборникъ постановленій дѣйств. законод., относящихся до малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, съ прилож свода разъясненій по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Законы объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей (съ объясненіями, извлеченными изъ мотивовъ закона 12 Марта 1891 г., и съ разъясненіями по опредѣл. Правит. Сената) Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 Ц. 50 к.

Законы о безумныхъ и сумасшедшихъ (съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Законы о безвѣстно-отсутствующихъ (съ прилож. свода разъясн. кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Новое уголовное уложеніе. (Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г.), съ прил. алфав. указателя. Ц. 60 к.

Законы о личномъ наймѣ (съ прилож. свода разъясн. по кассац. рѣшен. Сената). Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Законы о привиллегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія въ главнѣйшихъ государствахъ. Составилъ *Я. А. Канторовичъ.* Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

Законъ о ростовщичествѣ, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ, и съ разъясн. по кассац. рѣш. Сената Составилъ тов. оберъ-прокурора Угол. Касс. д-та Сената. *А. К. фонъ-Резонъ.* Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. *I. Экштейна.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Общественное мнѣніе. Проф. *Ф. Гольцендорфа.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Литературная собственность (съ приложеніемъ всѣхъ постановл. дѣйств. законод. о литератур., худож. и музык. собственности вмѣстѣ съ разъяснен. по кассац. рѣш. Сената). *Я. А. Канторовича.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Женщина въ правѣ. *Я. Оровича.* Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.

Преступность и преступники (Уголовно-психологическіе этюды). *Д. А. Дриля.* Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к

Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ), проф. *I. Колера,* Изд. 2-е. Спб. Ц. 80 к.

Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. *А. Морилло и Г. Дебена.* Спб. 99. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Гипнотизмъ въ правѣ, д-ра *С. Фишера.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. *Я. Канторовича.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Родители и дѣти (съ прилож. постанов. дѣйств. законод., опредѣляющихъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей). *И. Гуревича.* Изд. 2-е. Спб. 99. Ц. 1 р.

Гражданскій бракъ, проф. *Н. С. Суворова.* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 80 к.

Исторія политико-экономическихъ доктринъ, пр. *А. Эспинаса.* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 1 р.

Тюремный міръ (типы и характеристики). *Э. Лорана.* Изд. 2. Спб. 99. Ц. 1 р. 60 к.

